

ГОУВПО «ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№5 (19) 2009

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Ан. А. - кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Ал. А. - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

НАУЧНО- РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Л. А. - доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Демидов О. В. - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

Квашнина Е. Н. - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г.Челябинск, пр.Победы, 162-в, к.107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

ISSN 1998-1546

© ГОУВПО «Челябинский
государственный университет»

© Лаборатория
межкультурных коммуникаций

© ООО «Энциклопедия»

Формат 60x84 1/16.

Бумага ВХИ 80 гр.

Объем 9,1 усл.п.л.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.

454084, г.Челябинск,

Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Галлямова М. С.** Мещанская трагедия Джорджа Лило – её место в английской драматургии эпохи Просвещения7
- Мехеда М. И.** Прагмастилистические функции редупликативов в художественном функциональном стиле (на материале произведений современных русскоязычных и англоязычных авторов)11
- Прима А. М.** Женские персонажи в свете восприятия мужчин в романе В. Вульф «Мисс Дэллоуэй»: гендерная составляющая ...23
- Шестеркина Н. В.** Макроструктура концепта ‘огонь’: на материале фольклорных текстов28

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Алимурадов О. А., Гусева М. А.** Областная модель концепта BEAUTY, вербализуемая коммуникантами-женщинами36
- Антипова Е. Н.** Концепт «метель» в русской языковой картине мира52
- Баллод И. В.** О статусе точки в составе общегеографических средств оформления письменной речи60
- Бейлинсон Л. С.** ИмPLICITные речевые действия в профессиональном дискурсе71
- Галичкина Е. Н.** Самопрезентация языковой личности в сетевой коммуникации (на материале ников участников «Чата»)80
- Денисенко Н. В.** Правила написания рекламных текстов88
- Каналаш О. П.** Двойственный аспект зоонима в лингвокультурологии91
- Кременецкая И. В.** Способы выражения модальных значений единицами разных уровней языка95
- Лаврова Н. А.** Контаминированное слово и комплексное сокращение99
- Маринин М. А.** Особенности употребления глагольных идиом в текстах по специальности106
- Пучкова А. В.** Речевой жанр «канцелярская отписка» как вариативный феномен дискурса110

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

- Гусева О. А.** Условия реализации стратегии эмоционального резонанса в политическом манипулятивном дискурсе118

<i>Шевченко О. П.</i> Гендерные отличия в коммуникативном поведении политиков	130
---	-----

ЯЗЫК СМИ

<i>Могилевская О. А.</i> Способы выражения имплицитности в текстах СМИ с маркированной идеологической тональностью (на материале русских и американских статей 20-30х годов и современных изданий)	135
<i>Зырянова И. П.</i> Полипрецедентные модели заголовков в британской прессе	147

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

<i>Анохина М. А.</i> О некоторых особенностях употребления адвербиальных глаголов в составе конструкции “come (go) + PI”	153
<i>Кулаженко А. В.</i> Лингвокультурный аспект в переводе	157
<i>Куличенко Ю. Н.</i> Репрезентация внешнего проявления внутреннего состояния удивления в русском и английском языках	161
<i>Новрузова Г. Г.</i> Соматическая лексика антропоцентрической направленности русского и английского языков как объект изучения	168
<i>Пасечник Т. Б.</i> К вопросу о сопоставительных исследованиях фразеологических картин мира народов (на материале русских и английских ФЕ с числовым компонентом)	177
<i>Суворова Н. Л.</i> Морфологические особенности английского грамматического просторечия	181

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

<i>Ларина Е. А.</i> Этические принципы в преподавании иностранных языков	189
<i>Михайлова Е. В., Назарко Е. В.</i> Национально ориентированные учебные материалы в процессе преподавания РКИ в музыкальном вузе: М. Богданович – В. Короткевич	193
<i>Зиятдинова Е. В.</i> Метод проектов как эффективное средство формирования коммуникативной компетенции учащихся профильных классов общеобразовательных учреждений	203

АННОТАЦИИ	219
------------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	227
----------------------------------	-----

CONTENTS

LANGUAGE OF FICTION LITERATURE

Gallyamova M. S. Bourgeois Tragedy of George Lillo – its Place in the English Drama of Enlightenment	7
Mekheda M. I. Pragmatic Stylistic Functions of Reduplicates in Literary Functional Style (based on materials of works of contemporary Russian and English authors)	11
Prima A. M. Female Characters in the Light of Men’s Perception in the Novel “Mrs Dalloway” by V.Wolf: Gender Component	23
Shesterkina N. V. The Macrostructure of the Concept “Fire”: Based on Folklore Texts	28

LANGUAGE STUDIES

Alimuradov O. A., Guseva M. A. Regional model of the concept BEAUTY verbalized by women-communicators	36
Antipova E. N. The Conception “metel” in the Russian Language World View	52
Ballod I. V. About the Status of Full Stop within the Common Geographic Means of Written Speech Execution	60
Beylinson L. S. Implicit Speech Actions in the Professional Discourse	71
Galichkina E. N. Self-presentation of Language Personality in Web Communication (based on materials of nicks of “Chat” participants)	80
Denisenko N. V. The Methods of Advertising Copies Production	88
Kanalash O. P. Double Aspect of Zoonym in Linguistic Culturology	91
Kremenetskaya I. V. Ways of Expression of Modal Meanings with Units of Different Language Levels	95
Lavrova N. A. Contaminated Word and Complex Contamination	99
Marinin M. A. Peculiarities of Usage of Verbal Idioms in the Specialized Texts	106
Puchkova A. V. Speech Genre «Bureaucratic Formal Reply» as a Discourse Phenomenon	110

LANGUAGE OF POLYTICS

Guseva O. A. Conditions for Realization of Strategies of Emotional Resonance in Po-litical Manipulative Discourse	118
Shevchenko O. P. Gender Differences in Communicative Behaviour of Politicians	130

LANGUAGE OF MASS MEDIA

Mogilevskaya O. A. Ways of Expression of Implicity in the Texts of Mass Media with Marked Ideological Tonality (based on materials of the Russian and American articles of 20-30s and contemporary works)	135
Zyryanova I. P. Polyprecedency in Headlines of British Mass Media	147

LINGUISTICS AND TRANSLATION

Anokhina M. About some Peculiarities of Usage of Adverbial Verbs in Construction “come (go) + PI”	153
Kulazhenko A. V. Linguistic Cultural Aspect in Translation	157
Kulichenko Y. N. Representation of External Manifestation of Internal State of Sur-prise in the Russian and English Languages	161
Novruzova G. G. Somatic Vocabulary of Anthropocentric Focus in the Russian and English Languages as an Object of Study	168
Pasechnik T. B. On Comparative Studies of the Phraseological Models of the World of Peoples (on the material of Russian and English idioms with number components)	177
Suvorova N. L. Morphological Peculiarities of the English Low-colloquial Speech in the Aspect of Grammar	181

METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

Larina E. A. Principles of Ethics.....	189
Mikhailova E. V., Nazarko E. V. Nationally Oriented Educational Materials in the Process of Teaching Russian as a Foreign Language in a Musical University: M.Bogdanovich – V.Korotkevich	193
Ziyatdinova E. V. The Project Method as an Effective Means of Forming of the Com-municative Competence of the Students from the Profile Classes in the Schools Providing General Education	203

ABSTRACTS	219
------------------------	-----

INFORMATION ABOUT AUTHORS	227
--	-----

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МЕЩАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ ДЖОРДЖА ЛИЛЛО – ЕЁ МЕСТО В АНГЛИЙСКОЙ ДРАМАТУРГИИ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

М. С. Галлямова

Пьеса “Лондонский купец, или история Джорджа Барнвела” Дж. Лилло стала явлением, открывающим новую эпоху в истории английской драматургии. Её мещанская трагедия отличается гармоничным соотношением частей, ее сцены последовательны, логически мотивированны, завязка, кульминация и развязка четко очерчены и легко определяемы. Джордж Лилло был одним из первых, кто использовал художественные средства для решения нравственных задач: простоту, легкость, доступность и выразительность языка.

Ключевые слова: мещанская трагедия, эпоха Просвещения, белый стих, прозаичность стиля

Известный проповедник Джереми Колльер, обличая нечестивость английской сцены своего времени, в 1696 году написал: “Трагедии должны взывать к добродетели и критиковать пороки” [2, С. 1]. Джордж Лилло достиг этой цели в своей пьесе “Купец, или правдивая история Джорджа Барнвела” (“The Merchant, or the True History of George Barnwell”, 1731), которая получила новое заглавие при втором показе – “Лондонский купец или история Джорджа Барнвела” (“The London Merchant, or the History of George Barnwell”). Один из современников, возможно, это был Самуэль Ричардсон, так отреагировал на пьесу, подчеркивая ее социальную значимость: “Сценическое действие получило новое предназначение: поучение молодежи” [1, С. 16].

Джордж Лилло взял сюжет “Лондонского купца” из баллады, сложенной в начале XVII века. Речь здесь шла о злосчастной судьбе молодого приказчика, попавшего в лапы циничной и распутной женщины, под влиянием которой он совершает преступление и заканчивает виселицей. Сам выбор источника характерен. Лилло обращается не к истории или мифологии, а к балладе, издавна популярной в городской и мещанской среде и повествующей о герое, вышедшем из этой среды.

Очевидно, что сюжет трагедии в основном повторяет балладу. Но есть несколько существенных отличий между ними. Во-первых, хозяин Джорджа даже не назван и не описан в балладе. Он только является источником денег для молодого человека. В версии Лилло, образ Торогуда (Thorowgood – “хороший во всех отношениях”, through- совершенно, good - хороший) намного значительнее, так как он сочувствует герою и заботится о нем, как о собственном сыне. Во-вторых, главный герой пьесы не скрывается в Полонии (Polonia), что, вероятнее всего, может быть Польшей или Булонью во Франции. В-третьих, Джордж Лилло наделяет Барнвела ни семьей, ни сестрой, ни братом, для того, чтобы вызвать больше сочувствия в глазах публики. У Лилло главный герой – сирота, как было во многих сентиментальных пьесах того времени. И, что самое важное, герой трагедии не собирался кончать жизнь самоубийством.

Гете, видевший пьесу дважды: один раз мальчиком и в возрасте 19 лет, позже напишет о своих ощущениях: “Я зевал, но в конце я плакал” [4, С. 494]. В трагедии Лилло явственно различимы черты пуританской назидательной притчи. Своих преступников он судит двойным судом – земным и небесным. Барнвел, идущий на казнь еще может надеяться на благость Провидения. Мильвуд умирает нераскаявшейся, и ее ждет вечная кара.

Пьеса заканчивается эпилогом, как и все театральные пьесы того времени. В XVIII веке эпилогам придавалось большое значение, так как они завершали спектакль и могли закрепить благоприятное впечатление публики.

Особого внимания заслуживает язык трагедии. “Лондонский купец” – первая английская трагедия, почти полностью написанная прозой. Необходимо отметить эксперимент Лилло, на который не осмелился пойти ни один из его предшественников. Он адаптировал прозу с целью сопоставить мещанский интерес трагедии с гармонией реальной жизни.

Возможно, Лилло писал трагедию белым стихом, прежде чем представить пьесу в прозе. Л.М. Прайс комментирует: “Ритм так превалировал, что зритель мог предположить, что Джордж Лилло воздерживался от чистой поэзии, принимая во внимание только простую, незамысловатую тему” [5, С. 130]. Конечно, в прологе трагедии допускается использование прозы, отражающей “простые стихи”. Различные части пьесы могут быть легко переделаны в белый стих. Вот пример:

A dismal gloom obscures the face of the day
either the sun has slipped behind a cloud.
(Унылый мрак затмил день, /
Солнце также спряталось за тучу)
or journeys down the West of heaven with more
than common speed....
(или плывет себе по небу на запад, /
на высокой скорости...)

Отношение XVIII века к использованию прозы в драматургии было противоречивым. Например, Аддисон считал, что поэзия была более естественна, поэтому сам он писал диалоги прозой, а затем переписывал белым стихом. Казалось, что Джордж Лилло сделал все наоборот.

Не все писатели того времени принимали прозу. Но Дени Дидро все же выделил несколько выигранных черт мещанской трагедии, написанной в такой манере: “Я иногда спрашиваю себя: должна ли мещанская трагедия быть написана стихами, и, не зная почему, я отвечаю нет ... Возможно, этот жанр требует специальной формы написания, о которой я даже не имею представления” [6, С. 313].

Можно найти и негативные оценки нововведения Джорджа Лилло. Так Хаммард называет прозу Лилло монотонной. Фредерик Боас указывает на искусственно напыщенную фразеологию драматурга.

Но введение прозы в серьезную драму было более важно с исторической, чем с эстетической точки зрения. XVIII век был назван веком прозы. Такой эксперимент в литературе был уникален, так как Джордж Лилло нашел новый метод выражения мыслей в пьесе.

Стиль драматурга служил воплощению его морально-нравственных целей. Например, в финальной сцене, когда куртизанка отказывается от раскаяния, ее язык отражает патетичный переход от отчаяния к вызову. На протяжении всей трагедии Джордж Лилло не мог использовать такой простой, но эмоциональный язык. Там, где Мильвуд к концу пьесы передает свои эмоции холодным, пренебрежительным тоном, каждое слово ее монолога заставляет зрителя вздрагивать. Настолько ее речь выразительна.

Самое смелое нововведение драматурга – прозаический язык в трагедии прославило его. Со времен Джорджа Лилло и до современности, согласно Р. Гильману, “поэзия стала скрыта, отрезана от домашних событий” [3, С. 333].

Простота и ясность явились отличительными чертами Лилло не только в области создания характеров и композиции, но и стиля,

который послужил для выражения моральной подоплеки. Все вместе это привело к рождению нового жанра – мещанской трагедии. Поэтому Джордж Лилло всегда будет заслужено занимать почетное место среди европейских драматургов.

Список литературы

1. Carson A. L. Domestic Tragedy in English – Anonymous (Samuel Richardson?) The Ap-prentice's Vade Mecum. London, 1734.
2. Collier, J. A Short View of Immorality and Profaneness of the English Stage. N.Y., 1974.
3. Gillman R. Ibsen in America. N.Y., 1978.
4. John A. Walz. Goeth's "Goetz von Berlichingen" and Lillo's "History of George Barnwell" // Modern Philology, III (April 1906).
5. Price L. M. George Barnwell Abroad // Comparative Literature (Spring 1950).
6. Thorndike A. H. Tragedy. Boston, 1908.

**ПРАГМАСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ
РЕДУПЛИКАТИВОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ФУНКЦИОНАЛЬНОМ СТИЛЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ
И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ)**

М. И. Мехеда

В статье рассматриваются особенности функционирования редупликативов в художественных произведениях современных русскоязычных и англоязычных авторов. В русском и английском языках редупликация является стилистически маркированным способом словообразования, функциональная нагрузка редупликативов в текстах художественных произведений представляет интерес с точки зрения многоплановости взаимодействия формы и семантики.

Ключевые слова: редупликация, интенсификация, экспрессивность, кодирование дополнительной информации

Как уже неоднократно отмечалось, язык социален по своей природе, поэтому его эволюционирование происходит одновременно с историческим развитием общества. Вторая половина 20 - начало 21 века ознаменовалось бурным подъемом экономики, научно-техническим прогрессом, социальными и политическими катаклизмами, глобализацией и т.д., все это оказало влияние на языковые процессы. Изменениям оказались подвержены все уровни языка: фонологический, словообразовательный, синтаксический. Заметно усилилась тенденция к сближению литературно-книжных норм с разговорными в современном языке. В связи с этим следует отметить заметное увеличение ненормативной лексики в просторечье, что более не является привилегией речи социальных маргиналов. Значительно выросло количество неологизмов и заимствований. Необходимо отметить также некоторые различия в выборе словообразовательных средств. Здесь в большей мере характерно образование слов в соответствии со словообразовательными типами, не относящимися к основным продуктивным видам в литературном языке. К таковым следует отнести контаминацию, усечение, звукоописательные (ономатопеические) окказионализмы, редупликацию.

Подобного рода образования чрезвычайно экспрессивны и информативны в результате взаимодействия содержательных и звуковых признаков, они широко распространены в разговорной речи, обычно кратки и легко запоминаются. Особенно необходимо отметить редупликативы, которые включают в себя элементы рифмованного сленга и зачастую являются производными от ономапоических образований. В.А.Виноградов в статье «Редупликация» в БЭС раздел Языкознание предлагает следующее определение явлению редупликации в языке: «Редупликация — фоно-морфологическое явление, состоящее в удвоении начального слога (частичная редупликация) или целого корня (полная редупликация)» [1. С.408].

Ученые лингвисты, изучающие проблемы словообразования, утверждают на основе многочисленных исследований, что такой феномен как редупликация характерен для большинства языков мира. Необходимо отметить научные изыскания в области редупликации в славянских языках (Крючкова О.Ю. 1999, 2000, 2003; Минлос Ф.Р. 2004), английском языке (И.В.Арнольд 1973; Т.М.Беляева и В.А.Хомяков 1984; Петрова Л.И. 1978, Maranz A. 1982; H.Marchand 1960; N.Thun 1963; S.-P. Wang 2001), итальянском (Вежбицкая А. 1999), в языках юго-восточной Азии (Беликов В.И. 1989, Горгониев Ю.А. 1980, Лонг Сейм 1980, Омельянович Н.В. 1980, Оглобин А.К. 1980; Орузбаева Б.О. 1964.), румынском (Гуро Л.), тюркских языках (Аганин Р.А. 1959, Егоров В.Г. 1971) и др.

Как отмечает О.Ю. Крючкова, основные модели образования редупликативов достаточно универсальны для разнотипичных языков. «Во всех языках (или в большинстве языков) редупликация может быть полной (полное удвоение редупликанта: слога, морфемы, основы или слова), неполной (частичное повторение редупликанта в редупликаторе) и дивергентной (с изменением звукового состава редупликанта)» [2. С.70]. Несмотря на универсальность механизмов редупликации как способа словообразования, редупликативы выполняют различные функции в разноструктурных языках. В языках юго-восточной Азии редупликация выполняет грамматические функции обозначения множественности предметов, либо качества признака. В русском языке для ряда редупликативов, образованных по модели полного удвоения (предельная редупликация или словоудвоение: далеко-далеко, еле-еле) является характерным наличие дополнительного значения интенсификации степени признака; удвоение слов, выражающих процесс, привносит значение повторяемости

или продолжительности действия (учишь-учишь, ходишь-ходишь). Здесь можно говорить о так называемом иконическом характере редупликации.

В английском и русском языках редупликация является стилистически маркированным способом словообразования, характерным для просторечного пласта лексики. Так, например, историко-этимологический словарь русской фразеологии под редакцией Бириха А. К. и др. выделяет образование «шурум-бурум» с пометой просторечное, пренебрежительное [13. С.772]. Достаточно длительная историческая традиция многих редупликативов (таких как рус. *шиворот-навыворот*, известное по меньшей мере со времен Ивана Грозного, англ. *pall-mall* (вид игры, аллея), впервые письменно упоминается в 18 веке, *chit-chat* (болтовня, сплетни) – письменное упоминание - 17 век), тем не менее не позволила данным словам перейти в литературный пласт языков [14].

Анализ прагмастилистических особенностей функционирования редупликативов в речи персонажей литературных произведений современных англоязычных и русскоязычных авторов позволит нам выявить характерные черты редупликативов, как стилистически маркированного способа словообразования.

Необходимо уточнить, что выбранные нами для проведения анализа произведения представляют собой современную прозу, язык которой можно охарактеризовать как максимально приближенный к жизненным реалиям. Нами были отобраны 3 произведения современных англоязычных авторов, общим количеством 1342 страницы, количество редупликативов составило 23. Для русскоязычных произведений также не является характерным большое количество слов, образованных способом редупликации; (общее количество страниц текста 1055, количество выделенных редупликативов - 45). В нижеприведенной таблице приведены количественные данные выборки редупликативов из литературных источников. Как видно из приведенных цифр, число употребляемых редупликативов в литературных произведениях как современных англоязычных так и русскоязычных авторов довольно невелико (примерно 2-4 слова на 100 страниц текста).

Автор	Название произведения	Количество страниц текста	Количество редупликативов
Сандра Браун	«Best kept secrets»	425	8

Хелен Филдинг	«Bridget Jones's Diary»	310	12
Джоанна Роулинг	«Harry Potter and the Philosopher's Stone»	223	3
Стругацкие А. и Б.	«Жук в муравейнике»	82	3
	«Пикник на обочине»	174	6
Устинова Т.В	«Большое зло и мелкие пакости»	352	2
Распутин В.Г.	Дочь Ивана, мать Ивана.	97	12
Житков А.В.	«Кафедра»	350	22

Также необходимо подчеркнуть, что большинство редупликативов, выделенных нами из произведений, были включены либо в прямую речь литературных героев, либо были частью внутреннего монолога героев.

Безусловно, наибольшее количество редупликативов встречается в детской поэзии и прозе, что связано с экспрессивной звуко-символической и ритмически оформленной внешней оболочкой данных слов. Любому советскому (российскому) человеку наверняка вспомнятся строки песни из мультипликационного фильма «Бременские музыканты» на стихи Ю.Энтина «*Говорят, мы бяки-буки...*» (*Гадательная-разбойничья*) [9. С.240]. «Бяки-буки» - редупликатив, образованный по модели рифмования с аблаутом (чередования гласного в рифмуемом элементе), представляет собой не только забавное словечко, но и несет в себе информативное ядро с эмоционально-экспрессивной нагрузкой негативной оценки.

Экспрессивная функция редупликативов как единиц речи наиболее значимая часть прагматики редупликативов. Телия В.Н. определяет экспрессивную функцию как «отображение в содержании языковых сущностей эмотивного отношения субъекта речи к элементам внешнего или внутреннего мира человека, вызываемого в нем при их обозначении. А экспрессивная функция языковых единиц заключается в их способности выражать такого рода субъективную модальность» [3. С.308]. Слово, образованное по способу редупликации,

функционирует в речи как 1) интенсификатор определенных значений, например, преуменьшения (уничужения) или преувеличения, 2) носитель оценки, чаще всего отрицательной, 3) экспрессивный стилистически маркированный элемент, 4) носитель дополнительной информации (возраст говорящего, пол, возраст реципиента в процессе акта коммуникации, профессиональные интересы и социальный статус говорящего или реципиента и т.д.). Редупликатив помогает выразить отношение к предмету разговора посредством дополнительных коннотативных элементов значения, в которых может кодироваться не только эмоционально-экспрессивное отношение, но и возрастные, половые и социальные компоненты. Звуковая форма редупликатива также несет дополнительное значение. Несмотря на внешнюю, казалось бы, избыточную форму редупликатива, информативность и сжатость номинативного значения редупликатива в сочетании с большой эмоционально-оценочной составляющей, может быть рассмотрена с точки зрения экономии умственных усилий при выборе редупликатива в качестве единицы высказывания.

Редупликатив, обладая ярким коннотативным компонентом значения, способен выразить эмоционально-оценочное отношение говорящего к предмету обсуждения, где в основе эффекта оценки (положительной или отрицательной) зачастую лежит противопоставление «стандарта» бытия, выражаемого нейтральными синтаксическими конструкциями и лексическим материалом с одной стороны и редупликативом с другой. Так, например, в романе современной американской писательницы Сандры Браун «Best kept secrets» в речи одной из героинь при обращении к сыну используются следующие лингвистические средства для психологического и эмоционального воздействия: «*“He doesn't know how to be soft-spoken and genteel, like us. You have to talk to him in a way he understands, like Reed does. Angus wouldn't dare speak to Reed in the condescending way he does to you because he respects Reed. And he respects him because Reed doesn't kowtow to him.”*» 76] (где *kowtow* - раболепствовать, низко кланяться). На примере этого эпизода наглядно видно, как использование стилистически маркированного слова позволяет герою выразить свои мысли с большей эмфазой. Речь персонажа выдержана в литературном стиле, ведь говорящий – женщина высокого положения с прекрасным образованием и манерами. Она обращается к своему сыну и, может быть, унижая его такими замечаниями с использованием столь сильного слова, как *kowtow*, она пытается подчеркнуть

важность своих слов, которые должны заставить сына стать более решительным и уверенным в себе.

Интенсификационное значение редупликатива наиболее заметно при противопоставлении нейтральности общего контекста и яркой выразительности просторечного слова: «*Она пришла на почту по старой специальности – телеграфистки; изменились и тексты телеграмм: пошлости, скрытые и явные угрозы, ругань, какая-то абракадабра, словно проверяющая, до каких пределов дозволяют дурость и издевательства.*» (из повести В.Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» [5. С.21]).

Намеренное использование стилистически маркированного слова в значительной мере увеличивает экспрессивность высказывания: «*Ten years ago people who cared about the environment were laughed at as sandal wearing beardy-weirdies and now look at the power of green consumer*», *she was shouting, sticking her fingers into the tiramisu and transferring it straight into her mouth*» -героиня романа Хелен Филдинг «Bridget Jones's Diary» Шэррон сравнивает положение современной женщины в обществе с движением «зеленых» в семидесятые годы, которых принимали за странных идеалистов. Автор подчеркивает отрицательное отношение общества к «зеленым» разговорным редупликативом «*beardy-wierdies*», диминутивный суффикс «у» придает значение отрицательной оценки, пренебрежительной коннотации [11. С.126]. Данный пример дает нам возможность говорить также об эффекте иронии, который создается при помощи употребления редупликатива, как стилистически маркированного слова, в стилистически нейтральном контексте.

В речи одной из героинь старшего поколения вышеупомянутого романа идея наивысшей степени качества объекта передается посредством стилистически окрашенных абсолютных синонимов: «*super-doooper*» и «*top-notch*» (в значении «самый, наилучший»): «*Then next time, as if out of the blue, "Do you remember Mark Darcy, darling? He's one of these super-doooper top-notch lawyers."*» [11. С.12].

Эмоционально-оценочная составляющая значения редупликатива представляет собой, возможно, определяющую часть значения, учитывая такую особенность редупликатива как его звуковую оболочку. С этих позиций представляется интересным рассмотреть функционирование английского редупликатива «*riff-raff*» в контексте. Речь одного из героев произведения британской писательницы Джоанны Роулинг «Harry Potter Драко Малфой являет собой об-

разец речи образованного молодого человека, по замыслу автора являющегося представителем аристократического общества, что, безусловно, отражается в выборе синтаксических конструкций и лексических единиц. Редупликатив «*riff-raff*», являясь литературно-разговорной единицей, тем не менее, значительно увеличивает эмоциональную нагрузку всего высказывания, выражая дополнительное отрицательное отношение говорящего к людям «не его круга»: «*I'd be careful if I were you, Potter,*» he said slowly. *“unless you're a bit politer you'll go the same way as your parents. They didn't know what was good for them, either. You hang around with riff-raff like the Weasleys and that Hagrid and it'll rub off on you”*» [12. С.81]. По данным словаря Мерриам-Вебстер (<http://www.merriam-webster.com/dictionary>) письменное упоминание данного слова датируется 15 веком, происходит от англо-французского “*rif e raf*”, со значением неблагонадежный, нежелательный элемент, человек из толпы. Данный редупликатив зачастую играет роль имени собственного (входит в состав имени героя американского телевизионного сериала *Riffraff Underdog*; имя героя мультипликационного фильма “*Catillaccats*” *Riffraff* – предводителя шайки уличных котов; сценическое имя американского рэп-исполнителя *Riff-Raff* и т.д) [15,16]. Популярность данного редупликатива может быть объяснена с позиции экономичности средств выражения как основного значения слова, так и яркой эмоционально-оценочной части. Звуковая оболочка также представляет интерес с точки зрения получения дополнительной отрицательной реакции на сочетание резких отрывистых звуков слова.

Коннотативный компонент значения зачастую совмещает эмоционально-оценочную составляющую и закодированную информацию о социальном статусе говорящего, возрасте, поле. Так, например, в упомянутом ранее романе британской писательницы Хелен Филдинг «*Bridget Jones's Diary*» мать главной героини – пожилая женщина, принадлежащая по замыслу автора к среднему классу британского общества, образованная домохозяйка, обращаясь к своей взрослой самостоятельной дочери, употребляет редупликатив «*silly-willy*» в структурно и лексически нейтральном высказывании: “*Oh, don't be a silly-willy, darling. Of course I told you. You must learn to listen. Anyway, do take care, won't you?*” [11. С.268]. «*Silly-willy*» (глупышка) – относится к редупликативам с общим значением интенсификации признака, где второй избыточный с точки зрения денотативного значения рифмующий компонент играет роль

дополнительного деминутивного интенсификатора контрастно по отношению к нейтральной лексике и грамматическим конструкциям высказывания. Использование редупликатива, имеющего ярко выраженную эмоционально-оценочную составляющую характерно для речи женщин, особенно старшего поколения, наряду с использованием дериватов с деминутивными суффиксами, разделительных вопросов (с хвостиком), избыточности в средствах выражения вежливости. Деминутивный суффикс «у» является продуктивным при формировании редупликативов в английском языке с эмоционально-уничижительной коннотацией: «*Well, I'll leave you two young people together,*» said Una. «*Durr! I expect you're sick to death of us old fuddy-duddies.*» - Уна Алконбери – одна из героинь старшего поколения романа «*Bridget Jones's Diary*» - пытаюсь пошутить, намеренно использует редупликатив «*fuddy-duddies*» со значением «человек со старомодными взглядами, ворчун» [11. С.14].

Редупликатив нередко используется в речи в качестве емкого обобщения для большого числа предметов или объектов, когда автор или из-за недостатка времени, или для придания большей выразительности своему высказыванию заменяет перечисление редупликативом. К таким словам-заместителям в русском языке можно отнести редупликативы *тарарам, ширли-мырли, шито-крыто, шуры-муры, шурум-бурум, штучки-дрючки* и т.д. В английском языке можно отметить *blah-blah* (бессодержательный разговор), *flim-flam* (различного рода обман), *fender-bender* (мелкая авария, неприятность) и т.д. Так, например, В. Распутин, описывая новую жизнь героя повести «Дочь Ивана, мать Ивана» использует редупликатив «*шурум-бурум*» в качестве обобщающего слова для обозначения мелких товаров народного потребления: «*Он сразу же, как только покатила старая жизнь с высокой горки, грохоча, кувыркаясь и разбрасывая обломки, ушел с автобазы, где они с Анатолием сошлись до дружбы, поработал где-то снабженцем, а теперь имел свой киоск на центральном рынке и торговал всяким шурум-бурумом от электролампочек и краски до запчастей к автомашинам*» [5. С.4]. В данном случае, использование редупликатива несет функциональную нагрузку экономии лингвистических средств.

Зачастую редупликатив завершает ряд контекстных синонимов в одном предложении, функционируя как кульминационный момент (климакс) высказывания. В романе современной российской писательницы Т.Устиновой «*Большое зло, мелкие пакости*» одна из геро-

инь, женщина среднего возраста, описывает происшествие из своей жизни: «Я всю жизнь работаю в роддоме, - сказала Нина Георгиевна строго, как будто Маруся должна была об этом знать и не знала. Потапов с шумом сверзился с подоконника, вышел из кухни и хлопнул дверью. - У нас разные бывают... ситуации. Однажды ночью вдруг шум, гром, стук, тарарам. Открываем. За дверью мужик какой-то. Весь трясется и орет благим матом, что он шофер, какая-то женщина на дороге голосовала, он ее подобрал, а теперь она у него в грузовике рожает» [8. С.259]. «Тарарам» завершает синонимический ряд слов со значением «громкий шум и связанные с этим переполох и суета». В данном случае мы можем говорить о сознательном использовании явления плеоназма для эмоционального усиления высказывания. Выделяясь в ряду стандартных лексических единиц, редупликатив выполняет роль основного компонента градации, актуализируя прагматический компонент значения всего синонимического ряда.

В романе современного российского писателя А. Житкова «Кафедра» автор использует синонимический ряд стилистически сниженных фразеологизмов со значением «быть в состоянии сильного алкогольного опьянения» при передаче высказывания одной из героинь, пытаясь эмоциональнее раскрыть тяжесть ситуации: «Вдвоем они помянули Зою Павловну, и Вика сказала, что завтра, на похоронах, он может напиться хоть в зюзю, в стельку, в дым — она не будет его ругать».[4. С.56]

При наличии сленгизмов и коллоквиализмов в речи говорящего редупликатив выполняет функцию дополнительного интенсификатора общего коннотативного значения высказывания, в речи же литературного героя редупликатив наряду со сленгизмами выполняет функцию непрямой характеристики действующего лица, его социального статуса, уровня образования, профессии, пола, возраста и т.д., а также выполняет эстетическую функцию для воссоздания реальной жизненной ситуации: «Her disgust was obvious and it wasn't because of his sexism, which was so brassy she knew it was insincere. "Look, Alex, this isn't a teensy-weensy favor you're asking of me," he said. "Because of who these guys are, we're talking earth-shattering shit here. Before I stick my neck out, I've got to have more to go on than your hunch and Granny's ramblings." (Sandra Brown «Best kept secrets [10. С.15] (где teensy-weensy - крохотный, незначительный). В данном случае редупликатив выполняет интенсификационную функ-

цию, и вместе с другими сленгизмами и коллоквиальными формами отражает особенности речи одного из героев романа – сотрудника прокуратуры американского штата. Именно для лиц мужского пола особенно характерно частое использование сленгизмов в речи. Так в речи другого героя упомянутого произведения, полицейского, редупликатив *«hot shot»* является доминирующим коммуникативным центром высказывания, носителем основной информации и эмфатической нагрузки: «*“Hell, yeah.” He crooked his arm as though showing off muscled biceps. “We thought we were invincible, real hot shots”*» [10. С.55] «Hot shot» здесь - важный человек, персона. Использование данного редупликатива ярко показывает пренебрежительное и насмешливое отношение героя к самоуверенности юности.

Именно редупликативы, особенно в русском языке, зачастую играют роль восклицаний, междометных фраз, обращений. Их эмоциональность, экспрессивность, а также ритмичная форма позволяют выразить различные чувства: негодование или удивление (Елки-палки!, е-мое!), удовлетворение (Шито-крыто!), уважение или зависть (Ну и шустрик-быстрик!), ласковый упрек (Соня-засоня!) и т.д. В повести А. и Б.Стругацких *«Жук в муравейнике»* главный герой, Максим Каммерер, пытается разгадать таинственные обстоятельства исчезновения одного из персонажей, его догадки заводят его в тупик, он расстроен: *«Да елки-палки! Если бы эта моя гипотеза была правильной, Лев Абалкин сейчас не скрывался бы, а ходил по КОМКОНу и лупил бы своих обидчиков направо и налево, как и полагается имперскому офицеру, который уклонился от обратного кодифицирования...»*. В данном контексте заведомо разговорный редупликатив *«елки-палки»* усиливает впечатление от переживаний героя, способствует созданию эффекта эмоционального климакса. [7. С.360].

Анализируя сложность внутренних отношений между лексическим компонентом редупликатива, его звуковой формой и конотативным компонентом значения, можно сделать вывод о ведущей роли последних в общей структуре значения слова. Исследовав примеры употребления редупликативов в текстах современных англоязычных и русскоязычных авторов, мы можем сделать вывод о том, что функции, выполняемые ими в тексте достаточно универсальны, как например, интенсификация и субъективная оценка, актуализация иронической или насмешливой тональности, кодирование дополнительной информации. Употребление редупликативов в речи героев

литературного произведения наряду с другими сниженными лексическими единицами является способом непрямой характеристики героя, его пола, возраста, уровня образованности, социального статуса, особенностей характера и т.д., что позволяет автору приблизить текст к особенностям реальной ситуации. Редупликативы избыточны по своей форме, но именно звуковая оболочка редупликатива создает эффект ритмичности, силы, эмоциональности высказывания.

Список литературы

1. Виноградов В. А. Редупликация. БЭС. Языкознание. / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1998.
2. Крючкова О. Ю. Редупликация в аспекте языковой типологии // Вопросы языко-знания. М., 2000. № 4. С. 68–84.
3. Телия В. Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости // Аспекты семантических исследований. М. : Наука, 1980. С. 250–319.

Художественная литература

4. Житков А. В. Кафедра. Серия: Тайное становится явным. М. : Вагриус. 2000 350 с.
5. Распутин В. Г. Дочь Ивана, мать Ивана: повесть // Наш современник. 2003. № 11. С. 3–100.
6. Стругацкий А., Стругацкий Б. Машина желаний. Чародеи: Киносценарии. М. : АСТ, 2001. 603 с.
7. Стругацкий А., Стругацкий Б. Пикник на обочине; отель «У погибшего альпиниста»; Улитка на склоне: Фантастические романы. М. : АСТ, 1997. 624 с.
8. Устинова Т. В. Большое зло и мелкие пакости. М. : Эксмо, 2006 352 с.

List of literature

1. Vinogradov V. A. Reduplikatsiya. BES. Yazykoznanie. / Pod red. V. N. Yartsevov. M., 1998.
2. Kryuchkova O. Yu. Reduplikatsiya v aspekte yazykovoy tipologii // Voprosy yazyko-znaniya. M., 2000. № 4. S. 68–84.
3. Teliya V. N. Semantika svyazannyh znacheniy slov i ih sochetayemosti // Aspekty semanticheskikh issledovaniy. M. : Nauka, 1980. S. 250–319.

Fiction Literature

4. Zhitkov A. V. Kafedra. Seriya: Taynoe stanovitsya yavnym. M. : Vagrius. 2000 350 s.
5. Rasputin V. G. Doch' Ivana, mat' Ivana: povest' // Nash sovremennik. 2003. № 11. S. 3–100.
6. Strugatskiy A., Strugatskiy B. Mashina zhelaniya. Charodei: Kinostsenarii. M. : AST, 2001. 603 s.
7. Strugatskiy A., Strugatskiy B. Piknik na obochine; otel' «U pogibshogo al'pini-sta»; Ulitka na sklone: Fantasticheskie romany. M. : AST, 1997. 624 s.
8. Ustinova T. V. Bol'shoe zlo i melkie pakosti. M. : Eksmo, 2006 352 s.

9. Остер Г.Б., Энтин Ю.С. Разноцветная карусель. М. : АСТ, Астрель, 2006. 400 с.
10. Brown Sandra. Best Kept Secrets. London: Mandarin Paperbacks, 1993. 425 p.
11. Fielding Helen. Bridget Jones's Diary. Picador, 2001. 310p.
12. Rowling J.K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. Bloomsbury, 1997. 223 p.
- Словари. Поисковые системы**
13. Бирих А. К.. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М. : Аст-рель : АСТ, 2007. 928с.
14. <http://www.merriam-webster.com>
15. <http://www.urbandictionary.com>
16. <http://www.phrases.org.uk>
17. <http://www.ruscorpora.ru>
9. Oster G.B., Entin Yu.S. Raznotsvetnaya karusel'. M. : AST, Astrel', 2006. 400 s.
10. Brown Sandra. Best Kept Secrets. London: Mandarin Paperbacks, 1993. 425 p.
11. Fielding Helen. Bridget Jones's Diary. Picador, 2001. 310p.
12. Rowling J.K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. Bloomsbury, 1997. 223 p.
- Dictionaries. Search systems**
13. Birihi A. K.. Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar'. M. : Ast-rel' : AST, 2007. 928s.
14. <http://www.merriam-webster.com>
15. <http://www.urbandictionary.com>
16. <http://www.phrases.org.uk>
17. <http://www.ruscorpora.ru>

**ЖЕНСКИЕ ПЕРСОНАЖИ В СВЕТЕ ВОСПРИЯТИЯ МУЖЧИН
В РОМАНЕ В.ВУЛЬФ «МИССИС ДЭЛЛОУЭЙ»:
ГЕНДЕРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ**

А. М. Прима

Статья посвящена представлению женских персонажей в романе В.Вульф «Миссис Дэллоуэй». Особое внимание уделено гендерному подходу в лингвистике применительно к художественному тексту.

Ключевые слова: гендер, В.Вульф, женские персонажи

Появление гендерной теории в качестве широкой междисциплинарной парадигмы исследований социальных и культурных реализаций биологического пола обусловлено рядом факторов, в том числе феминизмом. Концептуальную основу приобретает представление о социальной конструкции пола как элементе культуры и система социальной стратификации. Представляется очевидным тот факт, что гендерные исследования не могут быть сведены к единственному компоненту, однако феминизм сыграл определенную историческую роль в процессе осмысления данной темы.

В.Вульф работала со многими представителями данного движения, поддерживала такие группы, как the Women's International League и the London and National Society for Women's Service, финансово помогала the Women's Service Library (позднее известной как the Fawcett Library, а в наше время The Women's Library). По мнению А.Snaith, «Woolf's feminist criticism influenced and continues to influence feminist approaches, which in turn, have radically changed the way she was, and continues to be, read» – «феминистическая критика В.Вульф воздействовала и продолжает воздействовать на феминистический подход, который в свою очередь радикально изменил то, как именно ее произведения читали и продолжают читать» [Snaith A. Palgrave advances in Virginia Woolf studies. Hampshire, Palgrave Macmillan, 2007. С. 120].

Роман «Миссис Дэллоуэй» проливает свет на представление В.Вульф о том, что значит быть женщиной в 1920-ые годы. Мы будем рассматривать в качестве частного случая то, что женские персонажи представлены в свете восприятия мужчин.

Женщины, по словам Питера Уолша, главного мужского персонажа романа, занимали особое место в его жизни, что подчеркивает параллельная конструкция с глаголом *liked*: «**liked colonels, liked golf, liked bridge, and above all women's society, and the fineness of their companionship, and their faithfulness and audacity and greatness in loving**» – «болтать там с полковниками, и ... любит гольф, любит бридж, и всего больше любит женское общество, тонкость женской дружбы, женскую верность и храбрость, величие в любви».

Питер вспоминает о своей молодости, когда степень их близости с Клариссой была незначительной. Двойственность характера Клариссы выделяется на фоне параллельной конструкции *now... now...*: «*superficially at least, so easily moved, now in despair, now in the best of spirits*» – «стремительно менялось настроение – то она в отчаянии, то сияет». Следует учитывать, что в переводе опущена лексема *superficially* – внешне, на поверхности, несущая нагрузку неискренности и неестественности.

В начале их отношений Питер ценил Клариссу за ее радостное отношение к жизни: «*To see your own sister killed by a falling tree ... was enough to turn one bitter*» – «Видеть, как на твою родную сестру валится дерево ... тут поневоле ожесточишься», а далее «*she enjoyed life immensely. It was her nature to enjoy*» – «она удивительно любит жизнь, радуется жизни. В природе ее – радоваться». Лексема *enjoyed* акцентирует отсутствие негативного отношения к смерти. По мнению J.Spencer, подчеркивающего позитивность характера Клариссы, «*she can love life and celebrate it because she does not try to impose herself on it*» – «она может любить жизнь и прославлять ее, так как она не пытается навязаться ей» [Spencer 1990, 527].

Немаловажным представляется тот факт, что, несмотря на эмоциональную нестабильность Клариссы в молодости, Питер Уолш считал ее очень интересной («*such good company*»). Однако со временем Питер стал негативнее относиться к Клариссе. Давая ей характеристику, он упоминает ее «очень четкое понятие о том, что ей нужно» – «*a perfectly clear notion of what she wanted*». Принимая во внимание тему разговора о замужестве Клариссы, выражение «*what she wanted*» (а не *who*) показывает, что Кларисса не была заинтересована в людях. Питер подмечал изменения в характере Клариссы, обвиняя ее в неискренности натуры: «*she had the makings of the perfect hostess*» – «у нее ... задатки безупречной хозяйки». Она стала бездушной, общение с людьми превратилось для нее в работу, которую она вы-

полняет качественно, но без сердца. Питер отзывается о Клариссе, используя слова: *cold* (холодный), *heartless* (бессердечный), *a prude* (ханжа). Выбор лексем свидетельствует о том, что Кларисса лишена эмоций или что все они искусственно вызваны: «*Her emotions were all on the surface*» – «Ее эмоции были все на поверхности».

Питер считает Клариссу «*worldly*» – *мирской; земной, привязанный к жизни, любящий жизненные блага*. В данном контексте слово расширяет свое значение, указывая, что Питер негативно относится к Клариссе, так как она слишком заботится о статусе: «*слишком печется о положении, ранге, успехе*» – «*cared too much for rank and society and getting on in the world*». Отрицательное отношение Питера выражено при помощи интенсификатора *too much*, а также перифразы *getting on*.

Питер считал, что у Клариссы особые предпочтения в плане общения с людьми. «*she hated frumps, fogies, failures, like himself presumably*» – «ей претят распустехи, размазни и разини. Такие, как он, по-видимому». Русские варианты «*распустеха*», «*размазня*» и «*разиня*» передают аллитерацию английских эквивалентов, звук [f] на фоносемантическом уровне подчеркивает пренебрежительное отношение Клариссы к тем, чья судьба не была успешна, так как они по определению не обладали высоким статусом. О данном моменте Питер говорит с горечью.

Следует сказать, что при довлеющей силе разума и деловом подходе к жизни Клариссе была свойственна женственность. По словам Питера, «у нее дар, чисто женский дар». Именно в этом соединении традиционно мужских и женских начал проявляется двойственность Клариссы, как видит это Питер.

Особый интерес представляет выделенное выражение, подчеркивающее принудительный характер брака. «*With twice his wits, she had to see things through his eyes – one of the tragedies of married life. With a mind of her own, she must always be quoting Richard*» – «Вдвое его умней, она на все смотрит глазами Дэллоуэя – тоже один из ужасов брака. С ее умом – вечно цитировать Ричарда». Выделенное выражение *had to* выделяет момент принуждения в силу общепринятых традиций, отсюда вытекает «*один из ужасов брака*». Обозначенная выше лексема *must*, дополненная обстоятельством времени *always*, также акцентирует долженствование. Для англичан нормой является подчинение женщины в браке, следовательно, неестественность женщины также считается нормой. Питер же не согласен с общепри-

нятыми взглядами на брак, собственно говоря, само размышление мужчины о концепции брака по сути своей является инновационным для того времени.

Будучи недовольным вечером («*It was an awful evening!*» – «*Чудовищный вечер!*») из-за неуловимости Клариссы, Питер «все больше мрачнел». Нарастание, выраженное при помощи структуры «*couldn't see her; couldn't explain to her; couldn't have it out*» используется В. Вульф для подчеркивания эмоционального состояния Питера. Его угнетала невозможность выражения эмоций. Кларисса же была невозмутима; в этом, по мысли Питера, проявляется ее лицемерие, сидящее глубоко внутри («*something very profound in her*»): «*That was the devilish part of her – this coldness, this woodenness*» – «*В том-то и ужас – ее эта холодность, каменность*». Отсутствие в Клариссе эмоций пугает Питера, так как эмоции являются неотъемлемой частью его жизни: он «*почувствовал*» («*felt*»), «*любил*» («*loved*»). Несмотря на свою способность «*дергать человеку нервы*», Кларисса воздействовала на эмоции Питера, заставляя его страдать. Он испытывал любовь к женщине и страдал от этой женщины – в этом проявляется двойственность Питера в отношении к Клариссе.

Питер разговаривает о Клариссе со всеми. Например, общаясь с Салли, Питер выводит разговор на Клариссу, при этом сама она вначале не упоминается ни Салли, ни Питером. Они говорят об отце Клариссы, о ее браке, о ее дочери («*And that very handsome, very self-possessed young woman was Elizabeth, over there, by the curtains, in red*» – «*И та красивая, уверенная девица, вон та, в розовом платье – ведь это Элизабет?*»). Обратим внимание на цвет платья Элизабет – *red* – красный, он перекликается с цветом платья Салли в молодости. В конце концов Питер говорит, что Элизабет «*ничуть не похожа на Клариссу*», тем самым обозначивая предмет их с Салли разговора. Это свидетельствует о важности Клариссы для Питера.

Питер размышляет о Клариссе, полагая, что она «*будто застыла, стояла как каменная*» («*She seemed contracted, petrified*»). Лексема *contracted* (*drawn together; shrunken; wrinkled; narrow*) – суженный; сморщенный, съежившийся (ссутулившийся, сжимающийся всем телом) накладываясь на лексему *petrified* (*made frightened, unable to think or act*) – окаменелый (неподвижный, безжизненный) свидетельствует о страхе Клариссы обидеть Питера, рассказав ему правду, о ее боязни отказать ему, как считает сам Питер. Ключевым же сло-

вом здесь является «seemed» – «казалась», оно подчеркивает неестественность, свойственную Клариссе.

Еще одной характеристикой характера, по словам Питера, является духовная сила Клариссы: «*she was unyielding*» – «она не поддавалась». При всей своей неестественности и силе духа Кларисса была очень закрытым и жестким человеком: «*She was like iron, like flint, rigid up the backbone*» – «Она была как железо, кремль, она совершенно застыла». Закрытость характера Клариссы, вытекающая из дефиниции лексемы *rigid*, подчеркивает, что Питеру до миссис Дэллоуэй не достучаться.

Таким образом, мы проследили диапазон развития отношения Питера к Клариссе, качественно изменяющийся с течением времени. В ходе исследования нами было установлено, что Питер обращает внимание на двойственность характера Клариссы (параллельные конструкции, задействованность сфер разума и эмоций), на отсутствие у нее негативного отношения к смерти, на неактивное эмоциональное начало («*too cold*», «*heartless*»), на силу ее характера.

Список литературы

1. Вульф В. Миссис Дэллоуэй. СПб. : Азбука (Классика), 2000.
2. Snaith A. *Palgrave advances in Virginia Woolf studies*. Hampshire, Palgrave Macmillan, 2007
3. Spencer J. *Feminine Fictions* // Coyle M., Garside P., Kresall M., Peck J. *Encyclopedia of Literature and Criticism*. N. Y. : Routledge, 1990.
4. Woolf V. *Mrs. Dalloway*. M. : Менеджер, 2002.

List of literature

1. Wolf V. *Mrs. Dalloway*. SPb. : Azbuka (Klassika), 2000.
2. Snaith A. *Palgrave advances in Virginia Woolf studies*. Hampshire, Palgrave Macmillan, 2007
3. Spencer J. *Feminine Fictions* // Coyle M., Garside P., Kresall M., Peck J. *Encyclopedia of Literature and Criticism*. N. Y. : Routledge, 1990.
4. Woolf V. *Mrs. Dalloway*. M. : Manager, 2002.

**МАКРОСТРУКТУРА КОНЦЕПТА 'ОГОНЬ':
НА МАТЕРИАЛЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ**

Н. В. Шестеркина

В статье речь идет о макрокомпонентах, которые формируют макроструктуру концепта «огонь». Они включают образный компонент, энциклопедическое и интерпретационное поле. Макроструктура пронизана когнитивными слоями. (На материале фольклорных текстов)

Ключевые слова: концепт, макроструктура, макрокомпонент, микрокомпонент, когнитивный слой, образный компонент, энциклопедическое поле, интерпретационное поле, фольклорные тексты

В структуре концепта разграничивают макро- и микрокомпоненты. Микрокомпоненты – отдельные когнитивные признаки (КП), образующие содержание концепта. Микрокомпоненты объединяются в макрокомпоненты, отражающие содержательные типы информации (знаний), представленных в концепте. Макрокомпоненты образуют макроструктуру концепта [1. С. 100-106].

Так как макроструктура концепта 'огонь' фактически безгранична (особенно при условии рассмотренная ее в художественной литературе и в поэзии), а рамки статьи это не позволяют, то целью нашего исследования явилось представление макроструктуры концепта 'огонь' на материалах фольклорных текстов (заговоров, загадок, пословиц и поговорок). При анализе использовались словари [6], сборники пословиц и загадок [7, 8, 9]. Итак, макроструктуру концепта 'огонь' образуют:

1. **Образный компонент**, включающий перцептивные и когнитивные образы. **Перцептивный образ** отражает восприятие референта зрением, слухом, обонянием, осязанием, вкусом. Образный компонент концепта 'огонь' может представлять *язык пламени, пламя в форме змеи, костер, свет, тепло* и т. д.

Когнитивный образ отражает связи содержания концепта с другими концептами. В качестве таких образов интерпретируются метафорические и метонимические характеристики денотата. Например, русские загадки с отгадкой «огонь» [7] имеют в своей основе различные

типы метафоры. Единично представлена модель огня с **астральной** метафорой: *В небо дыра, в землю дыра, посередь **Огонь** да вода* (Д, с. 420, самовар). Самовар изображает микрокосм, модель Вселенной, космоса в миниатюре, где представлена трехчастная модель мира – внизу подземный мир, наверху небо, между ними – земля.

Среди загадок с отгадкой «огонь» самыми обширными по количеству являются признаки живого существа – витальные (биоморфные), например, *Жевать не жую, а все **пожираю*** (М 3235, огонь); *По деревне **прошел**, ничего не осталось* (М 3234, огонь); *Белое **ест**, черное **роняет*** (М 3253, огонь на лучине); *Без ног, без рук **лапу крошит*** (М 3252, огонь на лучине); *Без рук, без ног, а на елку **лезет*** (М 3241, огонь); *Без рук, без ног до конца **бежит*** (М 3242, огонь), которые делятся на относящиеся ко всем живым существам и к человеку. Первый вид формируют зооморфные признаки, второй – антропоморфные.

Зооморфная метафора представляет признаки животных, птиц и насекомых для репрезентации концепта 'огонь'. В представлениях народа закреплены обобщенные характеристики животных, например, дикость, свирепость, ненасытность, ловкость, непредсказуемость действий и т.п.

Животные: *Еще коня не запрягли, а он уже хвост поднял* (М 3201, огонь и дым); *Бык железный, хвост кудельный* (М 4683, иглока с ниткой / огонь); *Дрожит свинка, острая (золотая) щетинка* (Д 719, огонь); *Овечка в хлебочке, а хвостик на порожке* (М 3224, дым в избе); *Мышка ходит по брусочку, крошит по кусочку* (М 3249, огонь на лучине); *Красненький котик по шесточку бежит, без огня не поймашь* (М 3251, огонь на лучине); *Кошка ходит по брусочку, роняет по кусочку* (М 3250, огонь на лучине); *Из ворот в ворота **плывет щука золота*** (М 3185, огонь подкладывают).

Многие из перечисленных животных, характеризующих огонь, относятся к классу домашних – бык, конь, свинья, овца, кошка /кот. *Бык* – один из древнейших мифологических образов, в народной традиции – особо почитаемое животное [2. С. 59]. Бык может выступать как в качестве *лунного*, так и *солнечного* символа. Также в ряде традиций бык считался символом бога грозы, громовержца (то есть, как правило, верховного бога: греческий Зевс превращается в быка, римляне приносили Юпитеру в жертву быка, славяне жертвовали быка Перуну) [3. С. 15]. *Конь* – символ мощи, жизненной силы. В сравнении с быком, «образ коня отмечен большей «возвышенно-

стью», возможно, потому, что непосредственно связан с человеком» [2. С. 84]. *Овца* у многих народов – жертвенное животное. Стадо овец, беспомощных и постоянно подвергающихся опасностям, – образ общины верующих, нуждающейся в руководстве пастыря [3. С. 128]. *Свинья* – символ нечистых желаний, превращения высшего в низ-шее, морального разложения, греха. В христианстве свинья считалась символом дьявола [2. С. 177]. *Мышь* наделяется как положительными, так и отрицательными характеристиками. В фольклоре распространен образ мыши, помогающей Герою в выполнении какого-либо дела. Существует также мотив сотнесения мыши с нечистой силой. В Библии мышь, прогрызшая дыру в ковчеге Ноя – это дьявол. Мышь соотносится и со смертью. Мыши выступают предвестниками голода, мора, войны, катастроф [3. С. 120]. Двойственен и образ *кошки /кота*. В некоторых традициях кошка, особенно черная, наделяется негативными характеристиками и выступает противником светлого божества [3. С. 89].

Орнитонимы. Орнитологические признаки концепта ‘огонь’ представлены лексемами *петух, сокол, тетерев* (самочка), *сова, утка*: *Красный кочеток по жердочке бежит* (Д 719, огонь); *Красенький петушок по улице бежит* (М 3289, пожар); *В камне спал, по железу встал, по дереву пошел, как сокол полетел* (Д: 718, огонь); *Золотая тетерочка по жердочке бежит* (М 3244, огонь на лучине); *Стала сова периться, стали перья валиться* (М 3255, огонь на лучине); *Синее море, стеклянные берега, / Плавает утка, горит голова* (М 3308, лампа, огонь в лампе).

Образ *петуха* связывается с *солнцем, огнем, возрождением*. Он выступает как символ *рассвета, пробуждения, активности, бдительности*. Считается, что рассветное пение петуха отгоняет нечистую силу. Петух связывается с *солнцем* как всевидящим и всеведующим светиллом, а также считается бдительным стражем [3. С. 147]. *Сокол* – образ зоркости, силы, небесного покровительства. Сокол выступал одним из символов фараонов. В русском фольклоре нередко фигурируют персонажи, принимающие обличье сокола [3. С. 187]. *Сова* связана с символикой ночи, она символизирует смерть, холод и пассивность. Однако в то же время сова олицетворяет мудрость [3. С. 186].

Антропоморфная метафора связана с представлением огня в виде человека, она выделяется в составе следующих загадок, где могут быть представлены социальные признаки, в частности, родственные связи: *Сам наг, /Рубашка в за-пазушке, сам бел, детки красны* (М

3295, свеча); *Сама бела, а дитятко красен* (М 3284, свеча) – здесь огонь изображен ребенком. *Сестра сильней брата* (М 441, вода и огонь) – огонь – родной брат стихии воды; *Отец не успел родиться, а сын пошел в солдаты* (М 3199, огонь и дым) – в этой паремии огонь является отцом дыма, дым своим появлением всегда предшествует огню. Огонь может представлять собой и человека определенного места в табели о рангах: *Едет барин в кошеве на высокой лошаде* (М 3301, лампа, огонь в лампе). Присутствуют также примеры возрастных и гендерных метафор огня: *Маленький малыш по кучам играет* (М 3488, пожар); *Сугорбя дядя по жерди едет* (М 3247, огонь на лучине); *Девка красивая, барин кучерявый* (М 3238, огонь).

Также во многих пословицах огонь имеет антропоморфные КП. Он постоянно соревнуется с водой: *Огнем вода ключом кипит, а водою и огонь зали-вает* (Д 606). Обе стихии представлены в виде царственной семейной пары. Часто отмечается, что вода сильнее огня: *«Спи, царь огонь», – говорит царица водица* (Д 685); *Огонь силен, вода сильнее огня, земля сильнее воды, человек сильнее земли* (Д 694). Иногда огонь берет верх над водою: *Огонь не вода – охватит, не выплывешь* (Д 694). Антропоморфно огонь и вода – «правители» (*«Спи, царь огонь», – говорит царица водица* (Д 685)), «работники» (*Хороши в батраках огонь да вода, а не дай им Бог своим умом жить* (Д 694); *«друзья-враги» (С водою, с ветром, да с огнем не дружись (а с землею дружись: от земли вышел, земля кормит, в землю пойдешь)* (Д 451); *С огнем, с водой, с ветром не дружись, а с землею дружись* (Д 685) и др.). В переносном употреблении в значении «увлечение, выдумка» (*Когда с огоньком, а когда и с водицей* (Д 633)) лексема *огонь* в отличие от *воды* имеет положительную оценку.

Артефактная метафора. Внимания заслуживает **архитектурная** метафора огня, одна из самых древних метафор, уподобляющая исследуемые объекты строению, дому. Человек всегда стремился создать жилище, чтобы укрыться от природных катаклизмов и неприятелей. 'Дом' может быть представлен так-же как 'шатер': *Пришел молодец, раскинул шатер, /Не собрать шатра ни хитру, ни мудру, ни грамотнику* (М 3258, свет от светца). Образ *шатра* связывается с символикой покрыва, завесы как скрывающих облик вещей, но также и как являющихся знаком небесного покровительства.

Другие примеры: *Колокольня нова, колокольня бела, /Под маковой черно, маковка золота* (М 3297, свеча). Земной храм рассма-

тривается как образ храма небесного. Колокольня – образ мировой оси, по которой божественная энергия спускается на землю, а храм – место её концентрации. Церковь с колокольной мифологически обозначают храм-гору, находящийся в центре мира, по которому совершается восхождение на небо, к Богу (Телегин). Колокол также является связующим звеном между землей и небом, он ассоциируется с небесами и выступает в качестве символа высшей созидательной силы.

2. **Энциклопедическое поле** включает признаки явления, отличающие его от сходных предметов и явлений, получаемые с жизненным опытом, в процессе обучения и т. д. Эти признаки могут существенно различаться в зависимости от возрастных, гендерных, профессиональных и др. групп. Энциклопедический признак включает в первую очередь родовой и денотативный признак концептуализируемого явления. Огонь – это *одна из четырех первостихий, явление природы*. Концепт ‘огонь’ имеет в основе структуры базовый КП «процесс горения»: *Скоро огонь горит, да вода бежит* (Д 388) (подчеркивается скорость, интенсивность процесса). Процессу горения свойственен «жар, высокая температура»: *Огонь жжет, вода мочит, печка дрожит* (Д 617); *От жару и вода кипит. От огня и вода ключом бьет* (Д 606); *Ходить у огня – обжечься, у воды – замочиться, а у сажу – замараться* (Д 360).

Дифференциальные признаки, образующие **дифференциальную зону** энциклопедического поля концепта, включают КП *светящиеся газы, высокая температура, пламя, процесс горения*. **Описательная зона** – *природный огонь, живой/ мертвый огонь*. **Идентификационная зона** (прототипы) – *небесный огонь, огонь ада*. **Мифологическая зона** объединяет признаки, сформировавшиеся под влиянием мифологических представлений о предмете или явлении, у огня это может быть *центр, середина, гора, блеск, верх, зло, мужское начало*.

Мифологическое осмысление огня как очищающей, «испытывающей» стихии известно многим народам и отражено в античной и библейской традиции. В русском фольклоре этот образ также активен и жив: ср. популярные русские сказки о бывалых людях, которые «в воде не тонут и в огне не горят», языческие игрища славян на день Ивана Купала и др. Этот оборот зафиксирован еще в старославянском языке. Как следствие, в настоящее время фразеосочетание *Он огонь и воду прошел* (Д 325) содержит коннотативные семы: 1) «множество испытаний», 2) «опыт», 3) «сложное и небезупречное прошлое».

3. **Интерпретационное поле** – совокупность когнитивных признаков (КП), интерпретирующих образ концепта, представляющих собой их практическое осмысление сознанием человека, включая **Оценочную зону** – КП, выражающие общую оценку. Огонь чаще оценивается как амбивалентное явление. В примерах метафоризации огня в образах животных (см. выше) с отрицательной и положительной коннотацией можно усмотреть проявление амбивалентности образов огня, созидающих и разрушающих. С огнем (в сочетании с водой) связана отрицательная оценка. Они оба, наряду с ветром, представляют «опасность (несчастье, беду)», их надо остерегаться: *С водою, с ветром, да с огнем не дружись (а с землею дружись: от земли вышел, земля кормит, в землю пой-дешь)* (Д 451); *С огнем не шути, с водой не дружись, ветру не верь* (Д 685); *Огню не верь и воде не верь. Огонь да вода – супостаты* (Д 685); *Огню да воде Бог волю дал. С огнем, с водой не поспоришь* (Д 685); *Хороши в батраках огонь да вода, а не дай им Бог своим умом жить* (Д 694); *Огонь да вода – нужда да беда* (Д 694); *Муж с огнем, жена с водою* (Д 312).

Утилитарная зона - КП, выражающие утилитарное, прагматическое от-ношение к референту концепта. У огня это – *свет, тепло, домашний очаг, уют*. **Регулятивная зона** – КП, предписывающие, что надо и что не надо делать с данным предметом или явлением. У огня это – *опасность, беда, война, зло*.

Когнитивные слои (КС) пронизывают все содержание концепта, все его макрокомпоненты. В частности, **Исторический КС** часто представлен устаревшими или устаревающими словами, паремиями и фразеологизмами. По М. М. Маковскому, сочетания гласных изначально имели одно значение, от него впоследствии образовались все остальные значения, представленные в языке - это «огонь – вода» (метафоры от первичного значения в индоевропейских языках «гнуть – ломать», т. е. огонь – «плетение» языков пламени, а вода – «плетение» волн). Эти сочетания гласных «обрастали» согласными. В лоне этих сочетаний значения «гнуть – ломать» > «огонь – вода» дали большинство значений, представленных в языке [напр. «небо», «бог», «краска» (цвет огня), «волосы» (букв. «тянущиеся вверх, как огонь»), «сила» (огонь как божественная сила), «свет», «звук» (горящего огня), «разум», «бытие» и др.] [1].

В средневековье чародейство было практическим делом. Вера в сверхъестественное была очень жизненной, они приобретали облик чего-то осязаемого, материального. Для тех, кто верил в колдовство,

слова чародейских заговоров обретали вещественность, материальность. Номинация *огонь* и ее производные очень часто присутствует в заговорах, в которых довольно ярко сохранился языческий след. Во времена язычества древний Наблюдатель сначала видел только небесный огонь, который чаще всего воспринимался как наказание богов: *А святой Михаил сечкой засечет, огнем сожжет ...* (МЗ 72); *Господь на-шлетъ съ небесъ огненное пламя, и вась лисиць сожжетъ и спалитъ* (РН 338-339); *Иду я, раб Божій Н., съ промысломъ звЪриньмъ и птичьимъ за огнемъ забытым ...* (РН 339). Огонь воспринимался синкретично: наряду с концептом '*огонь*' (вербализуемым номинациями *огонь, пламя*) существуют *огненный царь; огненный змей; огненная стрела, молния; туча, огненная и пламенная; ог-ненный бой* и т. д.: *На Русской и на нЪмецкой земле есть огненный царь, высушилъ рЪки и озера ...* (РН 308).

К интересным мифологическим героям относится и *огненный муж* на *ог-ненном коне*, стреляющий *огненными стрелами* из грозной тучи. Образ наделен чертами божества-громовержца и, вероятно, восходит к языческому культу Перуна. Ряд черт – *огненный облик, борьба против бесов и дьяволов* – переключаются с народными представлениями об архангеле Михаиле, которому на Руси придавали «огнезрачное» обличье и крылатого огненного коня [5. С. 44].

Существуют также *царь гром* и *царица молния*: *...царь громъ грянулъ, царица молнія пламя спустила ...* (РН 328-329). Но небо защищает землю огнем от нечистой силы: *...защити и помилуй, архангел Михаил, своим огненным копьем от злого нечистого духа* (МЗ 143). Присутствует и *огненная стрела*: *О ты, огненна стрела, вортисъ и полетай, куда я тебя пошлю ...* (МЗ 13).

Солнце также посылает огонь, но он большей частью целебный: *Шло утренней зарей солнышко яркое, солнышко жгучее ... Несло солнышко три заступа железных, отмахивало, откалывало, сжигало и испепеляло с раба Божия (имя) денные порчи ...ночные переполохи* (МЗ 73-74).

Оценочный КС включает КП как из зоны общей оценки, так и из других зон (эмоциональную, эстетическую, нравственную и т. д.). Огонь может быть *прекрасным, добрым*, но и несет *смерть*.

Список литературы

1. Маковский М. М. Феномен ТАБУ в традициях и в языке индоевропейцев: Сущ-ность –

List of literature

1. Makovskiy M. M. Fenomen TABU v traditsiyah i v yazyke indoevropytsev: Susch-nost' –

формы – развитие. Изд. 2-е, доп. М. : КомКнига, 2006.

2. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. В.1. М., 2004.

3. Словарь символов и знаков / Авт.-сост. В. В. Адамчик. М., Мн., 2006. 240 с.

4. Стернин И. А. Макроструктура концепта // Труды по когнитивной лингвистике / отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово : КемГУ, 2008. С. 100–106.

5. Турилов, А. А. Отреченные верования в русской рукописной традиции // Отреченное чтение в России XVII-XVIII веков / отв. ред. А. Л. Топорков, А. А. Турилов. М. : Инд-рик, 2002. С. 8–74.

Источники примеров

6. (Д) - Даль В. И. Пословицы русского народа. - М., 2004. - 752 с.

7. (М) – Загадки / Изд. подготовила В. В. Митрофанова. Л.: Наука, 1968. - 255 с.

8. (МЗ) - Молитвы и заговоры. - 3-е изд. Мн., 2000. – 256 с.

9. (РН) - Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. – М. : Книга. Принт-шоп, 1989. - 607 с.

formy – razvitie. Izd. 2-e, dop. M. : KomKniga, 2006.

2. Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turologicheskiy slovar'. V.1. M., 2004.

3. Slovar' simvolov i znakov / Avt.-sost. V. V. Adamchik. M., Mn., 2006. 240 s.

4. Sternin I. A. Makrostruktura kontsepta // Trudy po kognitivnoy lingvistike /otv. red. M. V. Pimenova. Kemerovo : KemGU, 2008. S. 100–106.

5. Turilov, A. A. Otrechennye verovaniya v russkoy rukopisnoy traditsii // Otrechennoe chtenie v Rossii XVII-XVIII vekov / otv. red. A. L. Toporkov, A. A. Turilov. M. : Indrik, 2002. S. 8–74.

Sources of examples

6. (Д) – Dal' V. I. Poslovitsy russkogo naroda. M., 2004. 752 s.

7. (М) – Zagadki / Izd. podgotovila V. V. Mitrofanova. L. : Nauka, 1968. 255 s.

8. (МЗ) – Molitvy i zagovory. 3-e izd. Mn., 2000. 256 s.

9. (РН) – Russkiy narod: Ego obychai, obryady, predaniya, sueveriya i poeziya / Sobr. M. Zabylinym. M. : Kniga. Print-shop, 1989. 607 s.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ОБЛАСТНАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА BEAUTY, ВЕРБАЛИЗУЕМАЯ КОММУНИКАНТАМИ-ЖЕНЩИНАМИ

О. А. Алимуратов, М. А. Гусева

Статья посвящена рассмотрению структуры концепта BEAUTY, репрезентируемой в дискурсе языковой личности женщины. Цель статьи - выделить области рассматриваемого концепта, описать характер связей между ними, представить иерархию выделенных областей, определить, какие из них активизируются чаще в ходе дискурсивной деятельности коммуникантов-женщин. Анализ выборки позволяет утверждать, что концепт BEAUTY представлен единством его макро-областей: physical beauty, spiritual beauty, natural beauty, artificial beauty, которые, в свою очередь, распадаются на микро-области, представленные информацией о каждом предмете оценки, выделенном нами по принципу частотности его репрезентации в сфере оценочной коммуникации.

Ключевые слова: концепт, дискурс, языковая личность, оценочная коммуникация.

Языковое сознание (ЯС) человека является важнейшим, но в то же время наиболее абстрактным компонентом структуры языковой личности, в которую, помимо ЯС, входят: 1) *языковая способность* как ментально-физиологическая возможность овладеть навыками речевого общения и применять их на практике; 2) *коммуникативная потребность*, т.е. потребность во взаимодействии с речевым партнером; 3) *коммуникативная компетенция* как выработанное умение осуществлять общение в его различных видах для оптимального достижения коммуникативной цели; 4) *речевое поведение* как осознанная и неосознанная система поступков, раскрывающих в процессе коммуникативной деятельности человека его характер и образ жизни [6. С. 9].

ЯС представляет динамически функционирующее ментальное пространство индивида, представленное совокупностью *концептов* и смежных им структур знания (фреймов, когнитивных категорий

и т.д.). В рамках лингвокогнитивного подхода концепт рассматривается как *ментальная репрезентация воспринимаемого объекта реального или воображаемого мира* [1. С. 176). Объекты или фрагменты окружающего мира фиксируются в сознании носителя языка в виде определенных элементов ментальной системы – концептов, которые, в свою очередь, кодируются языковыми знаками в процессе развертывания дискурсивной деятельности, т.е. концепты опосредуют связь объектов действительности и языковых знаков [8].

Необходимо отметить, что ментальное пространство (концептосфера) языковой личности представляет собой структурированную сферу [1].

Согласно одному из подходов, структура концепта анализируется с учетом «глубины» его содержания. Так, Ю.С. Степанов рассматривает концепт как ячейку, базовую единицу культуры в сознании индивида и социума и выделяет в его структуре три уровня: 1) основной или *актуальный признак* – уровень, на котором концепт одинаково доступен для всех носителей данного языка и культуры; 2) дополнительный или *«пассивный» признак* (признаки), являющийся уже неактуальным, «историческим» – уровень, на котором содержание концепта может быть актуально лишь для отдельных групп лингвокультурного сообщества; 3) *внутренняя форма*, обычно вовсе не осознаваемая в повседневной жизни, запечатленная во внешней, словесной форме, т.е. «глубинный слой» концепта, содержание которого известно лишь специалистам [10].

Другой подход к анализу структуры концепта предлагается В.И. Карасиком. Автор основывается на понимании концепта как «многомерного смыслового образования» [6. С. 132], в котором выделяются *понятийная, предметно-образная и ценностная составляющие*. *Понятийный компонент* представляет собой языковую фиксацию концепта, а также совокупность семантических признаков (основных и дополнительных), идентифицирующих его в сопоставлении со смежными концептами. Следовательно, данный компонент совпадает с «верхним концептуальным слоем» по Ю.С. Степанову. *Предметно-образная составляющая* концепта невербальна, она представляет собой целостное, обобщенное представление о конкретном предмете, явлении или ситуации в сознании языковой личности. Этот компонент соответствует внутренней форме концепта в интерпретации Ю.С. Степанова. Согласно точке зрения В.И. Карасика, основополагающим компонентом концепта является его *ценностная составляющая*

щая, предполагающая значимость, важность данного концепта как для коллектива, так и для конкретного индивида [6. С. 77]. Иначе говоря, в концепте содержится важная, переживаемая информация, о соответствующем объекте или фрагменте мира, что и обеспечивает концепту статус лингвокультурной, «ценностной» сущности.

Близкий подход к пониманию структуры концепта предлагает С.Г. Воркачев. Автор выделяет *понятийную, образную и значимостную* составляющие. Его интерпретация первых двух компонентов совпадает с интерпретацией В.И. Карасика. Значимость же концепта определяется, согласно автору, разнообразием средств его вербализации, т.е. «номинативной плотностью». Другими словами, ценным для человека является то, что играет существенную роль в его жизни и поэтому получает многостороннее обозначение в языке [2]. Таким образом, рассмотрение структуры концепта предполагает определение объема семантических признаков, формирующих его содержание в целом, а также его отдельные зоны. К таковым относятся ядро (базовый когнитивный слой, отражающий конкретные чувственные ощущения и представления) и периферию (дополнительные когнитивные слои, различающиеся по степени абстрактности).

Все приведенные подходы к пониманию структуры концепта объединяется мыслью о том, что она включает понятийный слой (содержащий семантические признаки концепта) и чувственно-оценочный компонент (внутреннюю форму).

Однако в силу разнообразия концептов подобная интерпретация структуры не может быть в равной степени применима к любому из них. Кроме того, структура концепта обусловлена не только коллективным сознанием, но и индивидуальными характеристиками носителя языка. Как справедливо замечает Г.Г. Слышкин, индивидуальные концепты богаче и разнообразнее, чем коллективные, поскольку «коллективное сознание и коллективный опыт есть не что иное, как условная производная от сознаний и опыта отдельных индивидов, входящих в коллектив» [9. С. 26]. Другими словами, варьирование черт языковой личности непосредственно отражается на структуре, закономерностях вербализации, а также интерпретации того или иного фрагмента концептосферы.

Совершенно обоснованной в этой связи представляется точка зрения О.А. Алимурادова. Автор вводит в теорию концепта понятие «*фокуса интенциональности*» языковой личности [1. С. 220]. Подвижная точка фокуса интенциональности определяет, во-первых, то,

под каким углом субъект восприятия видит тот или иной объект или фрагмент действительности, во-вторых, с каким именно языковым знаком он соотносит соответствующий концепт (или его область) и, наконец, какие именно фрагменты концептосферы слушающего активируются в результате интерпретации языкового выражения говорящего. В связи с этим, уместно вести речь о существовании трех различных фокусов интенциональности (формирования, вербализации и интерпретации концепта) [1. С. 226]. Очевидно, что два первых фокуса характеризуют личность говорящего, а третий – личность слушающего. Таким образом, включение в теорию концепта понятия точки фокуса интенциональности подчеркивает роль языковой личности как субъекта дискурсивной деятельности. Закономерно, таким образом, что, гендерная принадлежность как неотъемлемая характеристика любого субъекта дискурсивной деятельности отражается на процессах формирования, вербализации и интерпретации концептов, а значит – и на процессе протекания дискурсивной деятельности.

Согласно автору, структурно концепт состоит из отдельных, но в то же время «спаянных воедино участков, или *областей*» [1. С. 214]. Это позволяет сделать вывод о том, что концепт не является монолитным, статичным образованием. В этой связи Ж. Делез и Ф. Гваттари вполне обоснованно характеризуют концепт как «фрагментальное целое», подчеркивая его диалектическую природу – единство областей при яркой выраженности составляющих [3].

Отношения между концептами и их областями носят различный характер. Одни могут пересекаться, уточняя, конкретизируя или даже дублируя содержание друг друга, другие, напротив, являются взаимоисключающими. Кроме того, отдельные области могут служить базой для формирования других, в связи с чем, можем говорить о существовании иерархии концептуальных областей [1. С. 216-217]. Выделение структурных областей концепта (моделирование концепта) предполагает анализ его языкового воплощения, поскольку сам концепт представляет собой структуру, закрытую от непосредственного лингвистического изучения.

Языковое воплощение рассматриваемого нами концепта BEAUTY реализуется, прежде всего, в сфере так называемой «оценочной коммуникации» при помощи четко ограниченного спектра вербализаторов – слов и словосочетаний, служащих для выражения различных типов оценки – эмоционально-чувственной, эстетической, морально-этической, оценки по качеству [5].

Каждая из групп оценок способна квалифицировать разные по своей природе объекты. Так, в основе характеристики внешности человека лежит эмоционально-чувственная или внешняя оценка, а его нравственные качества оцениваются по морально-этическим критериям. Следует, однако, отметить, что границы между названными типами оценок достаточно условны, поэтому они являются взаимосвязанными и взаимообусловленными.

Анализ вербализаторов концепта BEAUTY, представленных в примерах нашей выборки, позволяет выделить в нем четыре универсальные макро-области, соотносимые с одним из типов оценки, лежащим в основе их формирования и вербализации. Условно мы определили эти макро-области как *physical beauty*, *spiritual beauty*, *natural beauty* и *artificial beauty*. Содержательно информация о каждом предмете оценки представляет собой концептуальную микро-область, входящую в состав макро-областей концепта BEAUTY.

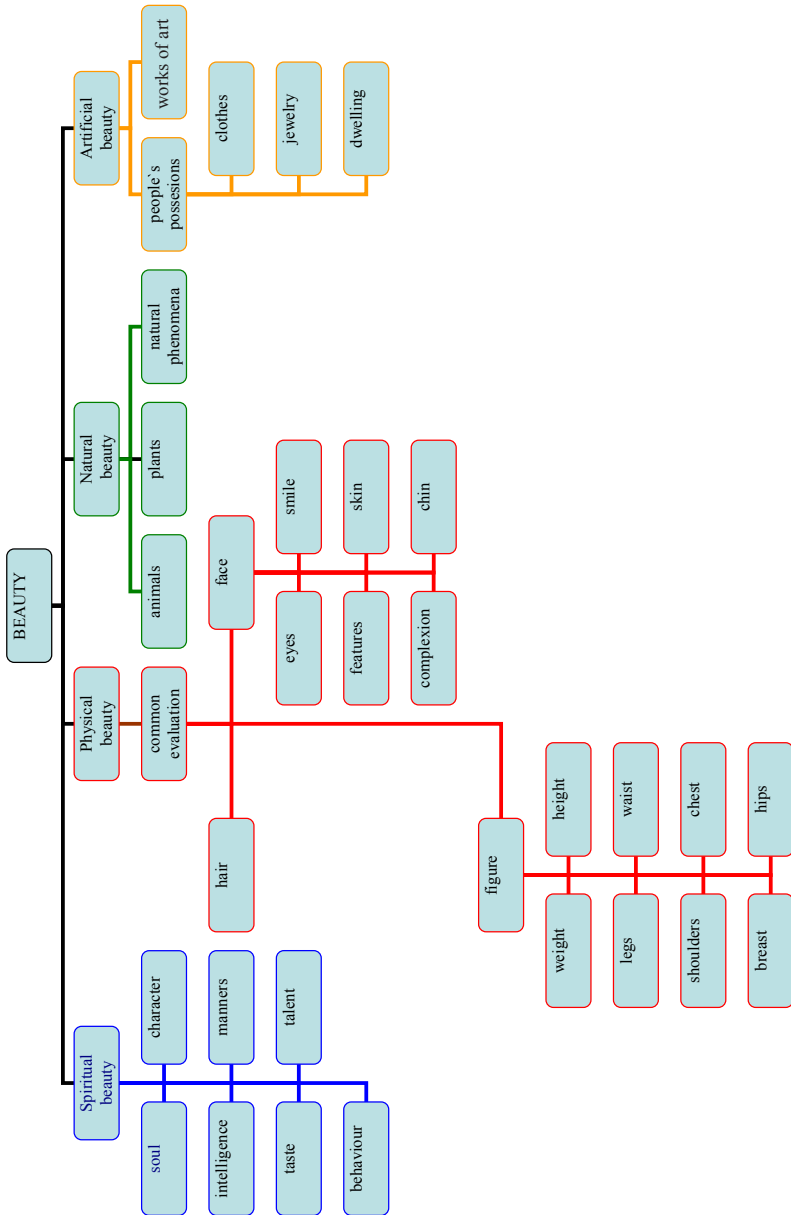
Схематично структуру концепта BEAUTY, репрезентируемую в дискурсе языковой личности женщины можно представить в виде схемы 1.

Рассмотрим предлагаемую схему подробнее.

Как видно на схеме, концептуальная область *natural beauty* репрезентируется в сравнительно небольшом количестве примеров (6%) и ограничивается лексическими единицами, входящими в семантическое поле «nature». Мы полагаем, что этот факт объясняется характером оценки, лежащей в основе описания красоты *природных явлений, растений и животных*. Красота природы предполагает эстетическое наслаждение, доступное лишь ограниченному числу созерцателей.

(1) The view was framed by **two tall black cypresses**, and all round us on the terrace **the orange trees in full flower** exhaled their heady perfume... «**How beautiful nature is**, my God, the scenery one has to play in!» [13. С. 109].

Цитируемый фрагмент демонстрирует по-женски эмоциональную, положительную речевую реакцию на определенную ситуацию, имеющую место в окружающем мире. Типичным маркером эмоциональности в данном случае является восклицательное предложение, начинающееся словами «How beautiful nature is!», которые усиливаются восклицанием «My God!». Существительное «nature», как нам представляется, является центральным «лимитирующим» вербализатором, *ограничивающим* подлежащую языковой репрезентации сферу концепта BEAUTY, активизируемого посредством прилагательного «beautiful», только областью «natural beauty».

(2) There was **the magnificent cedar** in the garden, and its dark branches were silhouetted against the starry sky. **The sea**, almost at our feet, **was marvelously still** [13. С. 114].

В примере (2) оценочный компонент высказывания выражается лексически, посредством адъективных/адverbальных вербализаторов **magnificent** и **marvelously**.

Концептуальная макро-область *artificial beauty* соотносится с оценкой по качеству, которой подвергается широкий круг предметов, являющихся результатом деятельности человека; главным образом, к ним относятся *предметы быта, одежда, украшения, жилище*. К данной макро-области мы также относим *произведения искусства*, однако необходимо отметить, что их характеристика, как и характеристика красоты природы, предполагает, в первую очередь, эстетическую оценку. Приведем некоторые примеры вербализации данной макро-области:

(3) Inside was a **deluxe** scrapbook with white leather cover and plastic-encased pages. No card. It was **beautiful**. [18. С. 42];

(4) Our suits are an easy product to sell, Mr. Darling, we have **a handsome, custom-made garment** [13. С. 125];

(5) He'd given her **a very handsome string of pearls** [13. С. 118];

(6) It's **the most beautifully written book** he's ever read [13. С. 96].

Анализ показывает, что с точки зрения гендерного аспекта репрезентации концепта BEAUTY, наибольший интерес представляет оппозиция *physical beauty – spiritual beauty*, активизирующая непосредственно те области концепта, которые соотносятся с индивидом (носителем языкового сознания) как представителем определенного пола.

Подгруппа оценки внешнего вида человека представлена в женской речи обширнее других (60%). Большое количество примеров из нашей выборки демонстрируют общую положительную оценку внешности, которая вербализуется чаще всего при помощи таких лексем, как *beautiful, pretty, handsome, nice-looking, lovely, attractive, perfect, amazing, gorgeous, magnificent, ravishing, eye-catching, stunning, dashing* и др. Все эти лексемы объединены интегрирующим семантическим признаком «доставлять удовольствие при созерцании», причем удовольствие при созерцании внешней красоты является чувственным. В большинстве лексических единиц путем компонентного анализа была также выделена сема «sexually attractive». Проанализируем семантику вербализаторов общей эмоционально-

чувственной оценки и приведем некоторые примеры вербализации концепта BEAUTY, в которых активизируется данная макро-область:

Лексема *beautiful* имеет следующее значение «someone or something that is beautiful is extremely good to look at and gives you a feeling of pleasure» [11. С. 99]. Она является наиболее употребляемой в нашей выборке. Слово *beautiful* характеризует субъект, которому дается высокая оценка, по параметру внешней привлекательности:

(7) I guess I was jealous of her. She's *beautiful* and mother is so proud of her [18. С. 122].

(8) You're the one who gives lovely dinner parties and plays a good game of tennis. You're *beautiful* [18. С. 58].

Словари подтверждают общепринятое мнение о том, что слово *beautiful* является «женским» словом, т.е. обычно употребляется при оценке женской внешности.

Лексема *pretty* характеризует внешний вид женщин и детей – «good-looking, in an ordinary way, without being very beautiful or impressive» [11. С. 1115], т.е. характеризует человека как приятного, привлекательного, но не красивого:

(9) You were very *pretty* last night and Jack looked as if he could eat you up [12. С. 43].

(10) Weight her (a baby) and measure her and make her *look pretty* for her daddy [18. С. 145].

Приведенные примеры демонстрируют очень интересную закономерность, отличающую вербализатор *pretty*: его семантика передает не постоянный признак, как это имеет место в случае с *beautiful*, а временный, что зачастую подчеркивается употреблением дискурсивных уточнителей, как-то: обстоятельств (*last night*) или глаголов-связок (*look*), сужающих в определенной степени семантику лексемы *pretty*.

Следует отметить, что слово *pretty* значительно ниже по интенсивности оценки, чем слово *beautiful*, что демонстрируется следующим примером:

(11) On the stage she was a *beautiful* woman and even in private life... a *pretty* one [13. С. 12].

Лексическая единица *handsome*, как правило, характеризует внешний вид мужчины:

(12) He was so very *handsome* – his body magnificent [21. С. 183];

(13) He was *absolutely, straight-down-the-line, uncomplicatedly, devastatingly handsome* [21. С. 132].

Однако прилагательное *handsome* может также вербализовать оценку внешнего вида женщин, если употреблено в значении «attractive in a strong, healthy way». Следует иметь в виду, что в таких случаях подразумевается величественность, стать, пропорции, крупные черты, то есть происходит нейтрализация оппозиции мужское/женское в том, что касается характеристик внешности:

(14) She was as spectacularly eye-catching as the huge house she inhabited. Like the manor itself, she was ***handsome rather than beautiful*** and had been enlarged over the years so that she was now a mismatch of styles [21. С. 68].

Слова *good-looking / nice-looking / good looks* характеризуют человека с привлекательным лицом, красивой внешностью: «someone who is good-looking has an attractive face» [11. С. 615], это слово характеризует как женщины, так и мужчины:

(15) What she hadn't banked on was that he would be quite so young or so ***disturbingly good-looking*** [21. С. 132].

(16) She could imagine him as a ***young*** man with film-star ***good looks*** [21. С. 80].

Примеры 15 и 16 убедительно демонстрируют отмеченную нами тенденцию. Сочетания *good-looking* и *good looks* имеют ограниченную сочетаемость, они обозначают только привлекательную, красивую внешность *молодых* людей.

Лексема ***lovely*** выражает положительную оценку субъекта, при этом сам субъект смотрит на предмет и видит его привлекательные качества, а не объект «показывает» себя красивым, привлекает к себе внимание, т.е. красота выступает в своей пассивной форме [4. С. 170].

(17) Amanda looked ***lovely*** in every picture... And she had never looked ***lovelier*** than she did that day [21. С. 23].

Слово ***magnificent***, несмотря на свое общеоценочное значение, довольно часто характеризует внешний вид людей:

(18) Looking at her, Ellen decided that Lady Belling was rather ***magnificent***... (Walker; 2007:68); (15) She looked ***magnificent*** [19. С. 119].

Слово ***attractive***, используемое при описании внешности, имеет значение «good-looking especially in a way that makes you sexually interested» [11. С. 71]:

(19) At fifty-one her father was a ***good-looking*** man whom women found ***attractive*** and ***appealing*** [17. С. 43].

Слова *stunning, dashing, smashing, ravishing, amazing* являются синонимами, со значением «extremely attractive in a surprising and unexpected way», они также как и прилагательное *attractive* содержат сему «sex appeal» и обычно употребляется эмоционально-усилительно, чтобы подчеркнуть красоту чьей-то внешности:

(20) You are still absolutely *stunning* [21. С. 398];

(21) Hell's Bells had once undoubtedly been *ravishing*, and in many ways she still was [21. С. 68];

(22) «I've never met anyone as *amazing* as you before» [21. С. 184].

Очевидно, что проанализированные лексемы могут служить и для вербализации других концептуальных областей. Они используются при описании отдельных частей тела, красоты предметов, произведений искусства, природы, а такие лексемы как *lovely, perfect, magnificent, wonderful* и др. – и при описании положительных качеств человека.

Ряд примеров демонстрирует тот факт, что женщинам свойственно подчеркивать красоту отдельных частей лица – *лица, глаз, кожи, улыбки, черт, волос, фигуры*, что еще раз доказывает утверждение о том, что для женщин важны мелочи, составляющие красоту в целом. Показательны следующие примеры:

(23) Arshust smiled and when he smiled *his face was rather beautiful* [12. С. 43];

(24) She gave *a brilliant smile* of hers [13. С. 118]; (25) From the way Lloyd Fenniweather's *shining eyes* were tangled with hers like sticky toffee, she knew he was feeling something similar [21. С. 134].

Примеры 24 и 25 подтверждают отмеченную нами тенденцию – для описания глаз и улыбки женщины часто используют лексические единицы с семой «giving light» - *to gleam, silver, shining, sparkling, dazzling, brilliant*.

Черты лица, как правило, описываются при помощи таких лексем, как - *regular, delicate, exquisite, fine, clear-cut, large*:

(26) She was pretty, in a quiet way, with *delicate features* [13. С. 18];

(25) He was dark and clean-shaven, with very *regular, clear-cut features*...[14. С. 27].

Волосы традиционно относятся к атрибутам именно женской красоты, вербально подчеркивается их структура и цвет:

(27) Her dark hair was *glossy* [13. С. 295].

(28) The hair – a short riot of tight *black curls* – had defied a hundred different hairdressers' attempts to tame it, just as the huge yew hedge that

divided the manor's gardens... she had a magical, unexpected *glamour* [21. С. 68].

Однако, как показывает выборка, волосы могут становиться предметом оценки и при описании внешности мужчины. В данном случае акцентируется аккуратная стрижка или блеск волос:

(29) His hair now was always *sleek* [13. С. 67].

Цвет лица для англичан играет очень важную роль, и в английском языке есть специальное слово для его обозначения – *complexion*:

(30) She was an *adorable creature*, her *rosy complexion* was not the least advantage of her appearance [13. С. 145].

Фигура (рост, вес, ноги, талия, и др.) также может становиться предметом оценки женщины, и, следовательно, данную микро-область вполне правомерно выделить в модели рассматриваемого нами концепта.

По данным экспериментального анализа, проведенного Ю.В. Мещеряковой, красивая женская фигура предполагает следующие характеристики: 1) slim, skinny (not too thin); 2) tall, medium-tall, not too tall; 3) nice legs; 4) wide hips; 5) round and firm breasts [7. С. 113].

Это подтверждается многочисленными примерами из нашей выборки, приведем лишь некоторые из них:

(31) No wonder you are so *gorgeously trim and fit* [21. С. 53];

(32) You've got *exquisite legs*, so *long* and *shapely* and I never ceased to be surprised at them [13. С. 54].

Образ красивого молодого мужчины предполагает такие характеристики как: 1) strong; 2) tall, more than 180 cm height; 3) athletic, well built, muscular body, not too muscular and massive, broad shoulders and chest [7. С. 117]. Приведем примеры вербализации данных характеристик:

(33) He was so *muscular*, he seemed so intent on what he was doing, so intensely himself [20. С. 28];

(34) He was so very *handsome* – his *body magnificent*... In *purely aesthetic terms*, he was *the most appealing sight* she'd seen in years [21. С. 183].

Анализ выборки, таким образом, позволяет выделить в модели концепта BEAUTY, следующие микро-области: *face, eyes, hair, smile, features, skin, complexion, legs, weight, height, waist, breast, hips, chest, shoulders*. Такие области как *waist, breast, hips, shoulders, chest* являются гендерно маркированными, так как их активизации зависит от того, кто является объектом оценки – мужчина или женщина.

При исследовании специфики вербализаторов макро-области *physical beauty* нами была отмечена следующая тенденция. При активизации микро-областей, представленных информацией об определенной части тела, подлежащей оценке, вербализаторами концепта красота могут становиться лексические единицы, не имеющие в своей семантике компонента «attractiveness». Так, например прилагательные *long, blond, broad, white* и др. не несет в себе оценочного значения. Однако, они могут приобрести оценочность в определенных сочетаниях – *long legs, blonde hair, white smile, broad shoulders*, так как длинные ноги, светлые волосы и ослепительно белая улыбка соответствуют существующим в англоязычном обществе канонам красоты. Таким образом, можно констатировать тот факт, что *степень оценочности лексической единицы определяется контекстом, ее сочетаемостью с другими лексическими единицами.*

В результате проведенного анализа мы выявили, что чаще всего предметом оценки женщины становится лицо и волосы - женщины склонны описывать красоту глаз, улыбки, черт, цвета лица, на втором месте общая оценка внешности, без частных уточнений, реже оценка дается фигуре, эта оценка, как уже было отмечено, является гендерно отнесенной.

Необходимо, однако, отметить тот факт, что при вербализации концепта BEAUTY очень часто активизируется две и более концептуальные микро-области, то есть дается комплексное описание внешности человека, что подтверждает тот факт, что концептуальные области тесно взаимосвязаны между собой:

(35) Look at you – ***blonde, blue-eyed, tanned, a figure to die for.*** Most women must hate you. You could steal half the husbands in the village if you want to [21. С. 398].

С другой стороны, есть примеры, которые ярко демонстрируют тот факт, что общая положительная оценка внешности складывается не только из привлекательности ее отдельных компонентов:

(36) With his ***straight, delicate nose, his fine brow and well-shaped mouth*** he ought to have been ***good-looking.*** But surprisingly enough he was not [14. С.27].

Таким образом, целое в данном случае не равно, а прямо противоположно сумме своих составляющих. Очевидно, что определенную роль при описании внешности хорошо знакомого человека играет и субъективный фактор – личное отношение к субъекту оценки, его душевным качествам. Это еще раз доказывает тот факт, что концеп-

туальные макро-области «*physical beauty*» и «*spiritual beauty*» находятся в состоянии взаимовлияния и взаимообуславливания. Активация одной из них часто приводит в активное состояние другую.

Анализ выборки позволяет выделить следующие компоненты (микро-области) концептуальной макро-области *spiritual beauty*, содержащейся в концептосфере женщины: *character, soul, intelligence, manners, taste, talent, behaviour*. Приведем примеры, репрезентирующие данные микро-области:

(37) All she wished for right now was time to get over what had happened between her and Richard – Richard who was ***so good and honest*** [21. С. 128];

(38) He had that same ***nobility of soul*** that I saw in my mind's eye [13. С. 45]; (39) He had ***excellent manners*** with women [13. С. 15];

(40) Mrs. Albert Forrester's ***taste was so perfect***... [13. С. 47];

(41) You have ***a great talent*** and it looks for me that you are getting a fine husband [21. С. 58].

Как свидетельствует выборка, вербализаторами описываемой макро-области могут выступать как общеоценочные лексемы – *perfect, good, wonderful, sweet, excellent, magnanimous, delightful, terrific*, так и лексемы с более частным значением, например *honest, clever, gentle, frank, loyal, nobility* и др. Процентное соотношение убедительно демонстрирует тот факт, что концептуальная макро-область *spiritual beauty* (13%) вербализуется женщинами реже, чем концептуальная макро-область *physical beauty* (60%), хотя в ряде примеров нашей выборки коммуникант-женщина, оценивая внешность, соотносит ее с наличием/отсутствием у субъекта оценки внутренней красоты:

(41) **Mr. Bingley was good-looking and gentlemanlike, he had a pleasant countenance and easy, unaffected manners** [15. С. 8].

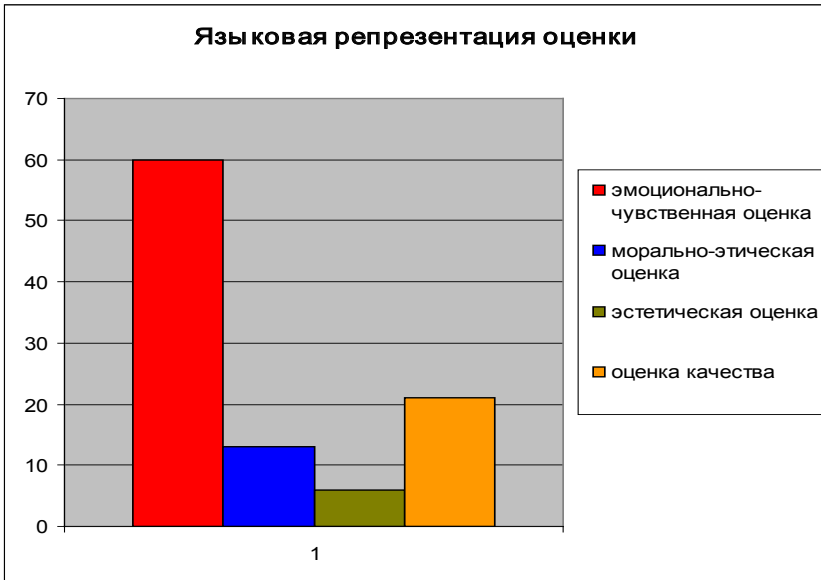
Подводя итог настоящей статьи, отметим, что концепт BEAUTY имеет определенную структурную организацию, представленную единством его макро-областей: *physical beauty, spiritual beauty, natural beauty* и *artificial beauty*, которые, в свою очередь распадаются на микро-области. В процессе выявления особенностей языковой репрезентации данного концепта был отмечен тот факт, что объектом созерцания и оценки может становиться очень широкий круг предметов и явлений окружающего мира, что позволяет сделать вывод о сложности и объемности рассматриваемого концепта.

В языковом сознании женщин чаще активизируются области *physical beauty* (60%) и *artificial beauty* (21%), в основе которых лежит

эмоционально-чувственная оценка и оценка по качеству, реже области *spiritual* (13%) и *natural beauty* (6%), в основе которых – морально-этическая и эстетическая виды оценки соответственно. Диаграмма, отражающая данные закономерности, приведена на схеме 2.

При оценке внешности, женщины склонны описывать красоту отдельных составляющих – глаз, волос, черт лица и др. Большинство вербализаторов концепта BEAUTY содержат в своей семантике оценочный компонент, некоторые приобретают оценочность лишь в определенном контексте.

Таким образом, анализ оценочного речевого поведения представителей разных полов позволяет выявить точки соприкосновения, а также контрастные характеристики структуры и содержания концепта BEAUTY в мужском и женском англоязычном сознании.

Список литературы

1. Алимуратов О.А. Смысл. Концепт. Интенциональность: Монография. – Пятигорск: Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2003. – 312 с.
2. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт

List of literature

1. Aliimuradov O.A. Smyysl. Konthiept. Iintienthiihonalinosti: Monography. – Piatigorsk: Piatigorskij gos. lingv. un-t, 2003. – 312 p.
2. Vorkachiev S.G. Konthiept schastija v russkom jazykovom soznaniihii: opyut

- лингвокультурологического анализа. – Краснодар: Техн. ун-т Кубанского гос. ун-та, 2002. – 142 с.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? URL: <http://sociologos.narod.ru/deleuze/DEL2.htm>.
4. Демьянков В.З. Пленительная красота // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2004. – С. 169-209.
5. Заграевская Т.Б. Категория «оценка», ее статус и вербализация в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2006. – 286 с.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
7. Мещерякова Ю.В. Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 235 с.
8. Павиленис Р.И. Язык, смысл, понимание // Язык, наука, философия: логико-методологический и семиотический анализ. – Вильнюс: Ин-т философии, социологии и права АН Литовской ССР, 1982. – С. 240 – 263.
9. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2004. – 314 с.
10. Степанов Ю.С. Семиотика. URL: <http://lib.vvsu.ru/books/semiotika1>.
- liingvokulturologii-chieskogo analiiz. – Krasnodar: Tiexn. un-t Kubanskogo gos. un-ta, 2002. – 142 p.
3. Dieliez ZH., Gvattarii F. Chto ta-koje filiosofiija? URL: <http://sociologos.narod.ru/deleuze/DEL2.htm>.
4. Diemijankov V.Z. Plieniitielina-naja krasota // Logiichieskiij analiiz jazyyka. Jazyykii estietiikii: Konthieptualinyyje polia priekrasnogo ii bezobraznogo / ed. N.D. Arutiunova. – M.: Iindriik, 2004. – P. 169-209.
5. Zagrajevskaja T.B. Katiegoriija «othienka», jeje status ii vierbaliizatihiija v sovriemiennom angliij-skom jazyykie // Diss.of Master of Phil. – Piatigorsk, 2006. – 286 p.
6. Karasiik V.II. Jazyykovoj krug: li-ichnosti, konthieptyy, diiskurs. – Volgograd: Pieriemiena, 2002. – 477 p.
7. Mieshhieriakova JU. V. Konthiept «krasota» v angliijskoj ii russkoj liingvokulturaa: Diss.of Master of Phil. – Volgograd, 2004. – 235 p.
8. Paviilieniis R.II. Jazyyk, smysl, poniimaniije // Jazyyk, nauka, filiosofii: logiiko-mietodologiichieskii-j ii siemiihotiichieskii-j analiiz. – Viilinius: Iin-t filiosofihii, so-thi-ihologiihii ii prava AN Liitovskoj SSR, 1982. – P. 240 – 263.
9. Slyyshkiin G.G. Liingokultuurnyyje konthieptyy ii mieta-konthieptyy: Diss.of Doctor of Phil. – Volgograd, 2004. – 314 p.
10. Stiepanov JU.S. Siemiihotiika. URL: <http://lib.vvsu.ru/books/semiotika1>.

11. Longman Dictionary of Contemporary English, 2001. – 1666 p.

Источники примеров

1. Голсуорси Дж. Спасение Форсайта и другие рассказы. – М: ОАО Издательство «Радуга», 2005. – 192 с.
2. Медовый месяц и другие рассказы английских писателей. – М.: Айрс-пресс, 2006. – 288 с.
3. Моэм У.С. Разрисованный занавес: на английском языке. – М.: Издательство «Менеджер», 2004. – 272 с.
12. Остен Дж. Гордость и предубеждение: на английском языке. – М.: Юпитер-Интер, 2004 – 292 с.
13. Рассказы о любви: на английском языке. – М.: Айрс-пресс, 2005. – 352 с.
14. Archer J. Kane & Abele. – N.Y., 2004. – 565p.
15. Gaeddert L. Perfect strangers. – London, 1989. – 173 p.
16. Maurier D. The Scapegoat. – London, 2004. – 320 p.
17. Steel D. Vanished. – N.Y., 2007. – 391 p.
18. Walker F. Lots of love. – London, 2007. – 660 p.

11. Longman Dictionary of Contemporary English, 2001. – 1666 p.

Sources of examples

1. Golsuorsii Dzh. Spasieniije Forsajta ii drugiiije rasskazyy. – М: ОАО Izdatielstvo «Raduga», 2005. – 192 p.
2. Miedovyyj miesiath ii drugiiije rasskazyy angliijskiix piisatieliej. – М.: Ajrs-priess, 2006. – 288 p.
3. Moem U.S. Razriisovannyj zana-vies: na angliijskom jazyykie. – М.: Iizda-tielistvo «Mieniedzhier», 2004. – 272 p.
4. Ostien Dzh. Gordosti ii priedubi-ezhdieniije: na angliijskom jazyykie. – М.: Jupiitier-Iintier, 2004 – 292 p.
5. Rasskazyy o liubvii: na anglii-jskom jazyykie. – М.: Ajrs-priess, 2005. – 352 p.
6. Archer J. Kane & Abele. – N.Y., 2004. – 565p.
7. Gaeddert L. Perfect strangers. – London, 1989. – 173 p.
8. Maurier D. The Scapegoat. – Lon-don, 2004. – 320 p.
9. Steel D. Vanished. – N.Y., 2007. – 391 p.
10. Walker F. Lots of love. – London, 2007. – 660 p.

**КОНЦЕПТ «МЕТЕЛЬ»
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Е. Н. Антипова

Описание языковой репрезентации одного из ключевых культурных концептов русской национальной картины мира – концепта «Метель» – на основе лексикографических данных и текстов русской классической литературы с использованием методик концептуального анализа контекстов, лингвокультурологического комментирования текстов классической литературы и семантического анализа слов, свободных и связанных словосочетаний.

Ключевые слова: культурный концепт, русская национальная картина мира, концептуаль-ный анализ, лингвокультурологический комментарий.

Целью настоящей статьи является описание языковой репрезентации одного из ключевых культурных концептов русской национальной картины мира – концепта «Метель» – на основе лексикографических данных и текстов русской классической литературы (стихотворения «Бесы», повести «Метель», романа «Капитанская дочка» и поэмы «Медный всадник» А.С. Пушкина, рассказа «Ме-тель» Л.Н. Толстого, одноимённой поэмы М.И. Цветаевой и романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго») с использованием методик концептуального анализа контекстов, лингвокультурологического комментирования текстов классической литературы и семантического анализа слов, свободных и связанных словосочетаний.

Актуальность исследования связана с необходимостью изучения и описания концептосферы национальной картины мира в рамках антропоцентрической парадигмы лингвистики.

В соответствии с данными современных толковых словарей русского языка, слово *метель* имеет значение 'сильный ветер со снегом, вьюга' и возглавляет ряд семантических (идеографических) синонимов, обозначающих разновидности зимних осадков в средней полосе России, сопровождаемых ветром:

- *метель*, разговорное *метелица*,
- просторечное и диалектное *зámать* – обычно при низовом ветре,

- *вьюга* – при верховом ветре,
- *пурга* – сильная метель с холодным пронизывающим ветром,
- *буран* – чрезвычайно сильная, обычно внезапная метель, снежная буря в степи или на открытой местности,
- *позёмка* – метель без снегопада, поднимающая снег с поверхности земли.

Ключевые слова концепта *метель*, *метелица*, *зámять* этимологически восходят к общеславянскому глаголу *мести*, *мету*, реконструируемому с первоначальным значением ‘вращать, метать’ в виде **metti* (в результате диссимиляции *tt > st*), **того же корня, что лит. *mèsti* ‘мести, кидать, бросать’, лат. *metere* ‘собирать’**. Восстанавливаемая таким образом внутренняя форма слова *метель* ‘мести, кружить, вращать, вить, вздымать ветром’, позволяет объяснить символическое значение поэтического образа метели как явления, неожиданным образом возникающего, заслоняющего собой окружающий мир и против воли человека круто меняющего его жизнь.

А.С. Пушкин верил в решающую роль случая в жизни людей. Он не раз задумывался о том, не является ли человек игрушкой в руках неведомых сил. Метель в одноимённой повести и есть воплощение таких тайных сил, руководящих нашей жизнью. Они могут жестоко подшутить над человеком, но если довериться им, могут принести счастье и удачу. Герои повести достойно приняли случившееся с ними, и судьба снова пошутила, но по-доброму: она свела случайных супругов, дала им возможность узнать и полюбить друг друга, став мужем и женой по невероятному стечению обстоятельств, Марья Гавриловна и Бурмин обрели счастье и любовь.

«Бесы» – стихотворение многоплановое. На первом плане – реально-бытовая картина: путник, застигнутый метелью в *чистом поле*, его грустно-тревожные думы и чувства. Перед читателем возникает образ русской зимы с её грозной метелью и тревогами путешествия по летучим снегам, по занесённым дорогам, подчёркиваются характерно русские черты быта и жизни – тут и *ямщик* со своей речью, своей оценкой событий, и звенящий *под дугой колокольчик*, и *дорожные верстовые столбы*... Точные слова, передающие чувства путника и рисующие картины зимней вьюги, обретают и символическую значимость. «Бесы» с их гармоническим построением (первые четыре стиха равномерно, через каждые две строфы, проходящие через всё стихотворение; многочисленные словесные повторы, создающие особую музыкальную атмосферу; предельно динамические ритмы; четырех-

стопный хорей) представляют превосходный образец поэзии, которая сама по себе является музыкой. Стихотворение захватывает и поэзией мысли, мысли выстраданной, напряжённой, ищущей.

Развитие сюжета «Бесов» делит рассказ о путешествии на три части: в первой, относительно спокойной, смысловое ударение падает на слова *еду, еду*; во второй части возникают и осложняют движение кибитки препятствия, бытовой рассказ о зимнем путешествии приобретает философский символический смысл, усиливается тревога; кульминацией рассказа является строка *Кони стали!* – человек оказывается бессильным перед лицом стихии, ему не совладать с её слепой и жестокой силой, на первый план выдвигаются *кони*; третья часть даёт разрешение конфликта: *Кони снова понесли!* Символика и здесь удваивает смысл, даёт бытовое и философское решение ситуации «путник и метель».

Образ, вставший в воображении Пушкина и обрисованный им в «Бесах», пустил корень и расцвёл. Жизнь – метель, снежная буря, заметающая перед путником дороги, сбивающая его с пути. Такова жизнь *всякого* человека. Он – безвольное игральное метели-стихии: думает действовать в соответствии с личными целями, а в действительности движется её прихотью. Итак, стихотворение «Бесы» в творчестве А.С. Пушкина было не случайным.

В «Метели» Пушкин изобразил жизнь-метель не только как властвующую над человеком стихию, но как стихию умную, мудрейшую самого человека. Люди, как дети, заблуждаются в своих замыслах и хотениях, – метель подхватит, закружит, оглушит их, и в мутной мгле твердой рукой выведет на правильный путь, куда им, помимо их ведома, и надо было попасть. Она знает их подлинную, их скрытую волю – лучше их самих.

Пушкин ясно даёт нам понять, что Марья Гавриловна, в сущности, не любила Владимира, а просто увлеклась своим романтическим воображением. Налицо весь репертуар неистинной, надуманной влюблённости и подражания романтическим образцам; здесь и длинное прощальное письмо к чувствительной подруге, и письмо к родителям, где она прощалась с ними *«в самых трогательных выражениях, извиняла свой проступок неодолимою силою страсти и оканчивала тем, что блаженнейшею минутою жизни почтёт она ту, когда позволено, будет ей броситься к ногам дражайших её родителей»*. Но Власть имущий следил за милой простодушной Марьей Гавриловной. Она, шаля, готова была сбиться с пути, – он пошлёт своего слугу спасти её. Его слуга – жизнь, метель. В этот самый вечер офицер Бурмин из соседней усадьбы спешил в Вильно, в свой полк; судьба-метель, точно одной

рукой отстраняя Владимира, другою ведёт некоего Бурмина навстречу Марьи Гавриловны. В этом месте рассказ Пушкина достигает полной силы. Может быть, работая над этим рассказом, Пушкин думал: жизнь-метель редко бывает так добра, но бывает.

Русские философы конца XIX – начала XX века, обращаясь к Пушкину, постоянно подчёркивали, что судьба поэта – это наша судьба, судьба России, поэтому можно предположить, что трагическое стихотворение «Бесы» отразило один из кризисных этапов жизни русского народа, а бесовская стихия – *метель* – в русской литературе в разное время встречается, кроме Пушкина, у П.А. Вяземского, Л.Н. Толстого, А.А. Блока, Ф.К. Сологуба, С.А. Есенина, М.И. Цветаевой, Б.Л. Пастернака и др., являясь символом жизненной стихии, трагических событий, меняющих судьбы людей. Метель давно уже перестала быть в литературе только погодной реалией, она превратилась в некую метафизическую сущность, в знак могучей таинственной силы.

Пушкинская «Метель» из «Повестей Белкина» известна любому школьнику, есть и фильм по этому произведению – старый и добрый, как волшебная сказка. Но вот драма М.И. Цветаевой «Метель», увы, мало кому известна. Марина Цветаева написала свою «Метель» в декабре 1918 года – и определила жанр – «драматические сцены в стихах». Сюжет её драмы, кажется, незамысловат: представьте себе, как вечером под новый 1830-й год в придорожной харчевне, затерявшейся в лесах Богемии, вьюга сталкивает нескольких одиноких путешественников. В драме М.И. Цветаевой *Дама и Господин* – родные люди – но не в этом реальном потоке времени, а в вечности. Прежде незнакомые, они здесь узнали друг друга. Между ними возникло доверие и полная откровенность, в их диалогах – ответы с полувопроса. Беседа *Дамы и Господина* может показаться похожей на психоаналитический сеанс. *Господин* буквально погружает *Даму* в гипнотический сон, чтобы раскрыть не осознаваемые ею причины её же поступков, чтобы полностью пробудить память, затаившуюся в глубинах её души. Его жесты, несколько странные для обычного диалога, вполне соответствуют сцене сеанса гипноза: он начинает говорить, положив ей обе руки на голову, словно вводя её в избавляющее забвение, а когда *Дама* засыпает, он, *«тихонечко освободившись от неё, встаёт»*.

Но самое интересное заключено в том, что *Господин* – *Князь Луны* не только целитель больной памяти, избавитель от навязчивых сновидений, но и герой этих сновидений: *Это не сон и не грех,*

Это – последняя встреча.

– заключает он.

Из текста драмы, по замыслу Цветаевой, видно, что кармический закон не раз соединял героев в других воплощениях. Возможно, нынешней встрече предшествовал длинный ряд узнаваний, затянувшийся на столетия. Теперь этот ряд завершён. Та же сила, что оживила в памяти *Дамы* вереницу прошлых встреч, заставляет её забыть их, а значит усмирить бунтующую метельную стихию и восстановить гармонию её нынешнего существования

Господин:

Освободи! Укрепи!

Дай ей Свободу и Силу!

– Юная женщина, спи!

Сеанс гипноза, обрамлённый двумя взаимоисключающими приказами *Господина* «вспомни» и «спи», освободил *Даму* от внезапной необъяснимой страсти. Она забывается мирным сном, проснётся на следующее утро уже в новом году, и память, не нарушит больше её покой. Она вернётся к покорной любви-верности.

В «чумной», холодной и голодной Москве, на рубеже 19-го года, Цветаева писала пьесу о целях таинственной «метели» и о силах человеческой души, она размышляла, таким образом, и о Пушкине, и о Блоке, и о себе, а метель-стихия тем временем разрушала всё вокруг и кое-как пыталась возвести новое. Несомненно, что Марина Цветаева глубоко сознавала факт произошедшей в России катастрофы. Возможно, что именно это горькое понимание завершённости прошлого и подтолкнуло Цветаеву к созданию философской драмы, в которой на сцене театра перед продрогшими зрителями воплощался сюжет, где торжествовала гармония.

Многие авторы обращались к образу метели, чтобы передать через стихию природы чувства, мысли, ощущения, характер героев, чтобы отразить события, происходящие вокруг. Так и у Б.Л. Пастернака мотив стихии проходит через всё его творчество. При рассмотрении романа «Доктор Живаго» речь будет идти о стихиях природы (*грозе, вьюге, метели, буряне, снегопаде*), и о стихиях, захватывающих человека (*любви, страсти, революции, стихии творческого вдохновения*). Хотелось бы показать на примерах из текста, что все эти стихии действительно присутствуют в тексте романа, и посмотреть, какую роль они играют в произведениях писателя и как взаимосвязаны между собой. Так, нередко, одна стихия, чаще более глубокая, выражается другой. Например, у многих авторов революционная метель выражена метелью снежной, буря чувств в душе героя – бурей в природе. Стихии губят, являются

предвестниками несчастий, а у некоторых авторов иногда выступают на стороне героев. Так, на протяжении всего романа «Доктор Живаго» осуществляется противопоставление: *свеча – метель, свет – тьма, жар – холод, жизнь – смерть*. Свет свечи, как символ страсти – стихия огня, несущего тепло, добро, свет, жизнь, любовь. Снег, вьюга, метель – стихия холода, несущего зло, тьму, страдания, смерть.

Революция – стихия. Её нельзя избежать, нельзя вмешаться в её события, ибо все равно ничего нельзя изменить. Неизбежность делает людей безвольными. Стихия подчиняет себе всех и вся, она ничего не выпускает из своей снежной круговерти. Действительно, основным символом революционной стихии является метель – сметающая, заматающая все вокруг. Снежинки – словно люди, летящие на свет неведомого очага и гибнущие бесчисленно.

Мело, мело по всей земле

Во все пределы...

Мело... Метель.

Именно метель является символом революции. Действительно, эта стихия в «Докторе Живаго» изображена очень живо, она чувствуется не только на страницах её описания, но ещё и ощущается между строк на протяжении всего романа. Свеча – маленький маяк, просвечивающий сквозь пелену ужаса, безысходности, хаоса. Её свет даёт веру в спасение. Этот маленький огонёк обладает какой-то безрассудной смелостью противостоять стихии. Итак, на протяжении всего романа встречаются, противостоят друг другу два образа – *свеча и снег*, две стихии – *огонь и метель, пламя и вьюга, свет и тьма*.

Метель, вьюга, буран, гроза... Они появляются с первых страниц романа, угрожая, бросая вызов маленькому Юре Живаго: *«На дворе бушевала вьюга, воздух дымился снегом. Можно было подумать, будто буря заметила Юру и, созная, как она страшна, наслаждается производимым на него впечатлением. Она свистела и завывала и всеми способами старалась привлечь Юрино внимание»*. Затем грядёт революционная буря. Природная стихия как бы вторит стихии революции: *«Порошил первый реденький снежок с сильным и всё усиливающимся ветром»*, который на глазах у Юрия Андреевича превращался в снежную бурю. Этот буран, снег преследует Юрия. Он как бы предопределяет судьбу героя, предупреждает о грядущих испытаниях. Эта буря грозит и предупреждает Юрия Андреевича накануне отъезда из Москвы: *«Накануне отъезда поднялась снежная буря. Ветер взметал вверх к поднебесью серые тучи вертящихся снежинок, которые бе-*

лым вихрем возвращались на землю, улетали в глубину тёмной улицы и устилали её белой пеленою».

Когда жизнь героев спокойна – вьюг, метелей нет. В описании первой зимы Юрия Андреевича и Антонины Александровны в Варыкино нет ни одного упоминания о снежных стихиях. Природа в романе не только предупреждает, она ещё отражает внутреннее состояние героев. После прочтения письма Антонины Александровны в душе Юрия Андреевича поднимаются боль, страдание, буря эмоций, и за окнами мы видим буйство стихии. И в этот раз доктор Живаго как будто видит эту метель в себе: *«За окном пошёл снег. Ветер нёс его по воздуху вбок, всё быстрее и всё гуще, как бы этим всё время что-то навёрстывая, и Юрий Андреевич так смотрел перед собой в окно, как будто это не снег шёл, а продолжалось чтение письма Тони и проносились и мелькали не сухие звёздочки снега, а маленькие промежутки белой бумаги между маленькими чёрными буковками, белые, белые, без конца, без конца».* И через весь роман проведён один символ, один образ, который озаряет произведение, противостоит стихии тьмы. Это пламя и свет свечи, стихия огня. Мерцание свечи видит Юрий в заиндевелем окне ещё незнакомой ему Лары: *«Юра обратил внимание на чёрную протаявшую скважину в ледяном наросте одного из окон. Сквозь эту скважину просвечивал огонь свечи, проникавший на улицу почти с сознательностью взгляда, точно пламя подсматривало за едущими и кого-то поджидало».* Стихия сломала уклад жизни, систему ценностей, самих людей. Большинство потеряло собственное мнение, потеряло веру в себя, в свою правоту. Стихия завладела умами людей, их сердцами, навязывая им свои мерки, свои представления. Эта стихийность позволяет автору живее и красочнее описывать происходящие события, даёт возможность читателю окунуться в окружающий мир, увидеть, почувствовать его. Через описания стихий Пастернак глубоко раскрывает внутренний мир героев, их чувства и ощущения, их отношение к происходящему вокруг. Кажется, что и сам автор был стихийным человеком, он чувствовал стихию, жил в ней, ведь человек, не испытавший, не почувствовавший её, никогда не смог бы так точно и ярко описать её.

По нашему мнению, мотив стихии играет огромную роль в творчестве Б.Л. Пастернака, и без него произведения автора были бы сухими и безжизненными, даже, скорее всего, их вообще бы не было, ведь представить скучного спокойного, монотонного Пастернака, просто невозможно.

Итак, мы видим, как метель, эта таинственная сила, разрушает судьбы людей, но также и соединяет их, а значит, выполняет судьбоносную функцию в жизни каждого человека. В литературе она является символом стихийных событий: революций, восстаний, мятежей. Также мы видим, как метель становится связующим мостом между людьми (лишь в дороге, в метель, дворянин может понять простого крестьянина), помогает разобраться в себе и расставить всё на свои места.

Список литературы

1. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго // Пастернак Б. Л. Собр. соч. в 5 т. М. : Худо-жеств. лит-ра, 1990. Т. 3.
2. Пушкин А. С. Бесы // Пушкин А. С. Собр. соч. в 5 т. СПб. : Библиополис, 1994. Т. 1. С. 465–467.
3. Пушкин А. С. Капитанская дочка // Пушкин А. С. Собр. соч. в 5 т. СПб.: Библио-полис, 1994. Т. 4. С. 7–104.
4. Пушкин А. С. Медный всадник // Пушкин А. С. Собр. соч. в 5 т. СПб.: Библиопо-лис, 1994. Т. 2. С. 260–277.
5. Пушкин А. С. Метель // Пушкин А. С. Собр. соч. в 5 т. СПб.: Библиополис, 1994. Т. 4. С. 121–131.
6. Толстой Л. Н. Метель // Толстой Л. Н. Собр. соч. в 12 т. М.: Правда, 1987. Т. 1. С. 482–509.
7. Цветаева М. И. Метель // Цветаева М. И. Избранные произведения. М. ; Л: Совет-ский писатель, 1965. С. 35–48.

List of literature

1. Pasternak B. L. Doktor Zhivago // Pasternak B. L. Sobr. soch. v 5 t. M. : Hudo-zhestv. lit-ra, 1990. T. 3.
2. Pushkin A. S. Besy // Pushkin A. S. Sobr. soch. v 5 t. SPb. : Bibliopolis, 1994. T. 1. S. 465–467.
3. Pushkin A. S. Kapitanskaya dochka // Pushkin A. S. Sobr. soch. v 5 t. SPb.: Biblio-polis, 1994. T. 4. S. 7–104.
4. Pushkin A. S. Mednyj vsadnik // Pushkin A. S. Sobr. soch. v 5 t. SPb.: Bibliopo-lis, 1994. T. 2. S. 260–277.
5. Pushkin A. S. Metel' // Pushkin A. S. Sobr. soch. v 5 t. SPb.: Bibliopolis, 1994. T. 4. S. 121–131.
6. Tolstoy L. N. Metel' // Tolstoy L. N. Sobr. soch. v 12 t. M.: Pravda, 1987. T. 1. S. 482–509.
7. Tsvetaeva M. I. Metel' // Tsvetaeva M. I. Izbrannye proizvedeniya. M. ; L: Sovet-skiy pisatel', 1965. S. 35–48.

**О СТАТУСЕ ТОЧКИ В СОСТАВЕ ОБЩЕГРАФИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ ОФОРМЛЕНИЯ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ**

И. В. Баллод

В статье приводится анализ современной отечественной и зарубежной теоретической и справочной литературы по вопросу об определении места точки в составе общеграфических средств оформления письменной речи. Исследование двойственного характера и специфики использования данного знака позволяет выдвинуть гипотезу об особом, двойном статусе точки как пунктуационного и орфографического средства языка.

Ключевые слова: графика, знаки препинания, орфографические средства, письменная речь, точка

Современная лингвистика характеризуется переходом от «как-лингвистики» к «почему-лингвистике» [1. С. 34] и далее к «зачем-лингвистике» [2. С. 17], в связи с чем становится необходимым не только описывать те или иные языковые явления, но и объяснять причину их возникновения, место в системе языка, условия и цели употребления их в речи.

Рассматривая функционирование языка в современном обществе, можно убедиться в том, что в наши дни письменный язык играет не меньшую роль в передаче информации, чем язык звуковой, что в последние десятилетия часто отмечается как отечественными, так и зарубежными лингвистами [Амирова, 1993, 1996, 1997; Арнольд, 1973; Баранова, 1998; Вахек, 1967; Гельб, 1982; Николаева, 1961; Vachek, 1973; Todd 1995].

В связи с нарастающим значением письменного языка очень важным для пишущего оказывается донести текст до читателя таким, каким он был им задуман, передать смысл написанного так, чтобы он даже через долгое время оставался неискаженным. Не последнюю роль в этом играет графическое оформление текста.

Согласно определению, представленному в Большом энциклопедическом словаре (БЭС), под графикой (греч. graphike - пишу, черчу, рисую) понимается начертание письменных или печатных знаков, букв; совокупность всех средств какой-либо письменности.

Даже беглый взгляд на «совокупность всех средств» современной английской письменности при учете повсеместного в наши дни распространения общения в чатах, форумах, гостевых книгах, конференциях, по электронной почте (хотя нельзя не признать, что компьютерный дискурс можно назвать письмом весьма условно, ибо явление это достаточно специфическое, стирающее границы между устной и письменной формами коммуникации) не дает усомниться в огромном их разнообразии. Вот далеко не полный их перечень:

full stop (period) (.), interunct (·), bullet (•), comma (,), exclamation mark

(!), question mark (?), ellipses (...), hyphen (-), apostrophe (’), ‘), quotation marks (‘ ’, “ ”), brackets (()), ([]), ({ }), (< >), colon (:), dashes (—, —, —), slash (stroke), (/), backslash (\), semicolon (;), solidus (/), guillemets (« »), word spaces (SP), ampersand (&), at sign (@), asterisk (*), caret (^), currency (generic) (£), currency (specific) (¢, \$, €, £, ¥, ₩, ₪), daggers (†, ‡), degree (°), inverted exclamation mark (¡), inverted question mark (¿), number sign (#), numero sign (№), percent (%), pilcrow (¶), prime (’), section sign (§), tilde (swung dash) (~), umlaut (diaeresis) (¨), underscore (underline) (_), vertical bar (|), broken bar (|), asterism (✱), interrobang (?!), irony mark (°), lozenge (◇).

В связи с этим современные графические средства целесообразнее всего рассматривать с позиции понимания графики в широком и узком толковании данного понятия.

Графика в широком смысле – общеграфические средства оформления письменной речи – является формой реализации печатного текста, его материальной субстанцией и приравнивается, по сути, к средствам письменной речи.

Графика в узком смысле – собственно графические средства – представляет собой графическую презентацию той или иной единицы текста, отличающуюся от графической презентации всего текста.

Основу общеграфических средств составляют:

- 1) орфография,
- 2) пунктуация и
- 3) собственно-графические средства.

Каждый вид графических средств обладает своими характерными особенностями. Орфография базируется на фонематическом достоинстве буквы. Пунктуация основывается на просодических,

смыслоразличительных и синтаксических принципах. Собственно-графические средства носят специализированный оформительский характер.

В соответствии с отношением общеграфических средств к алфавитным элементам выделяют буквенные и небуквенные графические средства.

К буквенным средствам относятся алфавитные знаки, схема расположения которых предполагает наличие определенных системно-функциональных связей. В состав буквенных средств входят:

- 1) орфография, которая определяет передачу звуков буквами, и
- 2) собственно-графические средства, касающиеся внешнего вида букв, их начертательного изобразительного исполнения, куда относятся шрифтовые выделения, использование различного кегля заглавных или строчных букв и разнообразных типов жирности букв.

К небуквенным средствам относятся:

- 1) знаки препинания и
- 2) собственно-графические средства, которые не касаются начертания буквенных знаков, а являются своего рода средствами пространственно-выделительными. К ним причисляют «подчеркивание, использование пробелов (интервала и разрядки) и композиционное построение текста (организация абзацевого и межабзацевого пространства и использование красной строки)» [3. С. 150].

Являясь письменным и печатным знаком, точка, наряду с другими средствами письменного языка, входит в состав общеграфических средств оформления письменной речи. Попробуем определить, какое именно место отводится точке в системе графических средств письменного языка.

Для начала дадим ей определение, воспользовавшись толкованием самого слова «точка», которое можно почерпнуть из *отечественной справочной литературы*.

По определению В.И. Даля, точка – «...въ письменности: знакъ препинанія, ставимый въ концѣ рѣчи, содержащей полный смысл. *Гдѣ писцу надо носъ утеретьъ, тамъ запятая, а гдѣ табаку понюхать, точка*» (*В письменности точка - знак препинания, ставимый в конце речи, содержащей полный смысл. Где писцу надо нос утереть, там запятая, а где табаку понюхать, точка*) [4. С. 814]

Более развернутое определение точки как лингвистического термина представлено в словаре О.С. Ахмановой: «Знак препинания,

ставящийся в конце повествовательного предложения, а также знак, употребляемый при сокращенном написании слов» [5. С. 478].

В Большой советской энциклопедии читаем: «Точка - знак препинания, обозначающий полную законченность повествовательного предложения. Точка, употребляемая при сокращении слов, не является знаком препинания» [6]. Отсюда следует, что точка точке рознь. Она может выступать и в качестве знака препинания, являющегося показателем законченности предложения, и знака, сигнализирующего о сокращении слова.

В современной *отечественной теоретической* литературе по вопросам графических средств письменного языка, как правило, не возникает разногласий по поводу определения статуса точки. Отечественные лингвисты проявляют довольно редкое единодушие, относя данный знак к группе знаков пунктуации, хотя классифицируют его по-разному.

Так, русский языковед Д. Коровяков [1914] называет точку **логическим знаком препинания**. В основу классификации Д. Коровякова положен просодический принцип, в соответствии с которым вся пунктуация делится на устную (которая не произносится и лишь производится дикцией) и письменную (когда соответствующие паузы отражены на письме при помощи того или иного знака препинания). Последняя в свою очередь подразделяется на логическую и случайную. Случайные знаки препинания (двоеточие, вопросительный и восклицательный знаки, курсив и др.) служат «показателями интонаций». Точка наряду с другими логическими знаками препинания (запятой, точкой с запятой и красной строкой) призвана служить целям логического разделения подробностей фразы, уяснения взаимного отношения между ее частями.

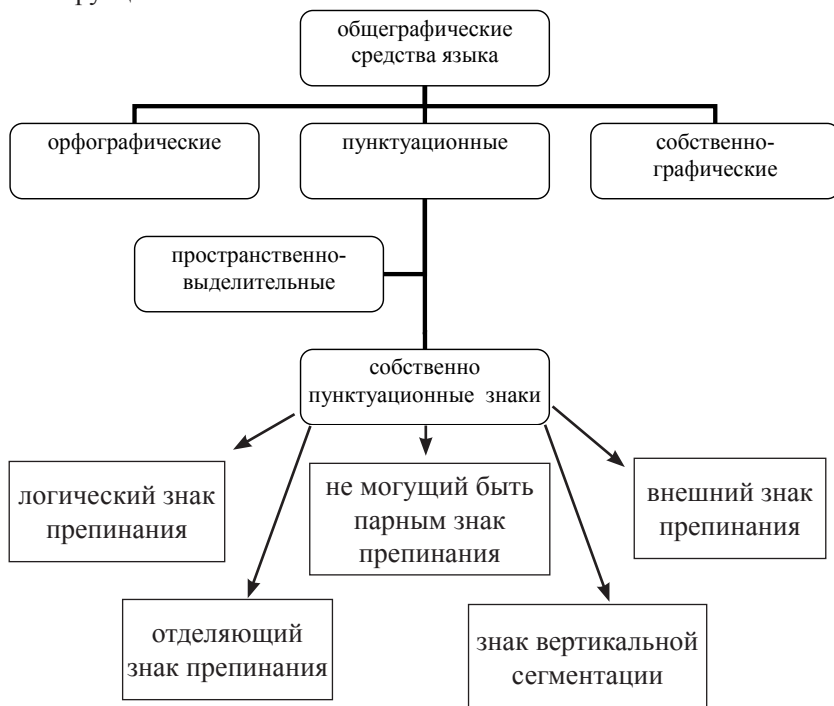
Б. А. Ильиш [1949] определяет место точки в категории пунктуационных средств языка **«не могущих быть парными»**, поскольку его классификация основывается на ином, структурном принципе. К числу двух других категорий принадлежат парные знаки препинания, которые, стоя в двух разных местах предложения, соотносятся друг с другом, образуя некоторое единство, и иначе употребляться не могут (к примеру, кавычки и скобки) и могущие быть парными знаки (например, запятые и тире).

И. Г. Кошева [1984] предлагает величать точку **«внешним пунктуационным знаком»**, т.е. таким средством, которое завершает предложение. К этому же виду знаков автор относит восклица-

тельный и вопросительный знаки, многоточие, кавычки и скобки. Основываясь, как и Б. А. Ильиш, на структурном принципе, помимо внешних И. Г. Кошечкина различает еще и внутренние пунктуационные знаки, т.е. такие, которые не выходят за пределы предложения (к примеру, тире, точка с запятой).

Принадлежность точки к группе знаков препинания не вызывает сомнения и у других отечественных лингвистов, не смотря на то, что они рассматривают общеграфические средства в соответствии с иным принципом - принципом их функционирования.

В классификации А. Б. Шапиро [1966] точка трактуется как «**отделяющий знак препинания**», ибо функция данного средства состоит в отделении частей текста. В этом автору видится основное отличие данной группы (куда также включаются вопросительный и восклицательный знаки, запятая, точка с запятой, двоеточие, тире и многоточие) от группы знаков выделяющих, призванных дополнять, уточнять или пояснять субъективное отношение пишущего к содержанию (например, причастных оборотов, вводных и вставных конструкций).

Следует упомянуть и отечественного лингвиста В. В. Бабайцеву [1981], которая не видит основания для иной трактовки статуса точки, кроме как «отделяющего знака препинания».

В теории графических средств известно также определение, данное точке Л. Л. Барановой [1988], которая называет ее одним из «пунктуационных средств вертикальной сегментации». Знаки вертикальной сегментации служат для членения (сегментации) речи на значащие единицы. Помимо точки к ним относятся вопросительный и восклицательный знаки, двоеточие, запятая, точка с запятой и тире. Что касается остальных знаков, то они признаются знаками «горизонтальной стратификации», ибо расслаивают поток речи по горизонтали. Например, кавычки, скобки, сдвоенные запятые, сдвоенное тире, разрядка, курсив и использование прописных букв.

Суммируя все вышеизложенное, можно составить следующую схему, наглядно демонстрирующую как сам **статус** точки в составе общеграфических средств письменного языка, так и группы (виды, подгруппы, классы), к которым она отнесена в различных *отечественных* классификациях.

В *зарубежной справочной* литературе можно найти следующие дефиниции точки:

“Full stop: a point that marks the end of a sentence or the shortened form of a word” [7. С. 573].

“Full stop: the punctuation mark (.) [8. С. 251].

“Period: the dot marking the end of a declarative sentence or showing an abbreviation” [9. С. 824].

“Period: a) the mark of punctuation used to indicate the end of a declarative sentence;

c) the dot following many abbreviations [10. С. 1071].

В двух из приведенных выше толкований четко указывается на то, что точка – знак препинания. Однако последний источник подразделяет (поскольку дает две статьи на одно и то же слово) данный знак на средство пунктуации, служащее в письменной речи для обозначения границы повествовательного предложения, и знак особый, употребляемый при различных приемах сокращения слов. Напомним, что в состав общеграфических средств письменного языка наряду с пунктуацией входят также орфография и собственно графические средства, а значит, теоретически точка при сокращениях может входить в любой из этих двух видов средств. Как видим, противоречия в вопросе определения статуса точки возникают и в зарубежной справочной литературе.

Возможно, ответ на вопрос о том, является ли точка исключительно средством пунктуации, даст нам анализ *зарубежной теоретической литературы*.

Прежде всего, следует сказать о том, что англоязычные лингвисты также как и отечественные подразделяют общеграфические средства письменного английского языка на орфографию («*spelling*»), пунктуацию («*punctuation*») и средства собственно графические, получившие название «*mechanics*». Однако и среди зарубежных исследователей нет единого подхода относительно того, какие знаки следует отнести к пунктуационному составу, какие к орфографии, а какие к средствам графического оформления письменного текста.

Так, многие лингвисты относят к разделу «*punctuation*» не только интересующую нас точку, но и заглавные буквы [Metcalfе, Astle, 1985; West, Kimber, 1963], звездочки (asterisks) [West, Kimber, 1963], курсив [Metcalfе, Astle, 1985] и апостроф [Elsbree, Bracher, Altizer, 1977; Metcalfе, Astle, 1985; West, Kimber, 1963].

М. Витт [1991], напротив, причисляет заглавные буквы, апостроф и курсив (впрочем, также как дефис, кавычки, аббревиацию, многоточие и цифры) к «*mechanics*». Такой подход представляется вполне логичным и обоснованным, поскольку, разграничивая все графические средства письменного языка на «*punctuation*» и «*mechanics*», автор проводит демаркационную линию между знаками по следующему принципу: знаки, имеющие отношение к предложениям (*dealing with sentences*) предлагается считать средствами «*punctuation*», знаки, имеющие отношение к отдельным словам (*dealing with words*), – средством «*mechanics*».

В исследованиях Р. Аксельрода и Ч. Купера [1985] в раздел «*mechanics*» наряду с аббревиацией, заглавными буквами, дефисом, цифрами включается и «*spelling*».

Э. Корбет и Ш. Финкл [1992] относят к разделу «*mechanics*» кавычки, курсив, подчеркивание, заглавные буквы, цифры и дефис, основывая данный выбор на интонационном принципе. И вновь концепция авторов не вызывает недоумения: действительно, данные графические средства (в отличие от собственно пунктуации) не имеют интонационного оформления в устной речи. Например, слово, *punctuation*, будет читаться одинаково как в случае написания его с заглавной, так и с маленькой буквы.

Однако вернемся к объекту нашего исследования – точке. Какое место в системе общеграфических средств отводит ей зарубежные исследователи?

Л. Тодд [1995], включает точку в систему знаков препинания, а именно, в группу "**terminators**". Название, разумеется, выбрано не случайно. Глагол *terminate* означает *ставить предел*, а посему довольно несложно догадаться, что эта группа знаков отмечает конец высказывания, и весьма логично предположить, что кроме точки к ней относятся многоточие, восклицательный и вопросительный знаки. Знаки препинания, составляющие вторую группу - "**separators**", отделяют друг от друга части предложения. Они в свою очередь подразделяются на: "**separators 1**" (знаки, которые могут использоваться в тексте как единично, так и парно, к примеру, тире); "**separators 2**" (знаки, которые не могут быть парными, как то: апостроф или двоеточие) и "**separators 3**" (знаки, которые употребляются только парно, например, скобки).

Д. Нич и И. Свартвик [1985] также определяют статус точки как знака пунктуационного, хотя, в соответствии с предложенной ими классификацией (в ее основу положен функциональный принцип), название группы, к которой точка оказывается отнесена, и звучит несколько иначе: "**separation of successive units**" (*группа отделения последовательных единиц*). В данной группе кроме точки представлены и другие знаки, отделяющие не отдельные высказывания, а части предложения, находящиеся в простом линейном отношении друг к другу, например, дефис, промежуток между словами, запятая, двоеточие, точка с запятой и абзацный отступ. Рядом с группой "**separation of successive units**" в классификации Д. Нича и И. Свартака располагается еще одна группа большого класса знаков разделения, именуемая "**separation of included units**" (*группа отделения включаемых единиц*). В нее входят так называемые коррелятивные знаки, т.е. те, которые отмечают как начало, так и конец включаемой части предложения в часть более протяженную (например, запятые, отмечающие парентетическое внесение).

Ко второму большому классу знаков препинания - "**specification**" – (*класс уточнения, детализации*) авторы относят те знаки, которые в дополнение к отделительной функции выполняют еще и функцию уточняющую, детализирующую. Например, апостроф в *the scientist's* уточняет форму притяжательного падежа и помогает отличить ее от фонологически идентичной формы множественного числа *the scientists*.

Э. Партридж [1983] в книге «You Have a Point There» вновь не дает читателю усомниться в том, что точка являет собой средство

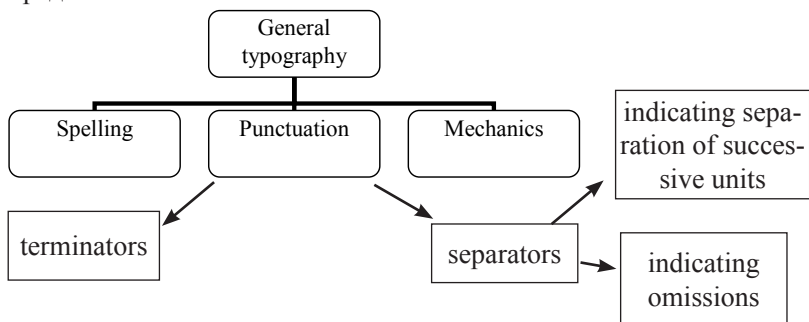
собственно пунктуации, помещая ее в группу, носящую аналогичное название "**Punctuation**". В этой группе с точкой соседствуют запятая, двоеточие, скобки, тире, вопросительный и восклицательный знаки и многоточие.

Вторая группа знаков объединена у Э. Партриджа под названием "**Allies and Accessories**". В нее включаются такие графические средства, как заглавная буква, курсив, кавычки, дефис, апостроф и красная строка.

В третью группу "**Orchestration**" Э. Партридж определил сочетание различных знаков препинания, описав их функционирование в предложении и тексте.

Исследования Г. Уайтхолла [1956], с одной стороны, вряд ли могут пополнить копилку определений, данных точке, ибо в них этот знак также интерпретируется как знак препинания, используемый для разделения предложений из группы "**separation**". С другой, классификация Г. Уайтхолла примечательна тем, что помимо достаточно традиционно выделяемых в зарубежной лингвистике группы знаков, используемых для соединения частей предложения/слов (*linking*), и группы парных знаков, применяемых для включения предложения и его частей (*inclosing*), предусматривает еще и отдельную группу, в которую собраны знаки препинания, необходимые для обозначения пропусков (*indicating omissions*), в числе коих отдельно упоминается точка при сокращениях.

Схематично, основываясь на изысканиях целой плеяды зарубежных ученых, место точки в системе общеграфических средств можно представить вот так:

Таким образом, анализ справочной литературы показывает, что единого подхода к определению самого знака «точка» не существует.

Что касается места данного знака в общей системе средств письменного языка, то анализ **теоретической** литературы убеждает нас в общности позиции отечественных и зарубежных лингвистов, которые в большинстве своем относят точку к системе пунктуационных знаков. Однако, на наш взгляд, в правомерности последнего можно усомниться. Во-первых, потому что, главное назначение пунктуации, как известно, членение и графическая организация письменного **текста**, а знак точки, имеющей отношение к **отдельным словам**, не может удовлетворять положению о членении **текста**. Во-вторых, потому что в аббревиатурах отсутствие точки или неправильная ее позиция ведут к искажению смысла, например: *B.O.S.S (biological orbiting satellite station) – биологическая орбитальная станция, boss – босс, хозяин*. А значит, в этом плане точка скорее относится к орфографии как разделу языкознания, который изучает систему правил, обеспечивающих единообразное написание.

Самым простым и логичным решением в отношении определения места точки в системе графических средств является, на наш взгляд, дифференциация этого знака по принципу, предложенному английским лингвистом М. Виттом. Исследователь, как мы упоминали выше, разграничивает все графические средства письменного языка на «punctuation» и “mechanics” в зависимости от того, имеют ли они отношение к предложениям (**dealing with sentences**) или **отдельным словам (dealing with words) соответственно. При таком подходе** точку в конце повествовательного предложения, несомненно, следует причислить к знакам пунктуации, тогда как точка, употребляемая при сокращении слов, вполне логично подпадает под категорию «mechanics”.

Следовательно, двойственный характер данного знака и специфика его использования дает основание говорить о том, что точка может быть репрезентирована в двух статусах: 1) как пунктуационный знак, формирующий структурно-семантическое единство с присущими ему грамматическими и смысловыми нагрузками (для разделения предложений) и 2) как орфографический знак, употребляемый при сокращении слова.

Список литературы

1. Фрумкина Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века. М. : РАН ИЯ, 1995.

List of literature

1. Frumkina P. M. Est' li u sovremennoy lingvistiki svoya epistemologiya? // Yazyk i nauka kontsa XX veka. M. : RAN IYa, 1995.

2. Николаева Т. М. От звука к тексту: Человек и язык. Язык: загадки и загадки. Язык и текст. М.: Языки русской культуры, 2000.
3. Максимова Т. Д. Место графики в системе средств письменной речи // Коммуникативно-парадигматические аспекты исследования языковых единиц: Сб. ст. к юбилею проф-фессора М. Я. Блоха. В 2-х ч. Барнаул-Москва : Изд-во БГПУ, 2004. Часть 1.
4. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современное написание. М. : АСТ, 2008.
5. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : УРСС, 2004.
6. Большая советская энциклопедия. URL : <http://www.cult.../alp416.htm>.
7. Longman Corpus Network. Longman Dictionary of Contemporary English. L. : Pearson P T R, 1995.
8. Soanes C. S. Oxford Dictionary of Current English. O. ; OUP : 1984.
9. Barnhart R. K. Thorndike-Barnhart Student Dictionary. NY. : Foresman and Company Scott, 1988.
10. Agnes M. E. Webster's New World College Dictionary. NY. : Webster's New World, 2001.
2. Nikolaeva T. M. Ot zvuka k tekstu: Chelovek i yazyk. Yazyk: razgadki i zagadki. Yazyk i tekst. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 2000.
3. Maksimova T. D. Mesto grafiki v sisteme sredstv pis'mennoy rechi // Kommunikativno-paradigmaticheskie aspekty issledovaniya yazykovykh edinit: Sb. st. k yubileyu pro-fessora M. Ya. Bloha. V 2-h ch. Barnaul-Moskva : Izd-vo BGPU, 2004. Chast' 1.
4. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Sovremennoe napisanie. M. : AST, 2008.
5. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M. : URSS, 2004.
6. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. URL : <http://www.cult.../alp416.htm>.
7. Longman Corpus Network. Longman Dictionary of Contemporary English. L. : Pearson P T R, 1995.
8. Soanes C. S. Oxford Dictionary of Current English. O. ; OUP : 1984.
9. Barnhart R. K. Thorndike-Barnhart Student Dictionary. NY. : Foresman and Company Scott, 1988.
10. Agnes M. E. Webster's New World College Dictionary. NY. : Webster's New World, 2001.

ИМПЛИЦИТНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Л. С. Бейлинсон

Рассматриваются имплицитные речевые действия в профессиональном дискурсе. Доказано, что эти действия обусловлены лингвокультурными нормами, необходимостью поддержания статусного баланса участников общения, особенностями конкретной коммуникативной ситуации и наиболее вариативно представлены в некатегоричных высказываниях.

Ключевые слова: имплицитность, речевое действие, профессиональный дискурс, некатегоричные высказывания.

Все речевые действия делятся на две больших группы по признаку эксплицитности / имплицитности. Строго говоря, любое высказывание, как отмечает Л.С. Выготский, является иносказанием. Импликация достаточно подробно освещена в лингвистической литературе (Арнольд, 1982; Вейзе, 1983; Долинин, 1983; Исаева, 1996; Калмыкова, 1994; Краже, 1986; Сыщиков, 2000). Большинство исследователей рассматривает это явление на материале художественного текста, и это вполне объяснимо, поскольку художественный текст предполагает активное участие адресата в раскрытии замысла автора, именно это и создает удовольствие от чтения, по Р.Барту. Менее изучена импликация в институциональном общении, в том числе и в профессиональном дискурсе.

Психологической основой имплицитных речевых действий является нежелание говорящего раскрыть свои интенции. Это нежелание объясняется рядом причин: 1) интенции могут оказаться неприятными для адресата (это обычные случаи манипулятивного воздействия, например, в виде лжи, лести и комплимента), 2) интенции могут осознаваться говорящим как роняющие его внутреннее самоуважение (обычно это намеки вместо просьбы, извинения, приказа), 3) интенции могут противоречить этикетным нормам и принятым в соответствующем обществе правилам речевого поведения (например, подростки часто избегают вежливых речевых действий, считая их неискренними, и в определенных ситуациях вынуждены свое доброе

отношение маскировать привычными формами грубоватого поведения, чтобы не выглядеть смешно в глазах сверстников).

Имплицитные речевые акты нельзя смешивать с так называемыми инконсистентными высказываниями, т.е. теми высказываниями, форма и содержание которых не совпадают по эмоциональному знаку (например, шутливая фраза «Привет, негодник!» или «Искренне поздравляю вас» — произносимое с интонацией безразличия либо неприязни). Инконсистентные высказывания имеют место как в личностно-ориентированном, так и в институциональном дискурсе, в последнем случае происходит чисто формальное выражение норм вежливости в соответствии с этикетными требованиями. Например, юрист, администратор или врач дают советы тому, кто к ним обратился, при этом формально высказывание характеризуется положительным знаком эмоционального отношения к адресату, а содержание — нулевым («У меня сильно болит ухо...» — «Вам нужно прийти к отоларингологу, это не к нам»).

В медицинском дискурсе имплицитные речевые действия весьма распространены, при этом, на наш взгляд, они продиктованы следующими причинами: 1) необходимость убедить пациента выполнить то или иное действие, которого пациент боится («Сейчас тебе сделают укольчик, это совсем не больно, как будто комарик укусил»), 2) соблюдение норм медицинской этики, когда пациенту не сообщают, например, правильный диагноз, 3) необходимость «спасти лицо» в случае ошибочного предварительного диагноза. Эти причины, как можно видеть, соответствуют трем типам имплицитных речевых действий: манипулятивным, конвенциональным и парирующим. В логопедическом дискурсе имплицитные речевые действия имеют место применительно ко всем жанрам данного дискурса, однако каждый из таких жанров характеризуется спецификой в плане имплицитности. Например, в жанре диагностической консультации при описании анамнеза специалист может задать один и тот же вопрос в разных формулировках на разных стадиях беседы для проверки искренности адресата («Скажите, кто-нибудь в семье наблюдался у невролога?» - «Во время беременности не было потрясений, нервных срывов, к неврологу не обращались?»). Коррекционные занятия включают иногда манипулятивные ходы со стороны логопеда, это бывает вызвано необходимостью вызвать требуемую реакцию со стороны ребенка, когда он устал или капризничает: логопед показывает ребенку картинку в альбоме, ребенок шалит и не хочет гово-

речь. Тогда специалист говорит: «Сережа у нас совсем маленький, он не знает, что здесь нарисовано», пациент сразу же включается в игру и говорит: «Ыбка». В рекомендациях логопеда импликация отмечена тогда, когда по ряду соображений специалист не хочет открыто озвучивать некоторую информацию:

Л.: Знаете, с таким произношением Максиму будет трудно учиться в школе, и часто учителя рекомендуют родителям таких детей изменить условия обучения.

Р.: Индивидуальные занятия?

Л.: Нет, другой тип школы.

Речь идет о школе для детей с отставанием в развитии, и родитель не сразу понимает смысл первой реплики логопеда.

Применительно к директивным речевым актам имплицитные действия выражаются в широком диапазоне своих конкретных проявлений, при этом следует отметить, что сам тип речевого действия допускает значительную вариативность выражения, например, оборонительное действие является таковым по своей базовой интенции (говорящий хочет спасти свое лицо), но он может это делать различными способами с различной мерой психологического давления на адресата (в логопедическом дискурсе — на пациента и сопровождающего его человека), в ряде случаев оборонительное речевое действие превращается в вербальную агрессию.

Имплицитные директивные речевые действия соотносятся с двумя классами эксплицитных речевых актов — директивами и недирективами, т.е. косвенное воздействие на адресата осуществляется либо под видом воздействия в иной тональности, либо под видом информирования, обязательства, выражения эмоций и т.д. Наиболее типичным видом такого соотношения (имплицитной диады) является выражение категоричного директива в форме просьбы: «*Пожалуйста, повтори за мной*». В зависимости от серьезности заболевания в медицинском дискурсе запрет может вариативно выражаться как эксплицитно, так и имплицитно — в виде совета, рекомендации, просьбы («Я Вас прошу ограничить употребление алкоголя»). Если построить модель соотношения между разновидностями директивных речевых действий в их эксплицитной и имплицитной формах выражения, то выясняется, что имплицитные диады в ряде случаев бывают обратимыми и необратимыми. Например, рекомендация может быть выражена как просьба, и наоборот. Вместе с тем приказ может быть выражен как просьба, но обратное вряд ли возможно.

Соотношение между имплицитными директивами и недирективами также распадается на два типа: 1) имплицитный директив — эксплицитный простой недиректив, например, информатив («*Недавно появилось в продаже очень хорошее импортное средство...*» — подразумевается: «*Я рекомендую вам приобрести это средство*»); 2) имплицитный директив — эксплицитный сложный недиректив, включающий эксплицитный и имплицитный недирективы, например: «*Некоторые пациенты, к сожалению, перестают принимать это лекарство, считая, что их самочувствие улучшилось, и тогда наступает резкое ухудшение состояния*» — подразумевается: «*Вам будет плохо, если Вы перестанете принимать это лекарство*» (скрытая угроза как вид имплицитного комиссива) и «*Я рекомендую вам продолжать принимать лекарство*» (скрытый выводимый директив).

Важной характеристикой категоричных первичных прямых директивов является их зависимость от пропозиционального содержания того действия, на которое и направлена интенция говорящего (т.е. то, чего хочет достичь говорящий). Например, «*Отправьте письмо в Саратов*» может быть распоряжением либо просьбой (в последнем случае необходимы дополнительные показатели вежливости — соответствующая интонация, этикетные слова), «*Возьми пряник к чаю*» — выражением инструктивного желания, «*Не скучай!*» — выражением экспрессивного пожелания.

Существенным признаком директива является статусное соотношение участников общения: вышестоящий отдает приказы, нижестоящий и равный обращаются с просьбой. Просьба со стороны вышестоящего обычно является вежливой формой приказа. Именно поэтому высказывание «*Дай мне дневник*» в устах учителя является приказом, а в устах одноклассника — просьбой.

Некатегоричные директивы являются более сложным образованием по сравнению с категоричными, поскольку говорящий в силу разных причин пытается снизить степень оказания прямого воздействия на адресата. Суть дела от этого не меняется: назначение этих речевых актов — добиться выполнения желаемого положения дел. Некатегоричность — это способ облегчения коммуникации, этикетная характеристика действия, которое должно достичь цели оптимальным способом. При категоричных директивах позиция адресата не принимается во внимание, при некатегоричных — учитывается. Некатегоричные речевые действия реализуют требования коммуникативного постулата вежливости, по Дж. Личу (Leach, 1983).

Вежливость как универсальный принцип человеческого поведения представляет собой поддержание оптимальной благоприятной коммуникативной тональности в общении, предполагающем, что такая тональность может находиться под угрозой. В исследовании П.Браун и С.Левинсона (Brown, Levinson, 1987) выделяются две глобальные стратегии речевого поведения: поведение в условиях угрозы “потерять лицо” (самоуважение) и вне таких условий. Первая стратегия реализуется в трех базовых коммуникативных моделях поведения: 1) позитивная вежливость, 2) негативная вежливость, 3) камуфлирование (намеренная неопределенность выражения интенций). Вторая стратегия реализуется в двух основных моделях поведения: 1) обиходное общение на сокращенной дистанции, 2) конвенциональные стереотипы общения в жестко заданных ситуациях (например, «*На помощь!*», «*Берегите голову*», «*Войдите!*»). Позитивная вежливость предполагает открытое выражение дружеского отношения к адресату и основана на убеждении в том, что адресат с радостью выполнит любую просьбу говорящего. Негативная вежливость дает возможность адресату отказаться, говорящий учитывает вероятность того, что его просьба может представить неудобство адресату, и стремится ничем не ограничить свободу своего коммуникативного партнера. Камуфлирование представляет собой коммуникативную позицию человека, который осознает и остро переживает возможность потери своего лица в общении с адресатом и при этом стремится сохранить прежде всего свое собственное самоуважение, а не лицо коммуникативного партнера, отсюда вытекают такие речевые акты, как намек, уклонение от ответа, перевод общения в иное русло.

Некатегоричность и вежливость связаны, но не тождественны. Некатегоричность высказывания обусловлена не только стремлением говорящего снизить степень прямого воздействия на адресата, но и рядом других причин: неуверенностью в истинности сообщаемого, личностными характеристиками говорящего, особенностями коммуникативной ситуации.

Внутренний оценочный знак директивного речевого действия может быть, как и любой оценочный знак, маркированным (положительным либо отрицательным) или нейтральным. Маркированный положительный знак директива объясняется через выявление мотивации говорящего: «*Я хочу, чтобы ты сделал то-то, потому что это будет для тебя благом*». Сюда относятся советы и рекомендации. Маркированный отрицательный знак директива направлен не

в сторону перспективы действия, а ретроспективно и призван прояснить причину такого действия: *«Я хочу, чтобы ты сделал это (не делал этого), понимая, что тебе это неприятно, потому что ты сделал нечто плохое»*. Сюда относятся комплексные речевые действия (порицания, выговоры, наказания и т.д.), соединяющие в себе выражение эмоций и оказание воздействия на адресата. Маркированный оценочный знак директива выводит адресата на передний план речевого действия, поскольку с позиций здравого смысла любое действие признается нормальным, если оно необходимо или желательно для субъекта действия (утилитарная значимость), а подчеркивание желательности действия не для субъекта, а для другого человека (обычно для адресата) превращает директив в маркированный оценочный речевой акт. Если же направленности действия на благо адресата нет, то мы говорим об оценочно-нейтральном директиве. Оценочно-нейтральные директивы распадаются на два подкласса: 1) эгоцентрические (подразумевающие благо для отправителя речи, например, просьбы) и 2) процедурные (фокусирующие внимание на последовательности действий, а не на участниках коммуникативной ситуации, например, рецепты).

Помимо внутреннего оценочного знака речевые действия могут характеризоваться и внешней оценочной квалификацией. В этом случае происходит перемещение действия на своеобразный метаязык представления: *«Я оцениваю положительно (отрицательно) то, что кто-либо побуждает кого-либо совершить (не совершать) то-то»*. Такие речевые действия являются по своей природе констатациями с экспрессивным дополнением. Для изучения директивов они интересны в той мере, что показывают социальную значимость определенных косвенных побудительных действий, например, “подстрекать”, “убеждать”, “уговаривать” и т.д.

Данная модель усложняется с учетом косвенных или транспонированных речевых актов, например, приказ в виде просьбы, упрек в виде благодарности и т.д. Транспонированные речевые акты представляют собой распространенные этикетно-закрепленные формы общения (Гурочкина, Давыдова, 1990, с.48). В некоторых сообществах транспонированные речевые акты существенным образом ограничивают спонтанную речь говорящего: у индейцев оджибва не принято вербально выражать просьбу, адресат должен догадаться об этом сам. Поэтому определенные темы в разговоре избегаются, чтобы не возникло предположение о просьбе (Hymes, 1986, с.55).

В основе речевого акта лежит интенция говорящего, т.е. желание, для реализации которого будут предприняты определенные шаги. Интенция может быть манифестируемая (проявляемая) и латентная (скрытая). Латентная интенция, как пишет О.Г. Почепцов (1986, с.74, 82), лингвистическому анализу не поддается, а манифестируемая интенция может быть заданной и выводимой. Косвенные речевые акты соотносятся с выводимой интенцией. Общение на уровне выводимого смысла всегда присутствует в нормальном человеческом взаимодействии, участники общения всегда что-то домысливают. Однако мера явно выраженного и мера подразумеваемого смысла могут выходить за рамки ожиданий адресата. Многие зависят от жанра и условий общения. Повышенное использование в речи импликатур, выводимых смыслов, отмечает В.В.Богданов, повышает статус говорящего в глазах адресата и статус адресата в собственных глазах: говорящий выглядит умным, разбирающимся в тонкостях речевого общения, и адресат понимает, что говорящий доверяет его догадливости. «Общение на уровне импликатур — это более престижный вид вербальной коммуникации, поэтому он широко используется среди образованной части населения, поскольку для понимания многих импликатур адресат должен располагать соответствующим уровнем интеллектуального развития» (Богданов, 1990, с.21). Это в полной мере относится к профессиональному дискурсу, поскольку одной из задач такого дискурса является поддержание социального статуса участников общения (Карасик, 2002).

Таким образом, имплицитные речевые действия в профессиональном дискурсе обусловлены коммуникативными нормами лингвокультуры, необходимостью соблюдения статусного баланса между участниками общения и ситуативными характеристиками конкретного момента коммуникации и распадаются на три разновидности: манипулятивные, конвенциональные и парирующие. Они проявляются как директивные и недирективные речевые акты, при этом могут быть прямыми и транспонированными. Наиболее вариативно имплицитные речевые действия представлены в некатегоричных высказываниях в соответствии с нормами вежливости.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. №4.

List of literature

1. Arnol'd I. V. Implikatsiya kak priem postroeniya teksta i predmet filologicheskogo izucheniya // Voprosy yazykoznaniya. 1982. №4.

2. Богданов В. В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. Л. : Изд-во ЛГУ, 1990.
3. Вейзе А. А. Обучение пониманию глубинного смысла с имплицитной структурой // Проблемы текстуральной лингвистики. Киев, 1983.
4. Гурочкина А. Г. Функционирование формул речевого этикета в акте вербальной коммуникации // Логико-семантические и прагматические проблемы текста: Сб. науч. тр. / Краснояр. гос. пед. ин-т. Красноярск, 1990.
5. Долинин К. А. Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания. 1983. № 6.
6. Исаева Л. А. Виды скрытых смыслов и способы их представления в художественном тексте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1996.
7. Калмыкова Г. А. Семантико-синтаксическая единица импликации и ее способы вербализации (на материале немецких романтических сказок): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижн. Новгород, 1994.
8. Карасик В. И. Язык социального статуса. М. : Гнозис, 2002.
9. Краже С. Г. Маркеры текстовой импликации (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук Л., 1986.
10. Почепцов О. Г. Основы прагматического описания предложения. Киев : Vischa shk., 1986.

ния. Киев : Вища шк., 1986.

11. Сыщиков О. С. Имплицитность в деловом дискурсе (на материале английских ком-мерческих писем): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.

12. Brown P. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987.

13. Hymes D. Discourse: Scope Without Depth // International Journal of the Sociology of Language 57. 1986.

14. Leech G. N. Principles of Pragmatics. London : Longman, 1983.

11. Syschikov O. S. Implitsitnost' v delovom diskurse (na materiale angliyskih kom-mercheskih pisem): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2000.

12. Brown P. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987.

13. Hymes D. Discourse: Scope Without Depth // International Journal of the Sociology of Language 57. 1986.

14. Leech G. N. Principles of Pragmatics. London : Longman, 1983.

**САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
В СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ НИКОВ УЧАСТНИКОВ «ЧАТА»)**

Е. Н. Галичкина

Новые информационные технологии предоставляют широкие возможности самопрезентации языковой личности в сети: разнообразие форм взаимодействия (чат, форум, блог, и др.), возможность множественной маскированности участников сетевой компьютерной коммуникации, карнавализация общения, выбора «сетевого имени» и др.

Ключевые слова: языковая личность, самопрезентация, сетевая коммуникация.

Система антропонимических именовании прошла длинный путь развития, находясь в определенной зависимости от социально-классовой структуры общества и от времени (см. Королева, 2002; Хигир, 1997; Суперанская, 1973, 1990; Введенская, 1989 и др.). Древние времена характеризовались сакральностью имени, поскольку его знали только самые близкие и родные люди. Скрытие имени зачастую было обусловлено его магической силой, верой в то, что, зная имя, можно нанести вред его владельцу. До XV века имя употреблялось в широком значении. Человека, как и многие предметы и явления действительности именовали, нарекали, называли, прозывали, отсюда существовала богатая синонимическая замена слова «имя»: рекло, имя, назвище, прозвище и др. В XVIII-XIX вв. произошло дифференцирование при именовании. Слово-название стали употреблять для именовании вообще, а имя или имена для человека. Как в свое время было справедливо замечено П.Флоренским «до имени человек не есть еще человек, ни для себя, ни для других, не есть субъект личных отношений, следовательно, не есть член общества, а лишь возможность человека» (Флоренский, 1993:62). Превращение «возможного» человека в социального происходит в результате его именовании. Выбор «родного имени» полностью обусловлен выбором родителей, в отличие от прозвища и клички, приобретаемых помимо воли человека во дворе, в компаниях и т.д. Участие в сетевой коммуникации также предполагает наличие имени, однако в отличие

от «родного имени», клички или прозвища, ник (от англ. nickname) выбирается человеком самостоятельно. Следует отметить, что наличие в реальной жизни большого количества тезок и однофамильцев усложняет процесс идентификации человека в сетевом пространстве и является основной причиной выбора индивидуального ника.

Проведенное нами анкетирование участников сетевой коммуникации (в котором на наши вопросы согласилось ответить 100 человек) позволило установить, что в большинстве случаев «ник» рассматривается как второе имя человека не в реальной жизни, а в сетевой коммуникации. Материалом для исследования послужили непосредственно тексты компьютерно-опосредованного общения в Чатах, предполагающие использование ника для обозначения себя как участника коммуникации.

Анализ собранных ников (в количестве 750 шт) позволил их разделить на несколько групп:

I. Первая группа представлена официальными и неофициальными (производными) антропонимами. Данную группу можно разделить на несколько подгрупп: В первой подгруппе в качестве ника выбираются полные и официальные имена, например: Олег, Кирилл, Леонид, Владимир, Гульнара, Марина и др. Однако, если ник совпадает с конкретным именем, то он не является псевдонимом, а представляет собой реальное имя. Участники проведенного анкетирования отмечают, что к людям, называющим себя настоящими именами в компьютерной среде зачастую относятся как к несформировавшимся личностям (примерно такое же отношение к тем, кто выбирает уменьшительно-ласкательные имена и имена, включающие звездочки). Таким образом, в складывающихся этикетных нормах сетевой компьютерной коммуникации, использование реального имени участника коммуникации не всегда одобряется (пропадает оригинальность, интрига раскрытия истинного значения ника), например:

Iriana: *а почему имя такое?*

Bogdan: *отец украинец, тебе не нравится?*

Iriana: *нравится даже очень. Что-то оригинальное, а то расплодись прям Саши и Сережи всякие*

Bogdan: : -)

Именно поэтому, в условиях использования своего реального имени нередко появляется необходимость его графической или смысловой конкретизации, особенно тогда, когда имя является достаточно распространенным, например: *Максим 222, Annaaa, ssswetlana, Irina*

pretty, *Владимир мудрый* и др. Во второй подгруппе находятся имена, производные от полных, широко распространенные в традиционной русской антропонимике, представляющие собой нейтральные номинации: *Митя, Лиля, Костя, Аня* и др. В третьей подгруппе в качестве ника используются производные имена, образованные при помощи различных уменьшительно-ласкательных суффиксов (степень распространенности этих имен также достаточно велика): *Андрейка, Викуша, Глашечка, Стельчик, Катеринка, Мишаня, Ленусечка, Надюша* и др. В четвертую подгруппу мы отнесли такие ники, где производное имя ориентировано на европейскую традицию: *ALEX, tax, Anni, Edvard* и др. Иногда, причиной использования таких ников, является уже существующий ник на русском языке. В качестве сетевых имен могут также использоваться иноязычные имена: *Джейн, Джема, Ирен, Лео, Катарина*, и др. Однако, они, как правило, не соответствуют реальному имени участника сетевой коммуникации, например:

Bogdan: *Ну привет! Будем знакомиться?*

Igiana: *ну будем*

Bogdan: *тебя как я понимаю Ириана зовут*

Igiana: *нет*

Bogdan: *а как?*

Igiana: *Даша*

В пятой подгруппе участник компьютерно-опосредованной коммуникации выбирает в качестве ника фамилию или имя какого-нибудь исторического лица, писателя, артиста, певца, героев фильмов, с целью подчеркнуть идейную близость, желание походить на него, например: *Земфира, Достоевский, Шерлок, Челентано* и др. Некоторый вариант языковой игры обнаруживаем в таких никах, как: *Тимур Лан* и *Хэ Мин Гуэй* (при реальных именах: *Тамерлан* и *Хемингуэй*). В частности, носитель ника *Тимур Лан* объясняет свой выбор следующим образом: «*Я выбрал этот ник потому, что Тамерлан был известным военным начальником и управителем из монгольской династии. Хочу быть похожим на него и завоевать такой же авторитет*». Шестая подгруппа представлена новыми номинациями, полученными путем комбинации букв, слогов, знаменательных частей слов, реальных имен, отчеств и фамилий: *evm* (*Евгений Моисеенко*), *solo* (*Соловьев Игорь*), *Троф* (*Трофимов Владимир Олегович*) и др. Седьмая подгруппа включает ники, образованные на основе инициалов: *iks* (*Илюшин Кирилл Сергеевич*), *kdn* (*Киселев Дмитрий Николаевич*) и др.

II. **Вторая группа** включает имена, характеризующие участника сетевой коммуникации с физической стороны (эйдонимы, от греч. *eidōs* – наружность): *zubastik*, *Симпотяшка*, *блондиночка*, *posik* и др.

III. **Третья группа** представлена значительным рядом сетевых имен, указывающих на какую-либо черту в характере человека: *ПеССуМиСТКа*, *Языкатая*, *Тихая*, *Болтун*, *lovelaska*, *Мигерочка*, *АВАНТЮРИСТКА*, *Капризулька*, *psyhopat* и др. Зачастую, избранное автором имя, указывает либо на реальные черты характера, либо на желаемые. Как правило, указанные отрицательные черты отражают реальность, а положительные – желаемые качества.

IV. **В четвертую группу** входят имена, указывающие на местожительство или место рождения участника коммуникации (геонимы, от греч. *geo* – земля): *MoscowBOY*, *MOSKOWSKIY*, *Сибирячка*, *Путерский* и др.

V. **К пятой группе** относятся ники, указывающие на возможную профессию субъекта: *Докторша*, *MeDсестра*, *стриптизер*, *операторша*, *радистка* и др., хотя факт принадлежности к данной профессии участниками анкетирования и непосредственно общения в Чатах не всегда подтверждается:

Максим: Докторша: *что лечишь?*

Докторша: *ничего, ник просто так выбрала*

VI. **Шестую группу** составляют ники – названия животных (зоонимы). Следует отметить, что ряд слов, входящих в семантическую группу с общим значением животные, выступают в сугубо номинативной функции (*Кошка*, *Кенгуру*, *Кот*, *Заяц*, *Мышь*, *Лиса*), а другие традиционно выполняют в разговорной речи функцию оценочных вокативов (т.е. обращений): *Зайка*, *Кошечка*, *Киска*.

VII. **Седьмую группу** составляют сетевые имена, указывающие на состояние участника коммуникации: *Сонный*, *Злой*, *Веселая*, *Выспалась*, *домовенок (сегодня сонная)*. Такие ники вполне можно назвать никами на один день, поскольку добавочная информация, прибавляемая к нику меняется также часто как настроение человека.

VIII. **В восьмой группе** в качестве ников участники сетевой коммуникации выбирают имена сказочных героев (*СЕРЫЙ ВОЛК*, *КРАСНАЯ ШАПКА*, *Золушка*, *Leopold*, *Аладин*, *НеЗнайка* и др.).

IX. **Девятую группу** составляют ники, указывающие на предпочтения человека: *kofein_ka (т.е. любит кофе)*, *LuBiTel_dev (любителю девушек)* и др.

X. **Десятая группа** объединяет ники с сексуальным намеком: *Эрос*, *Кружевные трусики*, *23 см удовольствия*, *K@p@MeЛb вся*

покусана и др. Их можно подразделить на имена с ярко выраженной гротесковой коннотацией, нередко выраженной табуированной лексикой (*БЛЯндинка, СЕКС-Машина, SEXY BOY*) и на слова, коннотации которых являются более нейтральными (*Интересная девочка, Юная проказница*).

XI. Одиннадцатая группа ограничивается простым набором цифр и букв, которые не раскрывают реальную сетевую личность (криптони́мы): *a38, D2d, бу, вак, _9829* и др. Чем вызвана данная буквенно-цифровая комбинация, участники коммуникации не раскрывают. Можно только предположить, что за данными цифрами скрываются возраст, любимые числа и т.д.

XII. Двенадцатая группа представлена никами, возникшими на основе прозвищ и кличек: *Синий* (Синькин Алексей Сергеевич), *Мудрый* (Мудров Сергей Юрьевич), *Цветок* (Цветков Олег), *Глядыч* (Ненаглядов Сергей). Данная группа в той или иной степени мотивирована официальными именами, в то время как в следующих примерах виртуальные имена ассоциируются, например, с внешними данными участников коммуникации. Так, в процессе анкетирования мы выяснили, что ник *Щелкун*, возник на основе школьной клички, связанной с особенностями передних зубов данного конкретного человека. Выбор ника на основе прозвища или клички в нашем материале представлен подавляющим большинством случаев.

XIII. В тринадцатой группе останавливают на себе внимание наименования, определенные элементы смысла которых обладают конкретной мотивировкой: *Киллерша, Разрушитель, ~kara~, зло, WaR, Killerman*. Так, ответивший на вопросы нашей анкеты носитель ника *Killerman* (Александр, программист 24 года) рассказал о себе следующее: «Я выбрал ник *killerman* потому, что так злое. Я по жизни слишком тихий и добрый. Все меня захвалили: «Хороший, хороший!» Так хочется дать в зубы. Иду я в Чат под именем *killerman* и сразу ясно, человек войны хочет».

XIV. В четырнадцатой группе выбор сетевого имени обуславливается тематикой общения. Например, в автомобильном форуме активно используются ники связанные с автомобильной тематикой: *SUBARIK, Субару, Mustang, Celica, Sky* (машина *Nissan Skyline*); в русском чате о Гарри Поттере (*potterrus.ru*) можно встретить героев этого произведения: *Гермиона, Рон, Гарри* и др. Поскольку в кинофильме ограниченное количество центральных героев, а участники компьютерной коммуникации составляют большую аудиторию, по-

является несколько претендентов на одну и ту же роль (*ГЕРМИ, Germina, Hermy, Germionka, germiona, Germi, Hermiona, Hermione*).

XV. В пятнадцатую группу нами включены ники всецело мотивированные вероятно максимальным стремлением к оригинальности: *Десант в окопе, Смех и слезы, Вирусов букет, В трусах и каске, П@хал М@хал Исеял, Калинка малинка, Мастер ламастер* и др. В данной группе значительно чаще, чем в других, можно обнаружить разные проявления игры слов: *Козе Байан, Застегнутый Врасплох, Виртрезвитель, Самородина, Искусательница* и др. Анализ практического материала показал, что ник, достаточно часто провоцирует начало вступления в контакт с собеседником. Например:

[*Allein Wolf*] [*TAMERLAN*] *Это который злой, хромой, из древней истории?*

[*Пэк*] [*Чудо*] *Чудо пришло! : -) Что чудесного в жизни?*

[*SAN*] [*лисенок*] *А ты пушистая?????*

Фактически во всех случаях первый вопрос обусловлен особенностями ника участника сетевой компьютерной коммуникации. Мы полагаем, что избранный ник может моделировать речевое поведение его носителя. Например, пользователь с ником «*Плохая девчонка*» соответствует своему имени в сети: использует в речи вульгарные слова и сниженную лексику. В свою очередь, пользователь с ником *Кот*, подобно настоящему животному не участвует вербально в коммуникации, а моделирует свое невербальное поведение: * *Кот мирно дремлет*. Возможно данный ник был выбран с целью дистанцироваться от других участников общения и свободно наблюдать (созерцать) за общением. Участники сетевой коммуникации ограничиваются не только тем, что выбирают ник, но и создают и вымышленный облик его носителя, со своим характером, внешностью и даже биографией. Любой ник, если к нему присоединяется «легенда», т.е. придуманное жизнеописание или указываются иные, чем у настоящего человека пол или профессия, становятся сетевой маской. Сетевые маски могут персонифицировать как положительный, так и отрицательный тип. В качестве последнего можно привести пример пользователя с ником РАЗРУШИТЕЛЬ. Для данного персонажа характерно агрессивное поведение, направленное на получение ответной реакции участников сетевой компьютерной коммуникации:

Разрушитель: А я вам морду набью

Разрушитель: ХОЧА драться

Реакция на подобную агрессию может быть разной: нейтральной («*хоти дальше*»), агрессивной («*Вали отсюда со своим негативом*»),

даже позитивно-умиротворяющей («Возлюби ближнего своего»). Выбор данного ника может быть обусловлен стремлением привлечь внимание к своей персоне.

Итак, в сетевой компьютерной коммуникации сформировалась определенная культура самоназвания. Его участники самостоятельно придумывают себе сетевые имена (ники), выполняющие роль первичного коммуникативного представления собеседников. Созданные ники выполняют ряд функций: 1) индивидуализирующую (имя должно быть уникальным, отличаться от других); 2) фатическую функцию (данная функция играет большое значение, поскольку предпочтения для завязывания контакта в сетевом пространстве делаются главным образом на основе имен собеседников; 3) функция привлечения внимания (имя должно быть броским, экспрессивным). С семантической стороны ники можно поделить два типа: 1) характеризующие автора с той или иной стороны, 2) не ставящие себе такую задачу. Различаются сетевые имена, представленные истинными, реальными именами и не связанные с ними. В сетевых именах первого типа ник совпадает с реальным именем. Ники второго типа весьма разнообразны, они различаются по функциональному значению: одни из них характеризуют коммуниканта с той или иной стороны; другие представляют его не таким, каков он на самом деле (маски); третьи ставят своей задачей лишь обеспечить инкогнито.

Список литературы

1. Антропонимика. Сб. ст. / под ред. В.А.Никонова, М. : Наука, 1970. 360 с.
2. Введенская Л.А. От собственных имен к нарицательным. М. : Просвещение, 1989. 160 с.
3. Горбаневский М. Иван да Марья. Рассказы о русских именах, отчествах, фамилиях, прозвищах, псевдонимах. М. : Рус. яз., 1988. 262 с.
4. Дмитриев В. Г. Скрывшие свое имя.», М. : Наука, 1977. 310 с.
5. Королева И. А. Из истории термина прозвище // Русская речь. 2002. №3. С.93–96.

List of literature

1. Antroponimika. Sb. st. / pod red. V.A.Nikonova, M. : Nauka, 1970. 360 s.
2. Vvedenskaya L.A. Ot sobstvennyh imen k naritsatel'nyh. M. : Prosveschenie, 1989. 160 s.
3. Gorbanevskiy M. Ivan da Mar'ya. Rasskazy o russkih imenah, otchestvah, familiyah, prozvischah, psevdonimah. M. : Rus. yaz., 1988. 262 s.
4. Dmitriev V. G. Skryvshie svoe imya.», M. : Nauka, 1977. 310 s.
5. Koroleva I. A. Iz istorii termina prozvische // Russkaya rech'. 2002. №3. S.93–96.

6. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М. : Наука, 1973. 120 с.
7. Суперанская А. В. Имя через века и страны. М : Наука, 1973. 188 с.
8. Суперанская А. В. О русских именах. СПб. : Лениздат, 1991. 220 с.
9. Успенский Л. Слово о словах. Ты и твое имя. СПб. : Лениздат, 1962. 190 с.
10. Флоренский П. Архив священника Павла Флоренского. Имена. ТОО «Купина», 1993. 130 с.
11. Хигир Б. Ю. Тайна имени. М. РИПОЛ, 1997. 2000 с.
6. Superanskaya A. V. Obschaya teoriya imeni sobstvennogo. M. : Nauka, 1973. 120 s.
7. Superanskaya A. V. Imya cherez veka i strany. M : Nauka, 1973. 188 s.
8. Superanskaya A. V. O russkih imenah. SPb. : Lenizdat, 1991. 220 s.
9. Uspenskiy L. Slovo o slovah. Ty i tvoe imya. SPb. : Lenizdat, 1962. 190 s.
10. Florenskiy P. Arhiv svyaschenika Pavla Florenskogo. Imena. TОО «Kupina», 1993. 130 s.
11. Higor B. Yu. Tayna imeni. M. RIPOL, 1997. 2000 s.

ПРАВИЛА НАПИСАНИЯ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

Н. В. Денисенко

Статья несет в себе информацию о принципах создания текста рекламы. Содержание данной работы представляет собой совокупность основных аспектов грамотного написания рекламного текста, от которого зависит востребованность предлагаемого продукта на потребительском рынке.

Ключевые слова: потребитель, продукт, преимущество, недостаток, конкурент.

Главная задача рекламного текста - пробудить интерес потребителя, вызвать доверие, разбудить желание и часто даже побудить к действию, т.е. заставить приобрести рекламируемый товар. Существуют некоторые ориентиры для написания основного текста печатной рекламы:

- Не нужно начинать писать текст, пока нет заголовка и ведущей концепции рекламного объявления.
- Необходимо писать текст рекламы в настоящем времени и действительном залоге. Это придает ему динамичный характер, соотносит с настоящим моментом и призывает к принятию решения о необходимости покупки и совершению этого действия.
- Необходимо использовать в тексте рекламного объявления личные местоимения “вы”, “вам”, таким образом, как бы лично обращаясь к конкретному лицу, читающему данную рекламу.
- Писать следует от первого лица, не начиная со слов: “Этот продукт был изготовлен с целью предложения вашим детям...”, лучше начать так: “Мы создали этот продукт специально для ваших детей...”. [1. С. 40]
- Не нужно забывать, что основной текст должен, прежде всего, сообщать о преимуществах продукта. И здесь же следует учитывать новизну и уникальные свойства вашего продукта, а также насыщенность рынка аналогичными товарами, т. е. никогда не следует забывать о конкурентах и о том, как они рекламируют свой товар.
- В тексте должно содержаться решение проблемы потенциального покупателя. Необходимо помнить, что у каждого человека

существуют проблемы. Задача рекламного текста - внушить это ему, а потом предложить легкий выход в виде приобретения товара или услуги. Даже если явной проблемы нет, все равно нужно намекнуть о возможности ее возникновения или показать радужные перспективы улучшения морального, материального, духовного состояния человека от приобретения так необходимого ему предмета. К примеру, нужно прорекламировать футболку. Но футболки есть у всех и мало кого они интересуют. Зато все хотят ходить в футболке престижной модели, популярной, модной. Поэтому следует показать, что, например, в США только в таких футболках и ходят, и скоро будут ходить и у нас. А еще ее можно редко стирать, не гладить и носить так несколько лет.

- Объем информации, которую необходимо поместить в основной текст, зависит, прежде всего, от вида рекламируемого продукта. Общее правило в отношении длины текста гласит: чем дороже продукт, тем длиннее текст.

Итак, рекламный текст должен быть: конкретным и целенаправленным, в рекламе не допускается любая отвлеченность; доказательным, логично построенным и доходчивым; т.е. он не должен содержать слова, не несущие смысловой нагрузки; оригинальным, неповторимым, интересным, занимательным, остроумным. Ошибки и недостатки в рекламе снижают ее информативность и действенность, мешают восприятию, вызывают отрицательную реакцию читателей. Например: грамматические ошибки: в газете «Аргументы и Факты» в одном номере на первой странице помещено два объявления, в которых множественная форма слова трактор употребляется как «тракторы», в других - как «трактора». Примером лексических ошибок является: «настоящая итальянская плитка, сделанная в России» (сочетание несочетаемых слов «настоящая итальянская» и «из России») и т.д.

Примером антилогик являются следующие рекламные объявления, построенные с помощью лексических и грамматических ошибок. Например, Окна – это лицо вашего дома! Если окна лицо, то сколько у дома лиц? [2. С. 38]

В рекламных роликах часто допускаются речевые и фактические ошибки, например, Леонид Куравлев, рекламируя циркониевый браслет, уверяет, что у него «давления теперь - никакого». По утверждению же врачей, если у человека нет никакого артериального давления, значит он мертв. Каким же образом Леонид Куравлев уверяет, что у него нет никакого давления?

Часто данные ошибки допускаются намеренно, с целью привлечения, таким образом, внимания покупателя к товару, но где уверенность, что именно они не повлекут за собой массовые болезни языка, и не будут влиять на речевой облик общества.

Содержательная структура рекламного текста предполагает наличие трех основных компонентов: информативного, оценочного и прагматического. Информативный компонент опирается на значение бытийности, наличия, он является обязательным. Оценочный компонент - необходимый элемент хорошей рекламы. Его отсутствие возможно при сокращении объема рекламы или уверенности в наличии того или иного числа адресатов. Большая часть современных реклам не обходится без аксиологического элемента - оценочной лексики, фразеологии, вторичной номинации. Например: *Отдых на Красном море в Египте! И, конечно, с «Москва-Тур»! Все, чем славится Египет, для вас: седые пирамиды, загадочный сфинкс, ласковое солнце, золотые пляжи, фантастический подводный мир. «Москва - Тур» обеспечит вам комфортабельный перелет и удобный номер прямо на побережье. Цена поездки от 200 долларов. Звоните.* [3. С. 45] В данном примере мы наблюдаем целый ряд оценочных характеристик. При этом выступают имена прилагательные в переносных значениях, создающие общую, весьма привлекательную картину.

Необходимо помнить о том, что люди избалованы рекламой, и произвести впечатление на них становится всё труднее. Однако, если всё-таки получится написать хороший рекламный текст, прибыль не заставит себя ждать.

Список литературы

1. Имшеницкая И. Мастерская рекламы. Пермь, 2000
2. Пенькова Е. Чем привлечь внимание // Журналист, 1992.
3. Рекламный текст как форма презентации и средство моделирования языковой картины мира: семиотический аспект // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. Архангельск, 2005.

List of literature

1. Imshenitskaya I. Masterskaya reklamy. Perm', 2000
2. Pen'kova E. Chem privlech' vni-manie // Zhurnalist, 1992.
3. Reklamnyj tekst kak forma prezentatsii i sredstvo modelirovaniya yazykovoy kar-tiny mira: semioticheskiy aspekt // Problemy kontseptualizatsii deystvitel'nosti i mo-delirovaniya yazykovoy kartiny mira. Arhangel'sk, 2005.

**ДВОЙСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ЗООНИМА
В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ**

О. П. Каналаш

В статье рассматриваются вопросы о наименовании устойчивых сочетаний с именем животного, которые заслуживают особого внимания, потому что, подчиняясь законам языка, они образуют специфическую подсистему, внутри которой возникают свои закономерности, требующие специального описания.

Ключевые слова: лингвокультурология, зооним, зооморфизм, лексема, семантика

Для лингвокультурологических изысканий весьма актуальным представляется анализ устойчивых сочетаний, в составе которых имеются зоонимы. Человек, являясь неотъемлемой частью животного мира, с тех пор как он появился на свет, теснейшим образом взаимодействует с окружающей его фауной.

Уступая животным в силе, ловкости и скорости, человек мог выжить только за счет своего интеллектуального преимущества. Ему необходимо было не только самому знать повадки диких животных, но и передавать эти знания последующим поколениям, поэтому лексические единицы, являющиеся названиями представителей фауны, относятся к одним из самых древних и распространенных, и, следовательно, именно в них более всего отражаются воззрения, традиции, обычаи того или иного народа. Зоонимы являются особыми единицами дискурса и относятся к числу тех его составляющих, национально-культурная обусловленность семантики которых выражена особенно ярко.

Изучение научной литературы показывает, что, несмотря на распространенность и определенную универсальность зоонимической лексики, характеризующей человека, исследования в этой области нередко носят частный и ограниченный характер. Сопоставительное исследование зоонимов, употребляемых в переносном значении и в составе устойчивых сочетаний, представляет несомненный научный интерес - прежде всего для описания национальной языковой картины мира, поскольку любое сравнение языков приводит в результате

к установлению трех основных свойств: всеобщих, сходных и отличительных. Как справедливо писал В.фон Гумбольдт, нельзя «... в достаточной мере познать характер одной нации, не изучив одновременно и другие, находящиеся с нею в тесной связи, контрастные отличия которых, с одной стороны, собственно и сформировали этот характер, а с другой стороны, единственно и позволяют полностью его понять...» [1.С.58]

Следует отметить, что зоонимы, используемые для характеристики человека, не раз становились предметом специального исследования. Так, только в последние годы появились работы В.Д.Девкина, В.И.Жельвиса, Н.А.Илюхиной, Э.А.Кацитадзе, А.А.Киприяновой, В.В.Морковкина, Ц.Ц.Огдоновой, и др., в которых специально рассматривается этот пласт лексики.

До настоящего времени у исследователей нет единства мнений по поводу используемой терминологии. Р.Барт говорит о знаках, которые принадлежат сразу двум семиологическим системам: «Знак (т.е. результат ассоциации концепта и акустического образа) первой системы становится всего лишь означающим во второй системе». О.В.Пестова называет такие единицы словами с символическим значением, понимая под последним «тип конвенционально обусловленного значения, образовавшегося на основе механизмов метафоризации и метонимизации, в котором наименование конкретного предмета выступает в качестве означающего для абстрактного значения».

Наиболее употребительным среди известных в литературе является термин «зооним». Отдельные ученые употребляют его, имея в виду слово, обозначающее животное, живое существо, относящееся к животному миру. Другие считают, что вряд ли можно применять для наименования животных данный термин, так как его логичнее оставить для кличек животных: Барбос, Бобик, Мурка и под., которые по своей основной вокативной функции близки к личным именам и прозвищам людей.

В.В.Морковкин полагает, что термин «зооним» является не вполне удачным: помимо неоднозначности, у него есть и другой недостаток. Присвоение некоторому слову квалификации «зооним», согласно позиции этого лингвиста, заслоняет то обстоятельство, что данное слово, наряду с собственно анимальным значением, может соотноситься и с денотатами, которые животными не являются. Кроме того, зооним может выступать в качестве исходного лексико-семантического варианта многозначного слова, а может быть одним

из производных лексико-семантических вариантов такого слова. Именно по этой причине В.В. Морковкин предлагает такие термины, как «зоолексема» и «зоонимосодержащая» лексема.[2.С.103] Зоолексемой он называет лексическую единицу, которая в исходном значении выступает в качестве названия определенного животного (напр. слон). При этом, считает ученый, если в толковых словарях зоолексема фигурирует как однозначное слово, то она одновременно является и зоонимом (напр, снегирь). Если же зоонимом является не исходный, а один из производных лексико-семантических вариантов слова, то такую единицу можно называть зоонимосодержащей лексемой (ср., мухоловка- 'небольшая птица') .

Существуют и иные подходы к исследованию наименований животных. Их рассматривают и с позиций структурных, словообразовательных, и с позиций лингвокультурологических.

По мнению Ц.Ц.Огдоновой, мышление человека склонно отражать мир антропоморфно или зооморфно. Результаты этого отражения и фиксируются многими лексическими единицами, среди которых выделяются особого рода слова, которые она называет зооморфизмами, или зоохарактеристиками. Зооморфизмы (зоохарактеристики) основываются на реальных (объективных) или мнимых (субъективных) качествах животных, которые приписываются им фантазией и творческим мышлением народа. Эти зафиксированные в переносно-содержательной структуре лексических единиц признаки являются «семантической мотивированностью» (внутренней формой). Зооморфизмы могут характеризовать человека через коннотативные значения. Так, коннотативные содержания характеристик медведь, слон выделяют семы 'неуклюжий', 'большой' и 'мужчина', а курица, овца - 'глупость' и 'женщина'. [3.С.8] Но в некоторых случаях идентифицирующие семы могут гаситься, а актуализироваться характеризующие семы: лиса характеризует хитрого, льстивого человека независимо от возраста и пола.

Огдонова Ц.Ц. выделяет:

а) окказиональные зоохарактеристики, где может быть употреблено любое наименование животного, его стиливое содержание детерминируется контекстом, который индуцирует определенные смыслы, слово приобретает тот или иной метафорический смысл (умного, доброго, ласкового человека можно назвать собакой);

б) устойчивые зоохарактеристики, за которыми в сознании закреплены устойчивые метафоры, многие из них стали символами

определенных человеческих качеств: волк”, лиса, медведь, слон, заяц, осел и др. Устойчивые зоохарактеристики вступают в широкую словообразовательную сеть, регулируя семантику производных прилагательных, наречий, глаголов.

Л.А.Киприянова предлагает свой термин - «зоосемизм». Зоосемия, по ее мнению, -это родовидовая сверхобщность, в которой ощущим приоритет переносного значения входящих в нее лексем. Большинство единиц в прямом значении номенклатурны, тяготеют к сфере терминологии. Этим обусловлена ограниченность их употребления в обычной речи; в переносном же значении, получая заряд эмоциональности и образности, они становятся широко употребительными как в повседневном общении людей, так и в литературе, придавая языку идиоматичность.

Большинство ученых приходят к мнению, что наиболее удобным при выявлении этнокультурной специфики зоонимической лексики, характеризующей человека, является традиционный термин «зооним», понимаемый как лексико-семантический вариант слова, выступающий в качестве родового названия животного, и как метафоричное именование при анализе лексики с точки зрения эмоционально- оценочной- характеристики человека, эталонным носителем которого для языкового сознания людей выступает определенный представитель фауны.

Список литературы

1. Головин Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах. М., Высш. шк., 1987
2. Омарбекова А.К. Когнитивно- семантические и лингвокультурологические особенности антропонимических фразологизмов. Алматы, 2006
3. Вестник КазНУ, Серия Филологии, Алматы, 2005

List of literature

1. Golovin B. N. Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminah. M., Vyssh. shk., 1987
2. Omarbekova A.K. Kognitivno- semanticheskie i lingvokul'turologicheskie oso-bennosti antroponimicheskikh frazologizmov. Almaty, 2006
3. Vestnik KazNU, Seriya Filologii, Almaty, 2005

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ЕДИНИЦАМИ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ ЯЗЫКА

И. В. Кременецкая

Статья затрагивает некоторые проблемы модальности. В центре внимания способы выражения модальных значений единицами разных уровней языка. Автор подчеркивает актуальность исследования модальных значений с целью построения парадигматических моделей двусторонних языковых единиц, имеющих план содержания и план выражения. Владение этими моделями позволит более полно выражать мысли, чувства, отношение к окружающей действительности в процессе обмена информацией.

Ключевые слова: парадигма, модальность, лингвистическая единица, уровень языка

Владение иностранным языком стало в настоящее время обязательным компонентом профессиональной деятельности специалиста. Более того, от способности осуществлять коммуникацию на иностранном языке часто зависит результат этой деятельности. Коммуникация – это процесс обмена информацией, мыслями об окружающей действительности, переживаниями и психологическое воздействие партнеров друг на друга.

Лингвистической категорией, выражающей отношение говорящего к действительности, основанное на его субъективных эмоциональных намерениях (предположение, желание, сомнение, негодование и т.д.), отношение сообщаемого к объективной действительности, является категория модальности. Можно сказать, что модальность определяет одну из основных целей языка, а именно выражать мысли и чувства человека посредством речи. Таким образом, модальность является лингвистическим регулятором коммуникации, определяющим выбор языковых средств, форм для выражения нашего отношения к окружающему миру. Владение многообразными способами передачи модальности делает речь богаче, помогает точнее передать различные оттенки мыслей, чувств, настроений, переживаний и т.д.

Как многосторонняя языковая система модальность подчиняется общеязыковым законам. Моделей, соотносящихся с одним и тем

же фрагментом действительности, может быть множество, причем, каждое из модальных значений реализуется единицами, относящимися к разным уровням языка – фонетическому, лексическому и грамматическому.

Рассмотрим грамматические (морфологические и синтаксические), лексические и лексико-грамматические способы реализации модальных значений на примере модального значения «желание».

Морфологический способ характеризуется тем, что значение модальности выражается грамматическими формами слов – синтетическими или аналитическими.

Морфологические формы

В некоторых языках имеется желательное наклонение, т.е. особая форма глагола, выражающая желание. В английском языке, по мнению большинства лингвистов, желательного наклонения нет. В нескольких устойчивых выражениях старого типа пожелания выражаются синтетической формой глагола в сослагательном наклонении (Present Subjunctive).

1) Long live our country! *Да здравствует наша Родина!* God bless you! *Благослови вас Боже!*

2) В разговорном стиле пожелания часто выражаются при помощи глагола в повелительном наклонении.

Have a good time! *Желаю тебе хорошо провести время!* Enjoy yourself! *Развлекайся, отдыхай!*

3) Желание может быть выражено также аналитическими формами сослагательного наклонения.

He would join you. Он бы присоединился к вам. (Он хочет к вам присоединиться). I would buy it if I had the money. *Я бы купил это, если бы у меня были деньги (сейчас).* I would have bought it if I had had the money. *Я бы купил это, если бы у меня были деньги (тогда).*

Синтаксические формы

Значение «желание» может реализовываться синтаксическими конструкциями. Так эквивалентом морфологической формы (1) Present Subjunctive является сочетание глагола **may** с **инфинитивом**, которое обладает более высокой частотностью употребления по сравнению с морфологической формой.

1) May God bless you! *Благослови вас Боже!*

В качестве эквивалента морфологических форм повелительного наклонения (2) модального значения «желание» также употребляются сочетания глагола **may** с **инфинитивом**, что придает высказыванию более официальный тон.

2) May you have a good time! *Желаю вам хорошо провести время!*
May you enjoy yourself. *Желаю вам хорошо развлечься.*

Вопросительные предложения, содержащие осведомление о чужой воле обычно начинаются с shall с местоимениями первого лица. С остальными лицами употребляется обороты Do you want me to и would you like me to.

3) Shall I thread the needle for you? *Вдеть вам нитку в иголку?*
Shall we carry the box into the house? *Отнести этот ящик в дом?*
Would you like me to go out?

Вы хотите, чтобы я вышел?

Лексические формы

Модальное значение «желание» может выражаться с помощью глаголов с соответствующим ядерным компонентом в своей семантической структуре. Это **такие глаголы, как want, expect, desire, request, wish, agree** и другие. He wants to go to the Crimea. *Он хочет поехать в Крым.* То есть модальное значение в данном случае совпадает со значением лексических единиц. Глаголы с модальной семантикой, такие как **want, expect, desire, request, wish, agree** часто употребляются в особых синтаксических структурах, что, по-видимому, свидетельствует об их особой роли в языке и объединяет их в отдельную структурно-семантическую группу. Употребляясь в разных синтаксических конструкциях, эти глаголы реализуют различные оттенки желания и представляют лексико-грамматические формы модальности.

Лексико-грамматические формы

Лексико-грамматические способы выражения «желание» характеризуются тем, что в ее реализации участвуют и грамматические формы языковых единиц, и их лексические значения.

1) Where do you want (wish) me to go? *Куда вы хотите, чтобы я пошел?* I want them to go to the smoking compartment. *Я хочу, чтобы они пошли в вагон для курящих.* В данном случае значение «желание» реализуется с помощью семантического содержания глагола want и инфинитивной конструкции Complex Object.

2) После глагола wish может употребляться придаточное предложение, причем союз that почти всегда опускается. I wish I knew how to do it. *Как жаль, что я не знаю, как это делается.* I wish I had known how to do it. *Как жаль, что я не знал, как это делается.*

Как видно из примеров, в подобных предложениях выражается не столько желание, сколько сожаление о том, что не происходит,

или не произошло вопреки стремлениям говорящего. Глаголы, обозначающие неосуществленные действия, употребляются в сослагательном наклонении. Past Subjunctive – когда речь идет о настоящем или будущем, Past Perfect Subjunctive – когда речь идет о прошлом.

3) Глагол *wish* употребляется также с предлогом *for*. Словосочетание *wish for* значит испытывать или выражать неосуществимое желание. Поэтому, придя в магазин нельзя сказать *I wish for a fountain pen*. *Я хотел бы иметь авторучку*. *Wish for* употребляется обычно, когда осуществление желания зависит от случая или представляется невероятным. “What do you wish for?” said the genie to Aladdin. «*Чего бы ты хотел?*» - спросил джин у Алладина.

The weather was all that one could wish for. *О такой погоде можно было только мечтать.*

Таким образом, как показал анализ контекстов, содержащих различные способы выражения модального значения «желание», ее парадигма представлена в английском языке сложной системой форм и оттенков значения «желание». Эти формы реализуются на морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях.

В данной работе рассмотрены наиболее частотные формы модального значения «желание». Необходимо отметить, что невозможно дать полную и исчерпывающую классификацию всех способов, выражающих каждый подтип категории модальности, т.е. нельзя определить точное количество форм и значений в данный конкретный момент. Во-первых, потому, что социальная сфера постоянно развивается. Эти перемены не могут не затронуть самого человека как члена социума. Во-вторых, потому что общей тенденцией для всех языков, очевидно, следует признать постоянное усложнение языкового знака, в частности такого, как высказывание, что отражает социально-психологическое усложнение языковой личности.

Как и в развитии человеческого самосознания, в развитии категории модальности наблюдается постоянное нарастание субъективного компонента, стремление к возможно более точной и тонкой субъективной подаче объективного материала, что сопровождается обогащением языкового знака. В связи с этим следует отметить актуальность дальнейшего изучения различных языковых единиц с модальными значениями с целью их систематизации и составления парадигматических моделей, обладающих планом выражения и планом содержания.

**КОНТАМИНИРОВАННОЕ СЛОВО
И КОМПЛЕКСНОЕ СОКРАЩЕНИЕ**

Н. А. Лаврова

Статья посвящена анализу сходных черт и различий контаминированного слова и комплексного сокращения. Для этой цели автор предлагает шесть критериев, позволяющих продемонстрировать, что контаминация представляет собой дискретную, независимую словообразовательную модель. Являясь вариантами сокращения нескольких слов до одной языковой или речевой единицы, контаминант и комплексное сокращение обнаруживают существенные отличия.

Ключевые слова: контаминация, комплексное сокращение, квазиморф.

Контаминация представляет собой модель словообразования, обладающую значительным потенциалом в плане выражения различных интенций говорящего, главной из которых является установка на экспрессию посредством окказионального словотворчества. При всем многообразии структурно-семантических моделей контаминированных слов все контаминанты должны удовлетворять как минимум одному из следующих требований, предъявляемых к структуре контаминанта, а именно: 1) слияние инициальной части первого слова с финальной частью второго слова (“heliport” – helicopter + airport, “compfusion” – computer + confusion); 2) слияние двух слов при наложении финальной части первого слова на инициальную часть второго (так называемое явление гаплогонии – выпадение, или сокращение до одной общих частей мотивирующих слов-основ, например “palimony” – pal + alimony: a benefit awarded to one of the partners in a romantic relationship after the breakup of that relationship following a long period of living together unmarried); 3) вставка начальной, средней или конечной части одного слово в центр другого (“twingle” – tingle + twitch: a sensation of slight prickles, stings or tremors, as from cold, a sharp blow, or from excitement). В случае комплексных сокращений сливаются усеченные начальные части слов и отсутствует наложение элементов слов друг на друга, то есть их структура не отличается вариативностью. Необходимо отметить, что когда мы говорим о «части»

слова-основы, мы подразумеваем не морфему, то есть минимальную значимую структурную единицу слова, обладающую более (в случае корней) или менее (в случае аффиксальных морфем) обобщенным лексическим значением, но так называемый квазиморф – структурную единицу контаминанта, совпадающую или не совпадающую со слогом, не обладающую обобщенным лексическим значением и не участвующую в образовании новых слов. Очевидно, что основным отличием контаминации и сокращения является наличие как минимум двух слов-прототипов, которые усекаются и сливаются. В структуре сложного слова наличествуют две (в редких случаях три и более) полноценных, то есть не усеченных, корневых морфемы, при этом в зависимости от структурного типа сложного слова (простое, морфологическое или синтаксическое) возможно наличие соединительных элементов в виде гласных, согласных или служебных слов, принадлежащих к разным частям речи (предлоги, артикли, местоимения и т.д.). Выделение комплексных сокращений не представляет собой сложившуюся традицию в англистике. Как правило, такого рода слова относят либо к сложным, либо к контаминантам (по другой терминологии блендам, словам-портмоне), либо к акронимам. Так, Р. Стокуэлл и Д. Минкова (2001) приводят в качестве примера акронима слово “modem”, состоящее из начальных элементов слов “modulator-demodulator”. **Правомерность отнесения данного компьютерного термина к акронимам вызывает сомнения**, так как традиционно под акронимом понимают сложносокращенное слово, написанное прописными буквами, которое можно прочитать как слово по орфоэпическим законам определенного языка. Кроме того, акроним представляет собой стилистический вариант развернутого словосочетания, при этом наряду с акронимом это словосочетание также употребляется в речи, как правило письменной, официальной, поскольку использование сокращенного варианта слова может привести к двусмысленности. Слово “modem” практически полностью вытеснило развернутое словосочетание “modulator-demodulator”, которое употребляется крайне редко и представляет собой, скорее, вариант определения слова “modem”, которое можно найти, прежде всего, в этимологических словарях, а также в общелингвистических.

Стефан Т. Грис (2006) предлагает различать образования в результате стяжения квазиморфов, то есть контаминанты, и комплексные сокращения.

Отметим, что описательный термин «комплексные сокращения» не следует отождествлять с понятием «сложносокращенные слова», традиционно представленные аббревиатурами. Важным также оказывается тот факт, что в английском варианте термина «комплексные сокращения» С.Т. Грис использует слово “complex”, а не “compound” с целью показать, что между словосложением и комплексными сокращениями существует существенная разница. В качестве примеров комплексных сокращений в английском языке можно привести такие слова, как “sysadmin” (**system** + **administrator**), “regexp” (**regular** + **expression**), “gensym” (generated + symbol), “sysop” (system + operator), “agitprop” (**agitation** + **propaganda**), “modem” (**modulator** + **demodulator**). Другие важные различия между контаминантами и сложными сокращениями проходят по линии нескольких критериев:

1. Степень фонографического и семантического подобия слов-основ.
2. Характер связи между словами-основами.
3. Стилистическая маркированность.
4. Возникновение новой лексической единицы.
5. Степень узнаваемости слова.
6. Сфера употребления.

В соответствии с первым критерием контаминированные слова в целом обнаруживают большую степень фонографического и семантического подобия мотивирующих слов-основ: нередко в качестве прототипов выступают слова-синонимы, получившийся контаминант, таким образом, усиливает основную сему или основное денотативное значение, которые являются общими для слов-основ (“absotively” – absolutely + positively, “crocoator” – crocodile + alligator): “... the similarity of the source words of blends is consistently higher than that of complex clippings and randomly chosen word pairs. In fact, complex clippings are nearly perfectly in the middle between blends and randomly generated word pairs” [2. С. 552]. Рассматривая характер синтаксической связи между словами-основами, следует подчеркнуть, что в случае комплексных сокращений в большинстве случаев речь идет о подчинительном атрибутивно-препозитивном словосочетании, первым компонентом которого может выступать как прилагательное, так и существительное в атрибутивной функции. Контаминированные слова нередко восходят к сочинительному словосочетанию, компоненты которого находятся в равных с точки зрения синтаксиса и семантики отношениях. Следующий критерий (стилистическая маркирован-

ность) обнаруживает определенную общность между контаминантом и комплексным сокращением – и тот, и другой функционирует, прежде всего, в рамках разговорной речи и может иметь стилистическую помету *неформальный, жаргон, сленг*. С другой стороны, среди контаминированных встречаются термины, в то время как комплексные сокращения функционируют в основном в качестве профессионализмов. В соответствии с другим критерием – возникновение новой лексической единицы – можно констатировать, что в случае комплексных сокращений возникает стилистический вариант слова или выражения, к которым восходит это сокращение, иными словами, имеет место возникновение новой лексической единицы, которая, однако, является синонимом существующего в языке выражения, то есть, в сущности, не возникает нового понятия. Если речь идет о контаминанте, то возникает новая лексическая единица, которая а) как правило, не является синонимом прототипического выражения, б) обладает новым значением, не сводимым к значению слов-основ, в) обозначает новое понятие. Таким образом, контаминированное слово возникает не только как проявление механизма языковой экономии, но и с целью заполнения номинативных и экспрессивных лакун. Исходя из степени узнаваемости, можно сказать, что контаминированные слова, благодаря своей более или менее прозрачной внутренней форме, а также в связи с тем, что большинство из них сохраняют акцентно-слоговую структуру одного из слов-основ, распознаются носителями языка легче и быстрее. В отношении комплексных сокращений такого явления не наблюдается: в слове присутствуют сокращенные элементы прототипического словосочетания, акцентно-слоговая структура составляющих компонентов которого не сохраняется. С психолингвистической точки зрения сложность при декодировании структуры и, следовательно, семантики комплексных сокращений обусловлена тем, что при восприятии слова человек осознает его либо как нечленимое, либо как разложимое на мельчайшие элементы смысла, или морфемы, поэтому то обстоятельство, что структурные компоненты комплексных сокращений редуцируются до слога, а не морфемы и что впоследствии имеет место простое соположение этих слогов без какого-либо маркера границы между ними в виде дефиса, раздельного написания или графического индикатора, затрудняет опознавание слова, тем более что многие из таких слов в английском языке не являются узуальными и следовательно редко фиксируются словарными источниками. В отличие от английского языка, в русском языке многие комплекс-

ные сокращения являются узуальными, часто употребляются в речи носителей языка или выступают маркерами определенных культурных реалий и исторических процессов: *собес, продмаг, универмаг, универсам, сельпо, завхоз, колхоз, совхоз* и т.д.

Контаминированные слова отличает более широкая сфера распространения – разговорная, письменная (литературные окказионализмы), научная (формальная, терминология), неформальная (сленгизмы, профессионализмы) речь. В частности, в сфере бизнеса в последнее время часто употребляется слово “glocalization” (local + globalization), которое по своему характеру представляет собой терминоид, поскольку, во-первых, не является контекстуально независимым, во-вторых, носит разговорный характер, в-третьих, является оксюмороном по своей семантике: “Some companies offer exactly the same products all over the world. Theirs are global offerings. But we try to adapt our products to individual markets and local tastes. For example, some countries prefer sweeter flavours in ice cream. Marketers talk informally, about **glocalization**” [3. С. 62]. Широкое распространение контаминанты находят в области химии: “alkargen” (alkarsin + oxygen), “carbogundum” (carbon + cogundum). Комплексные сокращения распространены в сфере неформального общения и нередко представляют собой профессионализмы или жаргонизмы, вероятно, этим объясняется их не всегда прозрачная внутренняя форма, поскольку, как известно, основное назначение профессиональных слов и жаргонизмов – скрыть информацию от непосвященных. Большинство комплексных сокращений можно отнести к так называемым потенциальным словам, так как они создаются с целью более краткой, лаконичной, «экономной» номинации существующих реалий по продуктивным моделям сокращения и соположения сокращенных элементов. Авторские окказионализмы среди комплексных сокращений – явление редкое, и в этом смысле важным и ценным с лингвистической и литературоведческой точек зрения является произведение Дж. Оруэлла «1984», в котором комплексные сокращения и сложные слова не просто заполняют номинативные лакуны придуманного автором социально-политического устройства, но выступают в качестве сквозного стилистического приема, создающего неповторимый дух произведения. Вот некоторые примеры: artsem – artificial + insemination, recdep – Records Department, ficdep – Fiction Department, Ingsoc – *distorted* English + socialism. Интересно, что в приложении к роману, в котором подробно описываются принципы новояза (Newspeak), Дж. Оруэлл называет такого рода образования то

«словами-телескопами» [4. С. 320], то «аббревиатурами» [4. С. 321], то «сложными словами» [4. С. 321], то «сокращенными» [4. С. 321]. Не вдаваясь в тонкости лингвистической терминологии, автор дает однозначно отрицательную оценку словам, которые сегодня принято называть сложными сокращениями, а также ряду других словообразовательных и семантических языковых явлений, как-то: утрата словом многозначности, отсутствие грамматических исключений, использование эвфемизмов и т.д. В подтверждение своей мысли автор приводит многочисленные примеры комплексных сокращений, возникших в фашистской Германии, Советской России и ряде других государств с тоталитарным режимом. По мнению Дж. Оруэлла, основное назначение таких слов – исказить реальность (“to bend reality”), притуплять работу мысли, создавать автоматизм воспроизведения и восприятия: “The name of every organization, or body of people, or doctrine, or country, or institution, or public building was invariably cut down into the familiar shape... This was done not solely with the object of saving time:... it had been noticed that the tendency to use abbreviations of this kind was most marked in totalitarian countries and totalitarian organizations. Examples were such words as *Nazi, Gestapo, Comintern, Inprecor*... It was perceived that in thus abbreviating a name one narrowed and subtly altered its meaning, by cutting out most of the associations that would otherwise cling to it... The intention was to make speech... as nearly as possible independent of consciousness” [4. С. 320-321]. Приведенная цитата показывает, что, в принципе, автор не отрицает возможность использования аббревиатур и, в частности, комплексных сокращений с целью экономии времени (‘with the object of saving time’), однако, это не является их основным назначением. Можно спорить и не соглашаться с мнением Дж. Оруэлла, однако приводимые автором аргументы и цитируемые исторические факты свидетельствуют о том, что доля истины в этом, несомненно, есть. Подобного рода исследования, однако, выходят за рамки лингвистики и требуют привлечения данных других наук – психологии, социологии, политологии и т.д.

Подведем некоторые итоги. Контаминированное слово и комплексное сокращение представляют собой варианты сокращения нескольких слов до одной языковой или речевой единицы. Существенная разница, однако, заключается в том, что в контаминированном слове имеет место наложение элементов квазиморфов или слияние инициальной и финальной частей мотивирующих слов, чего не наблюдается в комплексном сокращении, которое представляет собой слияние

начальных слогов слов-основ. Отнесение контаминированных слов и комплексных сокращений к сложным словам не представляется правомерным, так как в сложном слове соединяются две (или более) морфемы, по крайней мере, одна из которых не является сокращённой. Основное функциональное различие в употреблении контаминантов и комплексных сокращений заключается в том, что последние нередко создаются и используются в целях политической пропаганды: “Portmanteau words can be expressive, witty, or poetic. Not so the words composed of truncated syllables, so characteristic of Soviet Russia or Nazi Germany, as for example *komsomol* or *kolkhoze* or the sinister war-time *Gestapo*: these are purely lexical creations which have achieved complete lexicalization. They seem to be popular in totalitarian regimes” [5. С. 42].

Список литературы

1. Exploring the Arts Foundation from electrica.com/.../portmanteau_...
2. Gries Stefan Th. Cognitive determinants of subtractive word formation: A corpus-based perspective // *Cognitive linguistics* 17-4, 2006. P. 535–558
3. Mascull B. *Business Vocabulary in Use (Advanced)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 132 p.
4. Orwell G. *Nineteen Eighty-Four*. London : Penguin Books, 2000. 326 p.
5. Stockwell R., Minkova D. *English Words: History and Structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 132 p.
6. Yaguello M. *Language Through the Looking Glass. Exploring Language and Linguistics*. New York: Oxford University Press, 1998. 174 p.

List of literature

1. Exploring the Arts Foundation from electrica.com/.../portmanteau_...
2. Gries Stefan Th. Cognitive determinants of subtractive word formation: A corpus-based perspective // *Cognitive linguistics* 17-4, 2006. P. 535–558
3. Mascull B. *Business Vocabulary in Use (Advanced)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 132 p.
4. Orwell G. *Nineteen Eighty-Four*. London : Penguin Books, 2000. 326 p.
5. Stockwell R., Minkova D. *English Words: History and Structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 132 p.
6. Yaguello M. *Language Through the Looking Glass. Exploring Language and Linguistics*. New York: Oxford University Press, 1998. 174 p.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ИДИОМ В ТЕКСТАХ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ

М. А. Маринин

В статье рассматривается взаимовлияние общеупотребительной и терминологической лексики английского языка в области вычислительной техники. Широкое распространение и многочисленные локализации математического обеспечения, однако, оставляют лингвистам возможность поиска наиболее приемлемого социокультурного решения при переводе оригинальных англоязычных источников.

Ключевые слова: глагольные идиомы, терминология, вычислительная техника, социолингвистика.

В области вычислительной техники (ВТ) последние десятилетия характеризуются качественными изменениями по всем аспектам её развития, в том числе лингвистическому. Одним из актуальных вопросов языкового развития является, на наш взгляд, взаимовлияние общеупотребительной и терминологической лексики. Примем за основу термины **phrasal verb, or idiomatic combination** [1] для британского варианта английского языка и **idiomatic expression** [2] — для американского. Их можно рассматривать как достаточно устойчивые глагольные сочетания или „глагольные идиомы“ **Verb + Preposition, Verb + Adverb, Verb + Adverb + Preposition**, „представляющие трудности в переводе и грамматике для изучающих английский язык“ [1].

Терминология по ВТ не возникла с появлением ВТ, а естественно заимствовалась, в основном, из английского языка, а с развитием ВТ так же естественно оказывала обратное влияние на общеупотребительную лексику. В статье [3] выделены коммерческий и производственно-философский аспекты языкового развития терминологии ВТ, например, коммерческое изменение слова из социокультурного обихода **MasterPiece = master switch piece = surge protector and noise filter с целью упрощения понимания конечным пользователем назначения устройства.**

Процесс проникновения общеупотребительных глагольных идиом в лексику по ВТ, благодаря которому облегчается понимание текстов по ВТ неподготовленными пользователями и происходит обо-

гащение словарного состава терминологического языка, насыщение его богатыми эмоционально-экспрессивными оттенками, заслуживает отдельного внимания.

Мы можем наблюдать этот процесс в справочной литературе общего назначения или в математическом обеспечении, ориентированном на массового пользователя и выполнение типовых профессиональных задач, т. е. системном математическом обеспечении и распространённых приложениях для обработки текстов, таблиц и графического материала.

Например, для профессионального прикладного математического обеспечения по обработке табличных данных **Microsoft Excel** характерно чередование основного смыслового глагола *to calculate* и глагольной идиомы с неофициальным оттенком **to figure out**, характерной для американского варианта. Глагол (с редукцией до “*calc*”) присутствует в меню и диалоговых окнах программы, а идиома — в справочной документации. Мы считаем, что подобное чередование обуславливается стремлением разработчиков привести стиль документации к живому, неформальному стилю общения, диалога. В материале руководства по эксплуатации пользователю задают вполне „серьёзный“ вопрос в контексте примера по расчёту прибыли и окупаемости затрат на продукцию: *How long did it take you to figure out the cost of the new product?*

В математическом обеспечении по обработке графических данных **Adobe Illustrator for Macintosh** находим характерную глагольную идиому — *(to) colour in* — уже в качестве пункта меню. — *Ср. The children coloured in the picture* [1]. Однако приложение предназначено для взрослого профессионала, и наличие общеупотребительных сочетаний делает работу с ним не слишком серьёзной и утомительной.

Глагольная идиома *to back up*, достаточно широко применяемая и текстах по ВТ, более приемлема, нежели *to support smb or sth*, особенно в руководствах по эксплуатации аппаратуры, обеспечивающей бесперебойную поддержку работы ВТ при возможном отключении электроэнергии. — *Ср. Most members were against Mr. Jones, who would have lost his position if you hadn't backed him up* [1]. — *The best way to back up your computer and increase workgroup productivity is using an uninterrupted power supply unit* [4]. Оттенок значения, приобретённого глагольной идиомой в текстах по ВТ, — *to reserve* — вернулся в общеупотребительную лексику американского варианта

английского языка в значении to block (*usu. of liquid*). — *Ср.* The flood water from the storm backed up the pipes for the dirty water [2]. — Before beginning, you should use the DOS DISKCOPY command to back up all the Tutorial disks [5].

В построенных соответственно строгим типовым требованиям к разработчикам руководства по эксплуатации и математическому обеспечению, как и для собственно компьютеров семейства Macintosh, ориентированных, в основном, на учебные заведения или издательскую деятельность, достаточно часто встречаются общепотребительные глагольные идиомы, разъясняющие пользователю приёмы и навыки работы. Единая стилистика документации и интерфейса, выработанная фирмой Apple, **позволила и другим разработчикам** приблизить массового пользователя к ВТ. Глагольная идиома to clean up объединила здесь значения британского (to clean something such as a room thoroughly) и американского (to arrange thoroughly and completely) вариантов [1, 2]. Таким образом, на рабочем столе Макинтоша (Macintosh Desktop) появился пункт меню Special / Clean Up Desktop с пояснением встроенной справочной системы — “neatly arranges the items on the desktop.” В меню File заслуживает внимания пункт Put Away, **из значений которого в британском варианте наиболее близким** является to store something as in a box or space. — Please, put your **toys** away before you go to bed [1]. В американском варианте также находим подходящее значение — to set aside out of sight, to return something to its proper place. — After John finished reading the report, he put it away in the desk [2]. Пояснение “moves files and folders from the Desktop or Trash back to the locations they came from, ejects disks and removes disk icons from the Desktop” не является точным соответствием толкованию, приведённому по [1, 2], однако, носит оттенок общепотребительного американского варианта. Отметим в математическом обеспечении Макинтоша такие глагольные идиомы, как to start up (to make an engine start working, to begin working in a trade, profession, business), в занимательной форме представляющую включение **компьютера, которое у других разработчиков обозначается** обыденным поворотом выключателя в положение „включено“ — to turn (switch) on, — а также её противоположность to shut down (to close firmly, to stop a supply such as electricity), соответствующую стандартной to turn (switch) off. **Терминологический нюанс „выключения компьютера“** в игровой форме передан в обоих приведённых по [1, 2] значениях. Встроенная справочная система Макинтоша в

одной фразе поясняет процесс выключения компьютера: “Quits open applications, ejects disks, and prepares the computer (= to close firmly) to be shut off (= to stop an electricity supply).” Разработчики фирмы Apple справедливо посчитали, что незавершённая работа прикладного математического обеспечения или помещённый внутрь привода сменный носитель способны некорректным образом повлиять на дальнейшую стабильность работы компьютера и не ограничились техническим термином to turn (switch) off — to stop working by a switch control — „выключить рубильник“.

К сожалению, при переводе на русский язык интерфейса математического обеспечения и отчасти руководств по эксплуатации компьютеров множество игровых оттенков, характерных для подлинников, утрачивается, и, например, глагольная идиома to shut down переводится как „Выключить“ либо, в лучшем случае, „Завершить работу“. С точки зрения автора, подобные „старания“ специалистов по ВТ следует, вероятно, обрабатывать профессиональному лингвисту с тем, чтобы в социокультурном аспекте получился полноценный эквивалент.

Список литературы

1. Кортней Р. М. Словарь глагольных идиом. М. : Рус. яз., 1986. 734 с.
2. Dixon, Robert J. Essential Idioms in English. N. Y.: Regents Publishing Co., Inc.; R. J. Dixon Associates, 1983. 208 p.
3. Маринин М. А. Коммерческие тенденции употребления словосочетаний в области вычислительной техники // *Lingua Mobilis: науч. журн. / Челябин. гос. ун-т.* 2008. № 5 (14). С. 96–99.
4. MacWarehouse: The Mac Superstore, 1995. Vol. 21.0. 216 pp.
5. Voss, G., Chui, P. Turbo C++ DiskTutor. N. Y., Berkeley: Osborne–McGraw-Hill, 1990. P. 5.

List of literature

1. Kortney R. M. Slovar' glagol'nyh idiom. M. : Rus. yaz., 1986. 734 s.
2. Dixon, Robert J. Essential Idioms in English. N. Y.: Regents Publishing Co., Inc.; R. J. Dixon Associates, 1983. 208 p.
3. Marinin M. A. Kommercheskie tendentsii upotrebleniya slovosochetaniy v oblasti vychislitel'noy tehniki // *Lingua Mobilis: nauch. zhurn. / Chelyab. gos. un-t.* 2008. № 5 (14). S. 96–99.
4. MacWarehouse: The Mac Superstore, 1995. Vol. 21.0. 216 pp.
5. Voss, G., Chui, P. Turbo C++ DiskTutor. N. Y., Berkeley: Osborne–McGraw-Hill, 1990. P. 5.

**РЕЧЕВОЙ ЖАНР “КАНЦЕЛЯРСКАЯ ОТПИСКА”
КАК ВАРИАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН ДИСКУРСА**

А. В. Пучкова

Статья посвящена исследованию речевого жанра “канцелярская отписка”. Автор выделяет три подхода к изучению речевых жанров и описывает модель речевого жанра “канцелярская отписка” согласно одному из них.

Ключевые слова: дискурс, речевой жанр, «канцелярская отписка».

Понятие жанра, как хорошо известно, восходит к поэтике Аристотеля. В теории литературы, фольклористике и риторике ему посвящены тысячи страниц, однако в понятийный аппарат лингвистики оно входит в последние годы ушедшего столетия. Лингвистическим – необходимым для осмысления всякого общения – делает это понятие восприятие жанра как явления не только художественного творчества, а речи вообще. Происходит эта перемена в ходе поворота лингвистики к речи. Языковая система, устройством которой так увлеченно занималась лингвистика весь XX век, жанрово безразлична; речь же отливается только в жанрах, и вне жанров не может быть осмыслена и изучена даже в первом приближении. Понятие речевого жанра (жанр речи, жанр общения, языковой жанр) использовалось многими лингвистами, однако теоретически проблема жанра была осмыслена и изложена в специальной работе М.М.Бахтиным (1, с. 250-296). Сегодня о проблемах речевых жанров пишут все больше, термин вошел в филологический оборот (М.М.Бахтин, В.В.Виноградов, Ю. Тынянов, Б. Эйхенбаум, Б. Шкловский, М.В.Панов, М.Ю.Федосюк, Е.Я.Земская, Л.А.Капанадзе, Н.К.Гарбовский, А. Вежицка и др).

Речевой жанр (далее РЖ) – понятие, необходимое не только для реалистического изучения речи, но и для практического обучения ей.

В данной статье речь пойдет о РЖ бюрократическая или «канцелярская отписка». Можно сказать, что каждый гражданин, который сталкивался с общением с чиновниками, по какому бы то ни было поводу, наверняка, не один раз получал в ответ «письма-отписки».

Автор статьи постарается показать, что «канцелярскую отписку» можно в полной мере выделить в отдельный жанр делового дискурса, так как практически все «отписки», получаемые гражданами, не зависимо от их непосредственного содержания имеют общую жанровую структуру и характеристику.

В настоящее время в современной русистике существует три основных подхода к проблеме РЖ. Первый из них называют лексическим, он предполагает обращение к именам жанров, толкованию их семантики и наиболее тесно связан с теорией речевых актов, во многом основанной на анализе употребления глаголов речи. Однако на основе такой лексики нельзя составить полное и адекватное представление о РЖ, так как одним именем могут обозначаться несколько жанров или их разновидностей, и, напротив, один жанр может иметь ряд наименований. Так, существует термин «отписка» для писем – памятников древнерусской литературы, в рамках которых составлялись доклады о проделанной работе и финансовые отчеты перед вышестоящими лицами и чинами. В рамках нашей работы мы говорим о канцелярской «отписке», бессодержательном, формальном письменном ответе на что-либо, не затрагивающем существа дела (действие по значению глагола отписываться, отписаться) (6, с. 756) И в то же время деловые письма, написанные, в нашем представлении, в одном жанре, называют письмо-ответ, письмо-обещание, письмо-уверение, письмо-отказ, письмо-объяснение и т. д.

Второй подход может быть назван стилистическим, он согласуется с традициями литературоведения и предполагает анализ текстов в аспекте их жанровой природы, включая композицию, отбор специфической лексики и т. п. (4, с. 65-71) Так письмо-отписка всегда составлено в строго официальном стиле, обладает специфической для этого стиля лексикой, фразеологией, синтаксическими оборотами, клише, стандартным расположением материала. Тексты данного жанра имеют следующие характерные особенности: включение в текст сложносокращенных слов, аббревиатур, частое использование отглагольных существительных, отыменных предлогов (в соответствии с, в целях, за счет), сложных союзов (ввиду того что, в связи с тем что), а также различных устойчивых словосочетаний, служащих для связи частей сложного предложения (на случай, если...; на том основании, что...), повествовательный характер изложения, наличие номинативных предложений с перечислением, преобладающий принцип конструирования предложения – с прямым порядком слов,

почти полное отсутствие эмоционально-экспрессивных средств, преобладание сложных предложений, слабая индивидуализация стиля, нейтральный тон изложения, сознательная установка на стандартизацию языка, употребление простых предложений подчас с однородным перечислением.

Третий подход, отражающий идеи Бахтина М.М., исходит из того, что РЖ – это особая модель высказывания (2, с. 307), из чего следует, что необходимо его исследование в двух направлениях: исчисление моделей и изучение их воплощения в различных речевых ситуациях. В рамках такого подхода можно осуществить описание отдельного РЖ и построить общую типологию жанров. Такой подход называют речеведческим, так как он, учитывая результаты, полученные в рамках теории речевых актов и теории жанров художественной речи, соотносится со стратегией активной грамматики в понимании Л.В. Щербы и оказывается обращенным к РЖ как феномену речи. Исходя из замыслов автора, предварительных условий общения и «продвигаясь» к способам языкового воплощения РЖ, в которых для адресата закодирована вся необходимая для успешного общения жанровая информация, для данного подхода основным моментом является признание существования в речевом сознании «типového проекта», канона, схемы РЖ. Задачей исследователя становится формулировка научной дефиниции такого интуитивного представления, обозначив его как модель РЖ. Речевая модель жанра может быть описана в определенном наборе параметров, жанрообразующих признаков, необходимых и достаточных для опознания, характеристики и конструирования РЖ: коммуникативная цель; образ автора; образ адресата; образ прошлого; образ будущего; диктум; языковое воплощение (формальная организация).

В нашем речевом сознании есть модели РЖ, в соответствии с которыми мы как авторы строим и как адресаты воспринимаем реальные речевые произведения, а также оцениваем их. Жанрообразующие признаки и есть несущие конструкции этой модели. (8, с. 89)

Таким образом, можно говорить о том, что для канцелярской «отписки», как РЖ, можно составить следующую модель согласно предложенной схеме параметров конструирования РЖ. Главным жанрообразующим признаком является коммуникативная цель, в соответствии с которым можно сказать, что «отписка» находится на рубеже двух типов РЖ: информативных и этикетных жанров. «Отписка» является реактивным РЖ, поскольку поводом для предоставления

автором определенной информации обязательно служит письмо, составленное в одном из инициативных жанров деловых писем (просьба, запрос, предложение, жалоба, требование и т.д.), требующих обязательного ответа в рамках определенных канонов делового этикета, закрепленных обществом. Например: *«Рассмотрев Ваше обращение об установлении дополнительного ограничения времени розничной продажи алкогольной продукции, сообщаем следующее.*

В соответствии с п.3.1. ст. 16 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» субъекты Российской Федерации вправе устанавливать дополнительные ограничения времени розничной продажи алкогольной продукции с содержанием этилового спирта более 15 процентов объема готовой продукции.

Закон Калужской области от 06.04.2006 г. № 182-03 «О регулировании отдельных правоотношений в сфере оборота алкогольной продукции на территории Калужской области» не устанавливает дополнительные ограничения времени продажи алкогольной продукции на территории Калужской области.

Учитывая изложенное, решение вопроса, об установлении дополнительного ограничения времени розничной продажи алкогольной продукции на территории Калужской области находится в компетенции депутатов Законодательного Собрания Калужской области...»

Образ автора – эта та информация о нем как об участнике общения, которая «заложена» в типовой проект РЖ, обеспечивая ему успешное осуществление (3, с. 203-210). «Отписка» предполагает автора с определенными полномочиями, его социальное «превосходство». Причем подчеркнутая формальность «отписки» и ее зачастую «пустое» содержание говорит о незаинтересованности автора в исполнении обсуждаемых вопросов.

На первом месте для образа автора стоят его отношения с адресатом. Образ адресата – третий жанрообразующий признак. Для РЖ «отписка» образ адресата представлен автором инициативного для нее сообщения.

Следующие конститутивные признаки РЖ симметричны и связаны с местом жанра в цепи речевого сообщения, которое разыгрывается по определенному «сценарию» – это образ прошлого и образ будущего (8, с. 94), тем самым мы утверждаем, что для РЖ суще-

ственные предшествующий и последующий эпизоды общения. Если говорить об образе прошлого, то «отписка», как уже отмечалось, относится к «реактивным» РЖ, являясь реакцией на другие речевые жанры. Образ будущего предполагает дальнейшее развитие речевых событий, воплощающееся в появлении других РЖ. Канцелярская «отписка» зачастую не предполагает появления ответного речевого сообщения и составляется таким образом, чтобы у адресата не возникло желания его составить.

Все рассмотренные жанрообразующие признаки имеют собственно речевую природу, они обращены к условиям и участникам общения.

Следующий признак обращен к внеречевой действительности и может быть назван диктумом, или типом диктумного (событийного) содержания. Одно и то же диктумное содержание может быть представлено в речи в различной «жанровой оправе», но все жанровые проявления имеют одно и то же диктумное содержание. Выявляется целая серия признаков, важных для отбора диктумной информации при формировании РЖ. Важен характер актантов диктумного события. Также важны отношения актантов и участников речи, так для «отписки» исполнителями прескриптивного события являются люди, в социальном плане наделенные обществом определенными полномочиями и обязанные решать проблемы граждан в определенных социальных сферах, что не предполагает включенность события в личную сферу автора, в отличие от авторов инициативного сообщения.

Последний параметр – это формальная организация или языковое воплощение РЖ в соответствие с условием продвижения от замысла к воплощению, то есть с позиций автора. С позиций же адресата языковое воплощение должно начинать характеристику РЖ, так как это первое, что «получает» адресат, из чего он вычитывает информацию об авторе, его коммуникативных намерениях, прошлом и планируемом будущем жанра. Для модели РЖ важно увидеть его языковое воплощение как спектр возможностей, лексических и грамматических ресурсов жанра. В этом спектре можно обозначить некоторые полюсы: клишированность / индивидуальность, минимальность / максимальность словесного выражения. «Отписка» в первом отношении относится к стереотипным воплощениям, так как специфическая лексика, фразеология, синтаксические обороты, клише придают этому жанру консервативный характер – устойчивый и замкнутый,

он мало подвержен изменению и развитию. Такого рода деловой документ имеет общепринятые формы изложения и расположения материала, ему присущи сжатость, компактность изложения, экономное использование языковых средств, широкое использование терминологии, номенклатурных наименований, наличие особого запаса лексики и канцелярской фразеологии. Например: *«В соответствии с поручением заместителя Губернатора Калужской области Е.Л. Кенига Ваше обращение от 17.03.2008, направленное Губернатору Калужской области А.Д. Артамонову, по вопросу участия сотрудников РОВД в федеральной целевой программе «Жилище» на 2002 - 2010 годы внимательно рассмотрено в Администрации города. По существу вопроса сообщаем следующее.*

Малоимущие граждане, состоящие на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, обеспечиваются жилыми помещениями из муниципального жилищного фонда социального использования, в порядке очередности исходя из даты принятия на учет (ст. 57 ЖК РФ). Вы состоите на жилищном учете по месту жительства в общем списке под № 2266 (по состоянию дел на 08.04.2007)...»

Во втором аспекте РЖ обладает целой шкалой эксплицитности – от имплицитного проявления до словесного выражения всех моментов, включая пресуппозитивные. В этом отношении канцелярская «отписка» относится к эксплицитным РЖ с высоким уровнем словесного выражения, при этом нужно отметить, что метакомпонент с обозначением жанра в данном случае не проявляется.

Говоря об иерархии жанрообразующих параметров РЖ, надо сказать, что лингвистически наиболее важен именно параметр языкового воплощения, все остальные параметры только влияют на него. Создать подробное описание языкового воплощения РЖ - значит представить его портрет.

При этом аналогично тому как в синтаксисе наряду с понятием модели предложения существует понятие его регулярной реализации (7, с. 119-123; 5), по отношению к модели РЖ может быть предложено понятие регулярной реализации РЖ, которые будут различаться прежде всего по сферам общения. Согласно идеям М.М. Бахтина, на основе первичных РЖ повседневной сферы общения формируются системы вторичных РЖ, состав и специфика языкового оформления которых определяется характером сферы. Исследование РЖ в аспекте их регулярных реализаций в разных сферах общения выявляет своеобразные речевые парадигмы жанров, например жанр повсед-

невной сферы ответ (сообщение) в нашем случае в деловой сфере общения может трансформироваться в «отписку», в зависимости от его содержания (именно поэтому все письма-отписки содержат формулировку «сообщаем / отвечаем следующее», а не «отписываемся следующим»).

Итак, модель РЖ включает семь основных параметров, первое место среди которых отводится коммуникативной цели, далее анализируются две пары симметричных признаков, соотносимых с автором и адресатом, предшествующим и последующим эпизодами общения, которые дифференцируют РЖ с одного типа коммуникативной целью, параметр диктумного содержания вносит ограничения в отбор информации о мире и вносит дифференциации более частного характера. Эти шесть параметров относятся к реальностям действительности и общения, тогда как параметр языкового воплощения прямо выводит РЖ в пространство языка с его сложнейшей дифференциацией языковых средств по требованиям речи.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С.250-296.
2. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С.307
3. Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 203–210.
4. Матвеева Т. В. К лингвистической теории жанра // Collegium № 1-2. 1995. С. 65–71.
5. Николаев Б. И. Жанр как текст, высказывание и система текстов (на материале но-веллистики) // Язык и культура: 4-я междунар. конф. Ч. 3. Киев, 1996. С. 82–90.

List of literature

1. Bahtin M. M. Problema rechevyh zhanrov // Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M., 1986. S.250-296.
2. Bahtin M. M. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnyh naukah. Opyt filosofskogo analiza // Bahtin M.M Estetika slovesnogo tvorchestva. M., 1979. S.307
3. Vinogradov V. V. Izbrannyye trudy. O yazyke hudozhestvennoy prozy. M., 1980. S. 203–210.
4. Matveeva T. V. K lingvisticheskoy teorii zhanra // Collegium № 1-2. 1995. S. 65–71.
5. Nikolaev B. I. Zhanr kak tekst, vyskazyvanie i sistema tekstov (na materiale no-vellistiki) // Yazyk i kul'tura: 4-ya mezhdunar. konf. Ch. 3. Kiev, 1996. S. 82–90.

6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М. : Азъ, 1996. С. 756.
7. Шведова Н. Ю. О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения» // Мысли о современном русском языке. М., 1969. Русская грамматика. Т. 2. С. 119–123
8. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 88–98.
6. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. M. : Az, 1996. S. 756.
7. Shvedova N. Yu. O ponyatii «regulyarnaya realizatsiya strukturnoy shemy prostogo predlozheniya» // Mysli o sovremennom russkom yazyke. M., 1969. Russkaya grammatika. T. 2. S. 119–123
8. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra // Zhanry rechi. Saratov, 1997. S. 88–98.

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РЕЗОНАНСА В ПОЛИТИЧЕСКОМ МАНИПУЛЯТИВНОМ ДИСКУРСЕ

О. А. Гусева

Стратегия создания эмоционального резонанса является одной из наиболее продуктивных в оказании манипулятивного воздействия на целевую аудиторию, поскольку помогает сравнительно просто преодолеть сопротивление рациональной составляющей восприятия. Степень, в которой возможно внедрить в сознание реципиента пропагандистское сообщение на фоне определенных настроений и установок, зависит от того, насколько релевантный набор тактик использован применительно к каждой коммуникативной ситуации, а также от соблюдения ряда условий реализации подобных приемов воздействия.

Ключевые слова: воздействие, манипуляция, установка, эмоциональный резонанс.

Согласно одному из основных правил манипулятивного воздействия, основной акцент следует делать на обращение не к разуму, а к чувствам человека.

Технику эмоционального резонанса можно определить как способ создания у широкой аудитории определенного настроения с одновременной передачей пропагандистской информации [4]. На рациональном уровне человек всегда способен выстроить систему контраргументации и нейтрализовать манипулятивные риторические действия пропагандиста. Эмоциональный резонанс позволяет снять психологическую защиту, которую на мыслительном уровне выстраивает человек, сознательно пытаясь оградиться от целенаправленного пропагандистского воздействия.

Несмотря на кажущуюся универсальность стратегии создания эмоционального резонанса, практика показывает, что она имеет ряд ограничений, варьирующихся в зависимости от особенностей набора тактик и приемов, применяемых в каждом конкретном сообще-

нии. Так, президент США Б. Обама (как и многие его предшественники, в частности, Дж. Буш-мл.) неоднократно прибегал к данной стратегии в построении своих публичных выступлений и достигал искомого результата. Однако в случае с его речью, посвященной реформе здравоохранения, данная стратегия не только не дала ожидаемого эффекта, но и обратила внимание оппонентов именно на уязвимые аспекты как выступления президента, так и его программы, тем самым породив волну критики в прессе и шквал возмущения рядовых граждан.

Приемы, эксплуатирующие эмоции в целях управления восприятием, известны с древних времен. В их основе лежит феномен социальной индукции, обусловленный тем фактом, что испытываемые людьми эмоции во многом представляют собой социальные явления.

Особенно сильно эффект эмоционального заражения проявляется в ситуативном множестве людей, не связанных осознаваемой целью, например, в толпе. Поведение человека в толпе характеризуется преобладанием ситуативных настроений, снижением рационально-логического мышления, утратой чувства ответственности, повышенной внушаемостью, и, соответственно, легкой управляемостью.

При этом следует отметить, что описываемые феномены можно наблюдать не только в условиях единовременного воздействия на сосредоточенную массовую аудиторию, но и в условиях длительных пропагандистских кампаний в масштабах крупных социальных групп или всей нации. Данному факту способствуют механизмы функционирования конформизма, социальной идентификации и т.д.

В известной степени испытываемые нами эмоции являются результатом индукции, вызываемой отдельными коммуникаторами или средствами массовой информации. Создание эмоционального резонанса — одна их главных задач большинства сообщений не только в области политики, но и рекламы, а также индустрии развлечения.

Ключевым приемом создания эмоционального резонанса является использование разнообразных классификаторов.

Называя какой-либо объект, тот, кто выбрал данную единицу номинации, тем самым подчеркивает его некоторую специфическую особенность, в то время как другие характеристики уводятся из фокуса внимания. То, как объект описывается (классифицируется), и манера, в которой представляется образ действия, направляют мысли и эмоциональные реакции адресата в определенное русло. С помощью классификаторов, описывающих объекты или события,

информация форматируется так, что получатель пропагандистского сообщения принимает навязываемое ему определение ситуации. Во-первых, это слова и сочетания, полезные для описания собственной «позитивной и конструктивной позиции». Во-вторых, это «контрастирующие слова» для того, чтобы в негативном ключе охарактеризовать противника [4].

Соответствующим образом подобранная лексика используется также в случаях, когда необходимо назвать некоторые явления, по возможности лишив адресата их визуального образа, с целью нейтрализовать негативную реакцию, либо наоборот, визуализировать некоторое понятие.

Другую крупную лексическую группу, элементы которой широко используются в манипулятивных целях, являются слова, называющие ценности того или иного сообщества или нации, а также активные в данный исторический момент идеологемы. Подобные единицы не просто включаются в текст сообщения, а многократно повторяются, и спекулирование соответствующими понятиями способно превратить даже попытки оправдать не слишком благовидные действия в апологетику. Удельный вес данных единиц в американском политическом дискурсе довольно велик, и примерно одинаковый набор можно обнаружить практически в любом сообщении.

Например, психологи Б. Локкерби и С. Борелли установили, что процент американцев, поддерживавших оказание помощи контраст (антиправительственных сил) в Никарагуа, за период с 1983 до 1986 года варьировался от 13% до 42% в зависимости от того, как формулировался вопрос. Если в вопросе открыто упоминались Рональд Рейган или контраст или использовались идеологические ярлыки для определения противостоящих сил в Никарагуа, то помощь поддерживало большее количество американцев. Если в вопросе упоминалась выраженная в долларах сумма помощи или представлялись обе стороны проблемы, оказывать помощь мятежным контраст желало гораздо меньшее количество американцев (цит. по 4).

Целенаправленный выбор средств номинации также по большей части служит созданию эмоционального резонанса. Оперирование выбранными единицами наиболее эффективно, когда подача сообщения осуществляется в форме констатации факта. Желаемое положение вещей подается пропагандистом как свершившийся факт, и у человека с противоположными взглядами искусственно создается ощущение себя в меньшинстве: *Now, these are the facts. Nobody disputes them. We*

know we must reform this system; Everyone in this room knows what will happen if we do nothing; We know these things to be true.

Другой распространенный прием создания эмоционального резонанса — градация, планомерно создающая эмоциональный накал. Чуть меньшим потенциалом обладает прием параллелизма: *I still believe that we can act when it's hard. I still believe we can replace acrimony with civility and gridlock with progress. I still believe we can do great things and that here and now we will meet history's test, because that's who we are.* Чтобы усилить эмоциональную действенность сообщения нередко его насыщают конкретными подробностями, которые лучше запоминаются и лучше усваиваются.

Особенно эффективны в этом отношении свидетельства очевидцев, поскольку они несут опору на элементы личного опыта человека. Кроме того, эмоциональный след услышанной истории, оставшийся в сознании адресата, также во многом определяет его отношение к обсуждаемому вопросу: *One man from Illinois lost his coverage in the middle of chemotherapy because his insurer found that he hadn't reported gallstones that he didn't even know about. They delayed his treatment, and he died because of it; Another woman, from Texas, was about to get a double mastectomy when her insurance company cancelled her policy because she forgot to declare a case of acne. By the time she had her insurance reinstated, her breast cancer had more than doubled in size.*

Тем не менее, следует помнить, что эффект от цитирования частных случаев тем больше, чем меньше человек знает о предмете сообщения.

Как при выборе иллюстрирующих историй, так и при осуществлении интимизации общения, т.е. приближения предмета сообщения к адресату, необходимо учитывать психологический закон потребности в любви: пропагандист должен дать понять адресату, что он интересен не просто как избиратель, сторонник или налогоплательщик, но, прежде всего, как личность, в связи с чем пропагандист должен демонстрировать искренний интерес и трогательную, почти отеческую заботу об адресате: *I will not back down on the basic principle that, if Americans can't find affordable coverage, we will provide you with a choice; That will not happen on my watch. I will protect Medicare; That is why we cannot fail. Because there are too many Americans counting on us to succeed -- the ones who suffer silently and the ones who shared their stories with us at town halls, in e-mails, and in letters.*

Имитация обратной связи также способствует эмоциональному вовлечению адресата в предмет обсуждения и, при грамотной организации, направляет ход размышлений в конкретном направлении. Главный принцип успешности применения данного приема состоит в том, чтобы предлагать правильную формулировку вопросов: их подача должна быть такой, чтобы первый напрашивающийся ответ был именно тем, который выгоден пропагандисту. Даже если в сообщении не содержится прямого вопроса, манипулятор с необходимостью должен однозначно указывать на то, что он прислушивается к мнению аудитории. Иллюзия участия в дискуссии по какой-либо актуальной проблеме приводит к большему изменению мнений и установок, нежели простое пассивное восприятие информации: *The public option -- the public option is only a means to that end, and we should remain open to other ideas that accomplish our ultimate goal.*

Люди хотят быть уверенными в том, что они контролируют ситуацию, и ощущают больший психологический комфорт, обладая определенной властью над событиями.

В целях создания эмоционального резонанса можно также использовать ссылки на авторитеты, особенно если в данной коммуникативной ситуации актуализирован эмоционально-ассоциативный ряд, связанный с объектом апелляции, или данный объект представляет собой перманентно актуальный мифологизированный персонаж. В данном случае президент призвал на помощь образ знаковой для американцев личности – сенатора Теда Кеннеди, скончавшегося незадолго до начала широкомасштабной пропагандистской кампании в поддержку плана президента. Апелляция происходит не только к авторитету Кеннеди, но и к общеизвестным и эмоционально нагруженным фактам его биографии: он был активным сторонником и одним из разработчиков реформы, члены его семьи имели тяжелое заболевание, сам он также умер от рака. Таким образом, риторически создается образ не просто ставшей на сторону президента авторитетной личности, но человека, который в полной мере испытал на себе все особенности здравоохранения, человека, который обращается к народу Америки фактически с того света: *He asked that it[his letter] be delivered upon his death... And he expressed confidence that this would be the year that healthcare reform -- «that great unfinished business of our society,» he called it -- would finally pass; «What we face,» he wrote, «is above all a moral issue; at stake are not just the details of policy but fundamental principles of social justice and the charac-*

ter of our country.»; On issues like these, Ted Kennedy's passion was born not of some rigid ideology, but of his own experience -- the experience of having two children stricken with cancer. He never forgot the sheer terror and helplessness that any parent feels when a child is badly sick. And he was able to imagine what it must be like for those without insurance, what it'd be like to have to say to a wife or a child or an aging parent, «There is something that could make you better, but I just can't afford it.»

Уровень эмоциональности сообщения повышает также прием запугивания адресата. Запугивание используется как мотивирующая психологическая сила, затемняющая проблему эмоциями и направляющая мысли на удаление угрозы, купируя рассуждения о чем-либо другом [1.С.278-280]: *And every day, 14,000 Americans lose their coverage. In other words, it can happen to anyone; More and more Americans worry that if you move, lose your job or change your job, you'll lose your health insurance, too. More and more Americans pay their premiums, only to discover that their insurance company has dropped their coverage when they get sick, or won't pay the full cost of care. It happens every day.*

Оптимизация данного приема достигается тогда, когда реципиентам апелляции к страху тут же предлагается способ решения существующих и прогнозируемых проблем в форме простых на первый взгляд рекомендаций [1. С.281]: *It's a plan that asks everyone to take responsibility for meeting this challenge -- not just government, not just insurance companies, but everybody, including employers and individuals; Now, even if we provide these affordable options, there may be those, and especially the young and the healthy, who still want to take the risk and go without coverage. There may still be companies that refuse to do right by their workers by giving them coverage. The problem is, such irresponsible behaviour costs all the rest of us money; That's why under my plan, individuals will be required to carry basic health insurance.*

Параллельно с этим приемом может реализовываться процесс «иммунизации коллективного воображаемого» [2.С.278], когда политиком признается определенный вред или неизбежные трудности, которые принесла его деятельность, но в то же время действия эти трактуются им как единственно возможный путь избегания еще большего зла.

Однако в рассматриваемом случае рекомендации касаются не проявления личной социальной активности, терпимости, милосердия и т.д., на что американцы обычно охотно откликаются. За словами президента каждый американец видит не потенциальное социальное

благо, а те последствия, которые коснутся его лично в виде необходимости уменьшить свой бюджет на некоторую сумму в условиях финансового кризиса. Это подтверждают и лозунги протестующих, например, 'Born free, taxed to death', 'I had enough of socialism in the USSR' (информация BBC-world).

Общее правило, относящееся не только к тактике запугивания, но и к другим средствам манипуляции, состоит в том, что обращение должно касаться как можно более широкого круга интересов адресата. Чтобы побудить человека совершить какое-либо действие, зачастую необходимо расширить контекст эмоциональной аргументации своего обращения. Большинство людей при принятии решения руководствуются интересами самих себя, своей семьи, группы, к которой они принадлежат, общества и Бога [4].

Ошибочно было бы обращаться исключительно к эгоистическим интересам самого адресата, игнорируя при этом остальные. Но одинаково ошибочно не учитывать иерархию данных интересов, где общество стоит далеко не на первом месте. Нельзя также не принимать во внимание, что ситуативные сдвиги в системе ценностей (например, когда после 11.09.01 ценности семьи, безопасности, мира отодвинули ценности, традиционно лидирующие в индивидуалистических культурах), сохраняются только на определенный период времени, и с исчезновением породившей их ситуации или привыканием человека к ней, прежняя иерархия возвращается. Таким образом, в условиях, когда американцы озабочены, прежде всего, вопросами выхода из финансового кризиса и собственным выживанием, по данным Gallup, основными аргументами против плана президента становятся повышение налогов, увеличение дефицита бюджета и усиление роли правительства. Хотя нельзя не отметить, что большинство из тех, кто поддерживает реформу, руководствуются соображениями благотворительности.

Риторические приемы, обладающие потенциалом создания эмоционального резонанса, включают в себя также тактику заигрывания с аудиторией и тактику игры на ущемленном достоинстве. Огромное значение придается заигрыванию с аудиторией, например, превознесению ее национальных качеств и достижений, подчеркиванию своего «сострадания» к положению тех или иных социальных групп, отдельных индивидуумов и другим способам игры на самолюбии адресата. *We are the only democracy, the only advanced democracy on Earth, the only wealthy nation that allows such hardship for millions of*

its people; That large-heartedness, that concern and regard for the plight of others is not a partisan feeling. It's not a Republican or a Democratic feeling. It, too, is part of the American character; Our ability to stand in other people's shoes. A recognition that we are all in this together, that when fortune turns against one of us, others are there to lend a helping hand. A belief that in this country, hard work and responsibility should be rewarded by some measure of security and fair play. And an acknowledgement that sometimes government has to step in to help deliver on that promise. This has always been the history of our progress; I still believe we can do great things and that here and now we will meet history's test, because that's who we are. That is our calling. That is our character.

При этом следует учитывать, что интенсификация воздействия данного приема достигается тогда, когда пропагандистское сообщение не содержит как явной хулы в адрес противников, так и откровенного превознесения «своих». Атрибуция ответственности, при необходимости показать, что неудачи в решении проблем обусловлены противодействием со стороны оппозиции, должна достигаться индуктивными методами, на уровне импликаций или намеков. В данном случае Б. Обама опрометчиво позволяет себе резкие высказывания в адрес оппонентов: *But what we've also seen in these last months is the same partisan spectacle that only hardens the disdain many Americans have towards their own government. Instead of honest debate, we've seen scare tactics. Some have dug into unyielding ideological camps that offer no hope of compromise. Too many have used this as an opportunity to score short-term political points, even if it robs the country of our opportunity to solve a long-term challenge. And out of this blizzard of charges and counter-charges, confusion has reigned; ... Some of people's concerns have grown out of bogus claims spread by those whose only agenda is to kill reform at any cost. The best example is the claim, made not just by radio and cable talk show hosts, but by prominent politicians...*

Существует также ряд других принципиальных условий, которые не учел президент США:

1) был утрачен эффект первичности, когда успех пропагандистского сообщения в значительной мере зависит от того, чья информация достигла аудитории раньше. Данный эффект основан на одном из механизмов восприятия: при поступлении противоречивой информации (в условиях невозможности проверки ее) человек более склонен отдавать предпочтение той, которую он получил первой. В

дальнейшем изменить сформировавшееся таким образом мнение крайне трудно.

В ходе подготовки нации к восприятию программы реформ предварительная информация от официального источника потонула в информационном шуме и сообщениях от оппозиционных сил; кроме того, подготовительная информация выдавалась порционно, поэтому адресат не мог составить комплексное представление о предмете обсуждения иным способом, кроме как воссоздать недостающую часть картины на основе собственного опыта и представлений. В свою очередь, обсуждения в обществе и прессе привели к тому, что на момент представления президентом целостной программы, у аудитории уже были сформированы не только установки по отношению к предлагаемой программе, но и эмоциональные реакции.

При этом немаловажно отметить, что ни подготовительные меры, ни прямое выражение позиции президента не выполнили своих ключевых функций: склонить на свою сторону не определившихся и сомневающихся и, по меньшей мере, ослабить позиции сопротивляющихся. Так, 60% американцев считают, что цели плана достигнуты не будут (интересен тот факт, что даже среди демократов в успехе уверены только 66%), только 11% верят, что дополнительные расходы будут покрыты из уже находящихся в системе здравоохранения средств, более 40% пожилых и людей среднего возраста против реформы (при 26% не определившихся), а количество людей, не имеющих четкой позиции составляет в среднем 20 %.

2) администрации не удалось добиться информационного доминирования и единства интерпретации, которое имело место при пропагандистских кампаниях во время всех недавних военных действий, когда практиковалось либо создание информационного вакуума с последующим распространением тенденциозной информации, либо информация по проблеме блокировалась, а затем выдавалась в безальтернативном режиме.

3) в отличие от ситуации с внешнеполитическими решениями, когда среднестатистический адресат не имеет непосредственного соприкосновения ни с ситуацией, ни с реализуемыми мерами, а также вынужден действовать в условиях прерванного (или никогда не существовавшего) контакта с источником информации, помимо официального, в отношении большинства внутриполитических вопросов адресат имеет тот или иной опыт, поскольку они касаются условий его повседневного существования.

4) в связи с указанными просчетами против президента стало играть влияние лидеров мнений. Поскольку человек принимает решение одобрить или отвергнуть нечто не сразу после получения информации об этом, эффективное информационное воздействие на человека осуществляется не непосредственно от средств массовой коммуникации, а через значимых для него авторитетных людей, чья точка зрения имеет для него особую ценность, и у которых он ищет совета. Именно лидеры мнений и играют решающую роль в формировании отношения основной массы к проблеме, отображенной в пропагандистском сообщении.

5) при построении речи не была учтена та психологическая закономерность, что стремление избежать утраты того, чем человек уже обладает, играет огромную роль в принятии решений [3]. Соответственно, большинство людей будут проявлять больше усилий, чтобы избежать возможной утраты собственности, чем для того, чтобы получить то, чего у них еще нет. А поскольку люди склонны завышать стоимость того, чем они уже владеют, существующая система, при всех ее недостатках, воспринимается аудиторией как меньшее зло, нежели предлагаемая президентом.

6) стимуляция личных обязательств и паразитирование на чувстве долга дали обратный эффект, т.к. побудили людей защищать свои взгляды, тем самым порождая эскалацию их убежденности через придумывание контраргументов и самоубеждение, что случается при аргументации достаточно сильной, чтобы вызвать ответную реакцию, но недостаточно сильной, чтобы переубедить. В рассматриваемой же речи собственно аргументативные построения встречались спорадически.

7) нет комплексного учета коммуникативной ситуации. Во время конфликтов установки легко подгоняются к поведению (в силу неравенства статуса, предпочтения своей группы и т.д.) [3]; гораздо легче использовать феномен смещения агрессии и ошибки атрибуции в силу того, что не рассматриваются ситуационные факторы, т.е. внимание фокусируется на людях, а не на ситуации.

Ряд просчетов, допущенных президентом, помешали ему добиться уровня восприятия его речи эмоционального в достаточной степени, чтобы отодвинуть на второй план рациональную обработку его слов. Подтверждением данному факту может служить, например, реакция СМИ самых разных уровней. Приведем лишь некоторые из них:

Obama argued that Congress could cover most of the cost by attacking waste, fraud and abuse in Medicare and Medicaid – a pain-free path that’s as unrealistic as it is alluring... he left some of the hardest questions unanswered (*Los Angeles Times editorial*).

Though Mr. Obama spoke of a plan that ‘incorporates ideas from... Democrats and Republicans,’ he used the kind of tough, confrontational language that suggested the extent to which the White House would seek to portray Republicans as recalcitrant and standing in the face of a historical tide (*New York Times*).

The complaints about Republicans also didn’t sound, to me, like they’ll play well. Right now, more voters are on their side than yours. Don’t tell them they’re gullible dupes and/or mean-spirited obstructionists (*Atlantic Monthly*).

[It] was nearly an hour of snake-oil salesmanship, promises that cannot possibly be kept, and false invocations of bipartisan civility even as he was trying to deliver partisan roundhouses of his own (*John Podhoretz for Commentary Magazine*).

Never has a president been warped by Washington quicker. At times tonight, Obama sounded like an embattled second-termer. What percentage of his speech was spent lashing out at his enemies, real and imagined?... This isn’t how confident leaders speak. These are the complaints of a man on his way to bitterness (*Tucker Carlson for The Daily Beast*).

Эмоциональный резонанс относится к речевым стратегиям манипулятивного воздействия, рассчитанным на обыденное сознание реципиентов и позволяющим получать предсказуемые реакции на предмет сообщения, а также достаточно устойчивые установки по отношению к нему в рамках одного речевого произведения. Однако произвольное применение стратегии создания эмоционального резонанса без учета специфики предмета сообщения и коммуникативной ситуации может привести к тому, что активизация необходимых механизмов восприятия будет достигнута, но вектор ее направленности будет диаметрально противоположен искомому.

Список литературы

1. Аронсон Э. Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. Спб. : Прайм-Еврознак, 2003. 384 с.

List of literature

1. Aronson E. R. Epoha propagandy: Mehanizmy ubezhdeniya, povsednevnoe ispol'zova-nie i zloupotreblenie. Spb. : Praym-Evroznak, 2003. 384 s.

2. Барт Р. Мифологии. М. : Изд-во Сабашниковых, 1996. 314 с.
3. Майерс Д. Социальная психология. Спб. : Питер, 2008. 800 с.
4. Сороченко В. Энциклопедия методов пропаганды. URL : <http://psyfactor.org/propaganda1.htm>
2. Bart R. Mifologii. M. : Izd-vo Sabashnikovyh, 1996. 314 s.
3. Mayers D. Sotsial'naya psikhologiya. Spb. : Piter, 2008. 800 s.
4. Sorochenko V. Entsiklopediya metodov propagandy. URL : <http://psyfactor.org/propaganda1.htm>

Транскрипт речи: <http://www.bbcworld.com>

Данные социологических опросов: <http://www.gallup.com>

ГЕНДЕРНЫЕ ОТЛИЧИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ ПОЛИТИКОВ

О. П. Шевченко

В статье проводится обзор феномена гендерности в политическом контексте. Рассматриваются особенности маскулинного и фемининного типов политической коммуникации и определяется приоритетность выбора гендерной роли политическим лидером.

Ключевые слова: гендер, биологический пол, маскулинный стиль и фемининный стиль коммуникации.

В последнее десятилетие в российской лингвистике все четче определяются исследования, основанные на изучении гендерной специфики речевого поведения языковой личности [4]. Это обусловлено, во-первых, антропоцентрической парадигмой, акцентирующей внимание на индивиде и, во-вторых, особенностями дискурсивных исследований. Их основанием является признание основополагающей роли картины мира отправителя дискурса как основы формирования и сферы существования самого дискурса. В нем, как и в языке, отражаются знания, система взглядов индивида, а также ряд психологических особенностей, среди которых более ощутимы различия гендерные. Они однозначно идентифицирующиеся слушателями, причем это может быть как непроизвольным эффектом, так и намеренно спланированным манипулятивным средством оказания направленного воздействия.

Важно разделение понятий пол и гендер, отражающее дифференциацию индивидов по физиологическим и психологическим характеристикам. Пол определяется как комплекс биологических характеристик личности, а гендер – социо-психолингвистических. Гендер, таким образом, определяют три группы характеристик: биологический пол, полоролевые стереотипы, типичные для данного общества, и проявления этих ролей в рамках предписанных обществом правил и норм психолингвистических [3]. Гендер стал еще одним аспектом самоопределения и описания личности, позволяющим охватить социальные, этнокультурные и психолингвистические особенности индивида. Так, при рассмотрении гендера в аспекте дискурсивных

репрезентаций языковой личности, мы имеем дело с гендерным дискурсом, где языковые явления воспринимаются сквозь призму дихотомии «маскулинность – фемининность».

Гендерный дискурс может восприниматься в качестве бинарной оппозиции мужского и женского начал, и, традиционно приписываемые им качества, переносятся на любой объект, что не является оценочно нейтральным. Как правило, маскулинность позиционируется как нечто позитивное и доминирующее, а фемининное как негативное и периферийное. Поэтому гендерность, например, в контексте политической борьбы является весьма действенным оружием. Навязывая стереотипные атрибуты политическим лидерам или партиям вполне возможно дискредитировать или же, напротив, обеспечить поддержку посредством маскулинизации или феминизации образа.

Политика, будучи тесно связана с такими понятиями как конфликт, борьба, агрессия, доминирование, маскулинна по определению. Однако, начиная с 20-х годов XX века, женщины медленно, но стабильно завоевывают себе право участвовать в политической жизни не только в качестве избирателей, но и непосредственных участников процесса управления. Более того, женщины, в отличие от мужчин, проявляют большую политическую активность в качестве избирателей, хотя и уступают последним в продвижении к политическому Олимпу.

Подобная тенденция феминизации политической сферы явилась причиной заинтересованности ученых в изучении роли женщин в политическом процессе. Исследования роли женщин в качестве «источников» и «аудитории» коммуникативного потока политической направленности охватывают такие сферы как теория коммуникации, политология, журналистика, социология, культурология, риторика, а также история [5. Р. 435 – 436].

В чем же сходства и различия коммуникативного поведения политиков женщин и мужчин? Социолингвисты полагают, что различия гендерного характера обусловлены принципом власти и влияния в обществе. Фемининный стиль коммуникации (англо-саксонский) от маскулинного в целом, по мнению В.В. Потапова [1], отличается большее соблюдение норм языка, склонность к **RP в произношении**, использование восходящих тонов (нисходящих для мужчин), большее проявление покорности в невербальной коммуникации, меньшая категоричность, меньшая длина синтагм. В мотивационной сфере у мужчин доминирует стремление выйти победителем посредством

уничтожения противника и выявления своего превосходства, что противоположно фемининной модели, предполагающей уход от открытой конфронтации, разжигания вражды и стремление подчеркнуть общность [2]. Мужчины более ориентированы на цель, а женщины на создание атмосферы [3].

Гендерные особенности в языковом плане проявляются на различных уровнях – **фонетическом, лексическом, грамматическом, морфологическом** – каждый из которых выполняет смыслообразующую функцию (семантический уровень), влекущего за собой определенное поведение отправителя текста и определенную реакцию его получателя (прагматический уровень).

Фемининный стиль общения, по мнению авторов книги “*Language and Gender*” [6], скорее предполагает «кооперативный» нежели «конкурирующий» тип, более толерантное отношение к участникам коммуникативного события, преуменьшение либо отсутствие акцентирования своего вклада в разговор, что обозначает перенесение акцента с демонстрации личной ответственности на подчеркивание важности вклада каждого (аудитории) в общее дело. Речь характеризуется как “*excitable, emotionally engaged but in a trivializing way*” – «живая, эмоциональная в меру», а сами участницы коммуникации как “*trying to strengthen but ultimately weakening their contributions*” – «стараящиеся усилить, но, в конечном счете, ослабить свой вклад» [6. Р. 178]. Использование табуированной лексики, замещающей непристойные выражения, уклончивые заявления, являются скорее показателем макулинного типа. Маскулинность проявляется в использовании обсцентной лексики “*“strong” language*”, «для придания эмоциональности речи и действительной силы своим словам» – “*to add emotional intensity and real force to their words*» [6. Р. 177].

В плане тематики для фемининного стиля характерно преобладание обсуждений близких отношений, в отличие от мужчин, в тематике которых превалирует статусность и конкурентность.

Интонационные рисунки в речи мужчин характеризуются большей шириной шкалы, что придает речи весомость и категоричность. Фемининность в речи проявляется в частой смене высоты голоса, певучестью “*singsong*”, живостью, динамичностью “*dinamism*”, что трактуется как дружелюбность, а также восходящими (вопросительными) интонациями, характерными чертами так называемой «слабой» – “*weak*” или «бессильной» – “*powerless*” личности.

Что касается публичных речей, то, как утверждают американские исследователи, политическая риторика соответствует стратегиям и

правилам политического дискурса, в котором традиционного доминируют мужчины. Поэтому фемининный стиль не является оригинальным независимым стилем, но создается на базе классической публичной речи.

В качестве отличительных черт фемининной речи отмечают отзвучивый тон, партнерское обращение к аудитории (что выражается в использовании инклюзивных квантификаторов), побуждение аудитории к участию, использование личного опыта, жизненных ситуаций в качестве примеров, проявление схожести во взглядах с аудиторией, индуктивный способ построения логических выводов.

Маскулинность проявляется в дедуктивных умозаключениях и аргументации (как правило, рассуждения оратора приводятся раньше примеров), подчеркивание собственной компетенции, оперирование фактами, полученными из беспристрастного источника, использование в качестве примеров фактов не связанных с опытом оратора или аудитории [5. Р. 436 – 437].

Гендерные различия проявляются также и в выборе тем. Так типично маскулинными дискурсивными чертами считаются лидерство, действие, акцентирование прошлых достижений, а темами – налогообложение, экономика, занятость населения и преступность. Фемининность дискурса проявляется в эмпиризме, отсутствии дискриминации по какому либо признаку, в продвижении интересов женщин, глобальности и феминистических чертах, а также выборе таких тем как образование, здравоохранение, защита окружающей среды, социальная защита детей.

Однако, как отмечают исследователи (Bower 2003; Dow & Tonn, 1993; Szpiech, 1992; DeRosa & Bystrom, 1999; Curtis, 1994), политики-женщины, как и их коллеги мужчины склонны к смешению дискурсивных гендерных стилей, с незначительной долей индивидуальных гендерных различий или же полным их отсутствием. Таким образом, можно сделать вывод о том, что политика является сферой, в которой гендерные особенности стираются и, в сущности, не играют большой роли. Как утверждают психологи, иррациональный выбор избирателя основывается на архетипных представлениях о роли и качествах идеального лидера – который определяется как сильный, целеустремленный, внешне привлекательный, активный – не зависимо от его гендерной специфики. Это подтверждено на практике: хотя традиционно считалось, что политика – мужское занятие, история знает достаточно примеров женщин-успешных политиков. Лидер должен знать, как вдохновить людей, заставить их проявлять

свои лучшие качества, постоянно поощряя их достоинства, побудить к действию, приободрить собственным примером – что характерно для фемининного стиля, а также проявить лидерские качества, силу, активность, показать компетентность в обсуждаемом вопросе – что является типично маскулинными чертами.

Таким образом, идеальный политик, прирожденный оратор – это тот, проявляет гибкость в выборе стратегий презентации своих мыслей, тот, кто мудро совмещает лучшие качества, традиционно приписываемые обоим гендерам.

Список литературы

1. Потапов В. В. Попытки пересмотра гендерного признака в английском языке // Гендер как интрига познания. Сб. ст. М. : Рудомино, 2000. С. 151–167.
2. Табурова С. К. Эмоции в речи депутатов бундестага: мужские и женские предпочтения // Гендер как интрига познания. Сб. ст. М. : Рудомино, 2000. С. 168–191.
3. Фомин. А. Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности: авто-реф. дисс. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2004.
4. Халеева И. И. Гендер как интрига познания // Гендер как интрига познания. Сб. ст. М. : Рудомино, 2000. С.9–14.
5. Bystrom D. G. Women as Political Communication Sources and Audiences // Handbook of political communication research. Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers, New Jersey, 2004. P. 435 – 459.
6. Eckert P. Language and Gender. Cambridge University Press, N. Y., 2003. 366 p.

List of literature

1. Potapov V. V. Popytki peresmotra gendernogo priznaka v angliyskom yazyke // Gender kak intriga poznaniya. Sb. st. M. : Rudomino, 2000. S. 151–167.
2. Taburova S. K. Emotsii v rechi deputatov bundestaga: muzhskie i zhenskie preferentsii // Gender kak intriga poznaniya. Sb. st. M. : Rudomino, 2000. S. 168–191.
3. Fomin. A. G. Psiholingvisticheskaya kontsepsiya gendernoy yazykovoy lichnosti: avto-ref. diss. ... d-ra filol. nauk. Barnaul, 2004.
4. Haleeva I. I. Gender kak intriga poznaniya // Gender kak intriga poznaniya. Sb. st. M. : Rudomino, 2000. S.9–14.
5. Bystrom D. G. Women as Political Communication Sources and Audiences // Handbook of political communication research. Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers, New Jersey, 2004. P. 435 – 459.
6. Eckert P. Language and Gender. Cambridge University Press, N. Y., 2003. 366 p.

ЯЗЫК СМИ

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ИМПЛИЦИТНОСТИ В ТЕКСТАХ СМИ С МАРКИРОВАННОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТОНАЛЬНОСТЬЮ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СТАТЕЙ 20-30Х ГОДОВ И СОВРЕМЕННЫХ ИЗДАНИЙ)

О. А. Могилевская

В статье рассматриваются средства выражения имплицитности массово-информационного дискурса с маркированной идеологической тональностью.

Ключевые слова: массово-информационный дискурс, тональность, идеология, имплицитность.

Мы рассматриваем имплицитность как семантико-прагматическую категорию, асимметрию плана содержания и плана выражения, когда содержание мысли оказывается гораздо шире своего выражения в языковых единицах, нечто подразумеваемое, скрытное [3. С.23]. Имплицитность и имплицитные значения возникают на базе эксплицитных значений, из взаимодействия с фоновыми знаниями, контекстом и ситуацией речи [5. С.35].

Имплицитные значения представляют собой важный, информационно очень емкий компонент вербальной коммуникации, дополняющий и модифицирующий эксплицитные значения речи и вписывающий их в совокупную содержательную структуры коммуникации. Имплицитные значения наглядно демонстрируют, что вербальная коммуникация «опутана» сетями импликаций, «погружена» в действительный мир и деятельность человека [4. С.646].

Тексты СМИ содержат в себе большой процент имплицитных значений в силу информационной насыщенности. Имплицитность формирует общественное мнение посредством передачи авторской интенции.

Имплицитная информация может быть представлена и обусловлена различными категориями, не всегда между собой связанными, т.е. такими видами подразумевания, как подтекст, пресуппозиции, имплицатуры, намеренный конфликт, эксплицитного знакового значения вы-

сказываний (текстов) со значимым фоном речи, в котором чаще всего проявляются прагматические значения – субъективные оценки говорящего предмета речи или адресата. Разрешение конфликта в пользу имплицитного значения конкретно проявляются как метафора, гипербола, литота, ирония, фальшивая оценка, языковая игра и т.п.

Обратимся к примеру:

(1) In a different climate, Obama might have left himself be exposed in this debate. By our count, he called for new spending for energy (several times), college, special needs programs, health care, teacher development, mortgage assistance, and tax breaks for virtually everyone, including those who don't pay taxes and perhaps automakers. He came away sounding like a next-generation LBJ. (Jim Vandehel, Debates III sheds no light John Harris, October 16th 2008). Возможно, в другой обстановке Обама подставил бы себя под удар. По нашим наблюдениям, он выступил за выделение дополнительного финансирования на энергетику (несколько раз), образование, программы на развитие лиц с ограниченными возможностями, здравоохранение, развитие школ, помощь в предоставлении займов и снижение налогов практически для всех, включая тех, кто их не платит и возможно даже производителей автомобилей. Его речь прозвучала в духе новоиспеченного Джонсона. (Джим Вандехи «3й раунд дебатов не пролил свет на ситуацию», 16.10.08). В этом примере автор упоминает 36-го президента США Линдона Бейнса Джонсона, политика которого у американцев, прежде всего, ассоциируются с непродуманными действиями, нелепыми обещаниями, разжиганием войны во Вьетнаме. Автор проводит параллель между обещаниями Обамы в социальной сфере и попытками Джонсона построить Великое Общество («The Great Society»), что на практике обернулось повышением социальных взносов и провалом программ в конечном счете.

Мы рассмотрели тексты СМИ СССР, России и США с маркированной идеологической тональностью и выявили основные приемы, передающие имплицитность. Под тональностью, вслед за В.И. Карасиком, мы понимаем «двустороннюю категорию, включающую как заданность или закодированность информации со стороны отправителя, так и умение правильно воспринимать, раскодировать заложенный смысл получателем» [2. С. 385].

Идеологическая тональность – это серьезное общение с жестко заданными установками, целью которого является определение принадлежности партнера к своим либо чужим.

Наиболее часто имплицитное выражение реализуется с помощью такого стилистического приема, как **метафора**, которая помогает выражать отношения, стимулированные неодобрительной оценкой обозначаемого, придавая тем самым экспрессивно-эмоциональный эффект всему высказыванию [1. С.16]. Нами была дополнена классификация метафор, предложенная Жабиной Е.В. при анализе имплицитных средств выражения недоверия. Раскроем наиболее часто употребляемые виды метафор, служащие для передачи имплицитного значения в текстах СМИ с маркированной идеологической тональностью.

Были выявлены следующие виды метафор, встречающиеся как в советских и американских текстах 20-30х годов, так и в современных СМИ: библейская, мифологическая, социальная (сферы источники: театр, война, охота, спорт, музыка, медицина), природная (животные, природные явления), антропоморфная (свадьба, похороны, семейный быт, отношения супругов).

Приведем некоторые примеры:

- библейская

(2) *Since the early days of his campaign, the candidate has morphed from the intellectual to the inspirational. ... And it's that theme that's brought crowds in the door and to their feet. (John Harris, Obama's secret weapon: the media, March 04 2008). С первых дней избирательной кампании кандидат преобразился из интеллектуала во вдохновителя. ... Именно это и привело толпы к воротам его, и преклонились они перед ним. (Джон Харрис «Секретное оружие Обамы», 18.04.08).* Восхваляя кандидата в президенты Барака Обаму, автор проводит аналогию с Христом, к которому устремлялись толпы верующих.

(3) *Нужно быть безнадежным оптимистом, думающим, что морские программы современных капиталистических государств, строятся исходя из евангельского завета о «любви к ближнему», для того чтобы верить в возможность «джентльменского соглашения» по вопросу о борьбе на Средиземном море («Перед лондонской конференцией», 13.01.30).* Автор иронизирует по поводу благих намерений наращивания сил военно-морского флота странами-противниками, ссылаясь на библейский принцип любви к ближнему.

Стоит оговориться, что в текстах современных СМИ, в отличие от советских статей, метафоры библейского происхождения встречаются гораздо чаще, что объясняется невозможностью использовать подобные приемы в 30-е годы в соответствии с идеологией того времени.

- мифологическая

(4) *Стараниями наблюдателей заветная дата — март 2008 г. представляется Рубиконом, противоположный берег которого покрыт густым туманом* (Ф. Лукьянов «Перспектива», 02.02.07). Автор, говоря о предстоящих выборах и их результате, сравнивает ситуацию с переходом древнегреческой реки. Политическое будущее страны – под вопросом, пока представляется непонятным, какие реформы принесет с собою победитель.

- социальная (основные сферы-источники: театральная игра, война, охота, спорт и т.д.):

Данный вид метафоры распространен во всех текстах, однако существуют некоторые особенности в употреблении той или иной сферы-источника. Очень часто используются военные метафоры, как в английском, так и русском языках.

(5) *Top targets: Obama's radioactive personal associations, his liberal ideology, his exotic life story, his coolly academic and elitist style* (John Harris and Jim VandeHei, *What Clinton wishes she could say*, August 18 2008). Основные мишени: мнение Обамы по поводу радиоактивных отбросов, либеральная идеология, экзотический жизненный путь, чисто академичный и элитарный стиль (Джон Харрис, Джим Вандехи «Клинтон сожалеет, что не сказала этого», 18.08.08). Здесь автор использует «мишень» как пункты критики кандидата.

(6) *И если обычно послевыборная неделя характеризуется вялым и дремотным состоянием всех недавних участников электоральных сражений, и они лишь изредка постреливают друг в друга из партийных окопов, то на этот раз все было иначе.* (А. Рыклин «Все против всех», 18.03.07). Данное высказывание содержит военные метафоры «электоральное сражение», «постреливать из партийных окопов», журналист констатирует, что послевыборная неделя характеризовалась небывалой активностью в отличие от обычного вялотекущего характера действий сразу после избрания президента.

(7) *Антисоветская травля увеличивается с каждым днем. Лавина клеветы, лжи, звериной злобы против страны Советов растет с каждым часом, распространяясь по всему капиталистическому окружению* («Лакеи разоблачают», 19.02.30). Кроме того, авторы нередко используют социальные метафоры из сферы охоты: «антисоветская травля», «звериная злоба». Частотность подобных метафор очень высока в статьях 30-х годов.

Также распространены метафоры на тему спорта, однако в современных изданиях их заметно больше:

(8) *The Arizona senator threw many punches and sometimes may have landed a few, as when he called Obama out for renegeing on a clear promise to accept public financing. But just as often, Obama smoothly sidestepped the punches, as when he gave what seemed like a plausible and nondefensive answer on how he came to know the '60s-era domestic terrorist Bill Ayers and pivoted to boast about the range of advice he seeks from establishment pillars, such as Warren Buffet on the economy (John Harris, Jim Vandehei, Debates III sheds no light, October 16 2008).* Сенатор Аризоны нанес немало количество ударов, и некоторые из них были весьма удачны, например, когда он поймал Обаму на не сдержанном обещании выступить за публичное финансирование. Однако, также часто Обаме удавалось ловко уклониться от ударов, например, когда он представил весьма похвальный и ответ о том, как он познакомился с террористом 60х Биллом Эйрс и похвастался сколько советов по экономике он получает от влиятельный организаций, типа Воррен Баффет (Джон Харрис, Джим Вандехи «3й раунд дебатов не пролил свет на ситуацию», 16.10.08). Корреспондент сравнивает дебаты кандидатов в президенты с поединком боксеров: «нанести удар», «уклониться».

Чуть реже встречаются метафоры на тему музыки:

(9) *In the end, McCain sounded most often like a trumpet, Obama more like a violin. McCain no offense (John Harris, Obama plays it cool, September 27 2008).* В итоге, Маккейн звучал как труба, Обама же подобно скрипке. (Джон Харрис «Один ноль в пользу Обамы», 27.09.08). Журналист уподобил ведение дебатов кандидатами игре на двух непохожих инструментах, имея в виду в данном случае – изысканность доводов одного кандидата (скрипка) и громогласные, но пустые высказывания другого (труба).

(10) *Социал-фашистская Арбейтер Цейтунг подпеваает общему хору, подчеркивая, что на одной социал-демократической партии лежит задача защищать свободу совести против нового советского курса («Дальнейшая антисоветская свистопляска в Европе», 18.02.30).* Комментируя пресс-релиз зарубежных изданий, автор намекает, что все издания заодно и выступают против СССР, используя музыкальную метафору «подпевать общему хору».

Или же автор обращается к медицине:

(11) *When we see the Unites States preparing to use gas to extract revolutionary tooth from Europe we must be on the alert. (War with gas predicted, April 21 1924).* Наблюдая за тем, как США собираются использовать газ, чтобы удалить революционный зуб из Европы, нам просто

необходимо бить тревогу. («Война против газа не стала сюрпризом», 21.04.24). Решение вопроса о борьбе с революционерами (газовая операция США) уподобляется удалению зуба, которому предшествовала анестезия газом.

(12) Собирается ли он дальше терпеть очаг чумы на улице Гринель? («Где правительство господина Тардые?», 03.02.30). В данном случае автор называет полпредство Советского Союза «очагом чумы», иронически показывая отношение премьер-министра Франции к действиям советских дипломатов.

- природная (живой мир, растения, животные, природные явления и т.д.):

(13) *The road to the presidency just got steeper for Barack Obama, and all because he pivoted on Tuesday night (Karl Rove, Obama's new vulnerability, February 21 2008).* Тропинка к президентству стала еще уже для Обамы, и все потому, что он резко изменил свою точку зрения во вторник вечером (Карл Роув «Уязвимость Обамы», 21.02.08). Президентская кампания и путь к победе сравниваются с узкой и крутой тропинкой – один неверный шаг, и шансов больше нет.

(14) Правда, пока еще драчунам время от времени дают по рукам. Не успел Борис Грызлов заикнуться о том, что его оппонент Сергей Миронов не будет выдвинут в Совет Федерации от «северной столицы», как тут же был одернут. Борис Вячеславович тут же поджал хвост и отполз за будку. Но это, так сказать, разборки великанов. (А. Рыклин «Суверенные выборы», 14.03.07). Журналист сравнивает политика с провинившимся псом, которому указали на его место – «поджать хвост», «отползти в будку».

(15) Прошедшие региональные выборы произвели эффект пачки дрожжей, брошенной в сливную яму. То есть поперло из всех щелей, и, похоже, тот шторм, что разыгрался сегодня в нашем политическом болоте, в ближайшее время будет только набирать обороты. (А. Рыклин «Все против всех», 18.03.07). В данном случае автор комментирует резонанс прошедших выборов по аналогии с природным явлением – штормом; кроме того, в тексте присутствует и кулинарная метафора – «эффект пачки дрожжей»

(16) И как ни относиться к активности президента последнего времени, Запад из самодовольной спячки он разбудил (Ф. Лукьянов «Сарказм и усталость», 01.11.2007).

Широко представлены природные метафоры, отсылающие к представителям животного мира, от головастика до диких кабанов и медведей, но лишь в современных статьях США и России.

- антропоморфные (семья, быт, отношения супругов, свадьба, похороны и т.д.):

(17) *Вот, честное слово, я бы никогда не стал утомлять наших уважаемых читателей описанием перепалки двух политиков, волею судьбы и Кремля оказавшихся в одной песочнице и делящих лопатки, совочки и ведерки, если бы не одно, как мне кажется, весьма любопытное обстоятельство.* (А. Рыклин «Спор славян между собою», 28.02.07). Журналист сравнивает политиков-конкурентов с детьми, играющими в одной песочнице, и не способными договориться и разделить полномочия.

Очень часто комментируя неудачное выступление или решение, журналисты проводят аналогии со смертью или похоронами:

(18) *There are more problems for Democrats on national security. Led by Ms. Pelosi, House Democrats are digging their party into even deeper difficulty by holding up the bipartisan Senate Project (Karl Rove, Democrats are still weak on security, March 21 2008).* У Демократов возникли новые проблемы в сфере национальной безопасности. Ведомые госпожой Пелози, Демократы погребли себя еще глубже, поддержав двухпартийный проект Сената (Карл Роув «У Демократов нет четкой позиции по вопросу безопасности», 21.03.08). В данном случае автор использует метафору «похоронить себя», комментируя потерю голосов демократами из-за поддержки спорного проекта.

(19) *Весь этот план является по мнению корреспондента мертворожденным («Империалисты продолжают травлю СССР», 20.02.30).* Автор упоминает ребенка, родившегося мертвым, таким образом, читатель может сделать вывод о провальности плана.

(20) *Потому что казалось, что о нынешнем «Яблоке» можно говорить либо хорошо, либо уже ничего. Я бы даже пришел на похороны, если бы таковые были объявлены. Речей бы говорить, конечно, не стал, но цветы бы принес. И, стоя у соседней оградки какой-нибудь давным-давно забытой партии (вроде НДР, например), повздыхал бы о бренности всего сущего. Но против такого сценария восстал бесшумный «яблочный» лидер Григорий Явлинский. Григорий Алексеевич не захотел, чтобы подведомственная ему партия тихо скончалась в кругу родных и близких, оставив по себе разные воспоминания, среди которых, возможно, попались бы и доброжелательные.* (А. Рыклин «И трюмы, полные дерьма», 19.06.07). Автор, говоря о фактическом распаде партии, сравнивает его с похоронами и фантазирует на тему проводов партии и реакции окружающих.

Кроме метафоры, к другим языковым средствам, с помощью которых журналист выражает свое отношение имплицитно, относятся окказионализмы, **языковая игра**. Например:

(21) *Он все перепутал. (Обойдемся без дешевых каламбуров.) (А. Рыклин «Путинка», 17.02.08).* В данном случае журналист, не называя президента, намекает, о ком именно идет речь, используя глагол «перепутать» и говоря о каламбуре, вызывая тем самым ассоциацию с главою страны.

Реже всего языковая игра представлена на фонетическом уровне. Кроме того, существуют и приемы, строящиеся на морфонологической основе, когда используется словообразовательный механизм.

(22) *Carney said he wasn't swept up by Obamania during the campaign, but that he has long respected the president and his new boss, Joe Biden (Andy Barr, Has 'yelled at a few reporters'). Карни заявил, что хотя он не являлся сторонником Обамамани во время предвыборной кампании, но он давно уважает президента и его нового начальника Джо Бидена. (Энди Бар «Крики на репортеров»). **Данная цитата служит иллюстрацией образования новых слов с корнем Обама, а именно возведение в ранг президента и всех его действий.***

Часто журналисты используют фоносемантический потенциал слова:

(23) *С прозванием же партии как-то не вытанцовывается - опробованная Г.А. Зюгановым аббревиатура «жиропень» оказалась недостаточно язвительна. Лидеру КПРФ, как человеку консервативному, возможно, следовало бы обратиться к звучному и сладостному древнегреческому языку. Тогда название одного из источников СР - Партии жизни переводилось бы именем собственным Зиновий, «полный жизненных сил», а Партии пенсионеров - словом «геронт», а вместе получалось бы «геронто-зиновьевский блок», что для всякого коммуниста богато аллюзиями (М. Соколов «Ваши дворник довольно-таки большой пошляк», 20.04.07).*

Перефразирование литературных произведений, пословиц, поговорок, известных цитат также пользуется популярностью:

(24) *What said Peter the Great? "It takes three Jews to outwit a Russian." It will take a great many Russians to outwit a Hughes. («Hughes or McDonald», August, 17 1924). Обратимся к словам Петра Великого. Нужно три еврея, чтобы перехитрить одного русского. Так вот: понадобится немало русских, чтобы справиться с Хьюзом. («Хьюз или Макдональд», 17.08.24).* В данном случае автор сначала цитирует

первоисточник – слова русского императора, а затем представляет свой вариант, высказывания, комментируя отношения советских дипломатов и государственного секретаря США.

(25) *Вероятно, рано еще отказываться от старинной мудрости «Побей коммуниста - он тебя погладит, погладь коммуниста - он тебя пошьет» (М. Соколов «Истый римлянин», 27.04.07).* В данном случае автор перефразирует известную поговорку: «Побей мужика — он тебя погладит, погладь мужика — он тебя пошьет».

(26) *В таком контексте обращение к философскому наследию В.В. Путина следует скорее приветствовать. На билет N 75 легко ответить даже и в режиме вдохновенной импровизации, указав, что «Нанотехнологии юношей питают, // Отраду старым подают, // В счастливой жизни украшают, // В несчастный случай берегут; // В домашних трудностях утеха // И в дальних странствах не помеха», причем «Нанотехнологии пользуют везде: // Среди народов и в пустыне, // В градском шуму и наедине» (М. Соколов «Страшная клятва», 18.05.07).* Журналист перефразировал Оду М.В. Ломоносова «Науки юношей питают», иронизируя на тему включения в билеты по философии МГУ вопроса - роль президента в развитии нанотехнологий.

Следует отметить, что прием языковой игры гораздо чаще встречается в современных текстах. Использование данного приема в 20-30е годы как в русских, так и американских статьях единично.

Гипербола пользуется популярностью среди русских и американских авторов.

(27) *Here is why: She and Bill Clinton both devoutly believe that Obama's likely victory is a disaster-in-waiting. Naive Democrats just don't see it. And a timid, pro-Obama press corps, in their view, won't tell the story. (John F. Harris and Jim VandeHei, What Clinton wishes she could say, April 18 2008).* *И вот почему: И она, и Билл Клинтон, полагают, что победа Обамы подобно ожиданию стихийного бедствия. Наивные Демократы просто не осознают этого. А скромный, пресс-штаб, поддерживающий Обаму, по их мнению, никогда не поделится информацией. (Джон Харрис, Джим Вандехи «Клинтон жалеет, что не сказала этого», 18.04.08).* В случае победы Обамы на выборах, страна будет в опасности, как при стихийном бедствии.

(28) *Сколь бы ни были злоеицы угрожающие ему кремлевские чекисты, сомнительно, чтобы ради П.О. Авена они стали наносить удар по его поместью баллистическими ракетами с ядерными боеголовками, тогда как альфа-бункер, судя по описанию, рассчитывается имен-*

но на ядерную атаку (М. Соколов «Справедливый софист», 11.05.07). Автор иронизирует над причудами бизнесмена, выстроившего бункер, способный противостоять ядерным ударам.

(29) *Левобуржуазная «Эвр» указывает, что добровольные белогвардейские сыщики изобретают одну фантастическую версию за другой, чтобы подкрепить свое дикое требование обыска в полпредстве.* («Гнусная кампания травли французской буржуазной печати против полпредства СССР», 03.02.30). Комментируя статью французской газеты левого толка, автор использует ряд эпитетов: «фантастический», «дикий» и т.д., явно преувеличивая происходящие события.

Литота встречается гораздо реже, автор преуменьшает значение тех или иных событий либо явлений:

(30) *На волжском утесе действительно разворачивалась неприятная интрига - отношения России и ЕС были, мягко говоря, не улучшены* (М. Соколов «Подвески королевы», 22.05.07).

Фальшивая оценка:

(31) *They would be welcomed to the Unites States, so that might aid here in making ducks and drakes of the Constitution. (Swiss barring Bolsheviks, August 17 1924). Их с распростертыми объятиями встретят в США, чтобы они помогли перекроить Конституцию.* («Швейцарцы выставили большевиков»). Автор, освещая действия большевиков на территории Швейцарии, направленные против местных властей, предлагает пригласить их в США. Подтекст в следующем: куда бы не впускали большевиков, они стремятся разгромить местное правительство изнутри страны.

(32) *При этом нельзя не похвалить Ю.М. Лужкова за гуманизм. Указав, что «в большинстве стран Европы аналогичные акции пресекаются намного жестче», мэр присовокупил: «И нам незачем равняться на чужую демократию». Если в Европе полиция дерется гораздо круче, то перенимать тамошние жестокие обычаи в самом деле незачем - лучше держаться более гуманной манеры отечественного мордобоя* (М. Соколов «Ваш дворник довольно-таки большой пошляк», 20.04.07). На самом деле, автор резко критикует мэра за применение силы в разгоне демонстрации.

(33) *Москвичи многократно переизбирали Ю.М. Лужкова, а калмыки - К.Н. Илюмжинова на совершенно свободных выборах* (М. Соколов «Вернут ли народу выборы гады?», 24.04.07). Называя выборы «совершенно свободными», автор имеет в виду прямо противоположное, имея в виду отсутствие других реальных кандидатов.

Ирония:

(34) *One out of five is not a majority. Democrats should keep that simple fact of political life in mind as they pursue the White House (Karl Rove, Democrats are still weak on security, February, 21 2008).* Один из пяти – это отнюдь не большинство. Демократам неплохо бы принять этот очевидный факт политической жизни к сведению в предвыборной гонке за Белый Дом (Карл Роув «Безопасность остается слабым местом демократов», 21.02.08). Журналист иронизирует над заявлением демократов о том, что их обещание вывести войска из Ирака поддерживается большинством избирателей, в то время как по данным официального опроса лишь одна пятая сторонников выступает за.

(35) *Fortunately for Balkan peace the soviet intrigues are, to borrow a striking French phrase, "so sewn with white thread" as to be apparent to the meanest intelligence. (Bulgaria's Armed Strength, August, 16 1924).* К счастью, для мира на Балканах советские интриги, позволим себе позаимствовать замечательное французское выражение, «шиты белыми нитками» и очевидны даже для никудышной разведки. («Вооруженные силы Болгарии», 16.08.24). Автор высмеивает интриги советских шпионов, говоря о том, что их действия очевидны, и ни для кого не являются секретом.

(36) *Далее приезжает Хавьер Солана со скошенными от постоянной правдивости глазами, и международное сообщество легитимизирует истинного, т. е. оппозиционного победителя, у которого пытались украсть победу, но правда восторжествовала (М. Соколов «Ум острый и пронизательный», 10.07.07).* Журналист фантазирует на тему проведения альтернативных, честных выборов, за которые выступила партия «Другая Россия», показывая абсурдность и нелепость подобного предложения.

(37) *Как известно, факт подлога был установлен с такой неопровержимостью, что даже французские следственные власти и прокуратура, которых никто не заподозрит в симпатиях к советскому союзу, в свое время, год с лишним тому назад, нашли необходимым подвергнуть обвиняемых предварительному заключению («Где правительство господина Тардьё?», 03.02.30).* В данном случае объектов иронии выступает прокуратура Франции, которая никогда не поддерживала действия советских властей.

Подведем итоги. Имплицитность широко представлена в текстах массово-информационного дискурса с маркированной идеологической тональностью. Способами выражения имплицитного значения являются следующие приемы: метафора, гиперболa, литота, фальшивая оцен-

ка, ирония, языковая игра и др. Наиболее часто употребляемые метафоры в статьях с маркированной идеологической тональностью социальные, а именно военные, на тему охоты, а также антропоморфные (смерть, похороны) и природные (животные и стихийные бедствия). Кроме того, в текстах современных СМИ, в отличие от советских статей, часто встречаются метафоры библейского происхождения, что объясняется невозможностью использовать подобные приемы в 30 годы в соответствии с идеологией того времени. Необходимо также отметить, что современные статьи обеих культур отличаются большей интертекстуальностью (прием языковой игры используется очень часто), шире палитра имплицитности как количественно, так и качественно (более разнообразные виды метафор). На наш взгляд, это объясняется изменением историко-культурных условий, а именно демократизацией общества и влиянием глобализации.

Список литературы

1. Жабина Е. В. Эксплицитные и имплицитные средства выражения доверия / недоверия в современном немецком политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007. 208с.
2. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 519 с.
3. Колосова Т. А. Опыт логического анализа семантики некоторых имплицитивных конструкций в русском языке // Структурно-математические методы моделирования языка. Киев : Наукова думка, 1970. С. 22-29.
4. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996. 700с.
5. Сыщиков О. С. Имплицитность в деловом дискурсе: на материале текстов коммерческих писем: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 206с.

List of literature

1. Zhabina E. V. Eksplitsitnye i implitsitnye sredstva vyrazheniya doveriya / nedoveriya v sovremenном nemetskom politicheskom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk. Tambov, 2007. 208s.
2. Karasik V. I. Yazykovye klyuchi. Volgograd: Paradigma, 2007. 519s.
3. Kolosova T. A. Opyt logicheskogo analiza semantiki nekotoryh implikativnyh kon-struktsiy v russkom yazyke // Strukturno-matematicheskie metody modelirovaniya yazy-ka. Kiev : Naukova dumka, 1970. S. 22-29.
4. Nikitin M. V. Kurs lingvisticheskoy semantiki. SPb., 1996. 700s.
5. Syschikov O. S. Implitsitnost' v delovom diskurse: na materiale tekstov kommercheskih pisem: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2000. 206s.

**ПОЛИПРЕЦЕДЕНТНЫЕ МОДЕЛИ ЗАГОЛОВКОВ
В БРИТАНСКОЙ ПРЕССЕ**

И. П. Зырянова

Статья посвящена исследованию прецедентных феноменов в заголовках британских СМИ. В ходе исследования выделяются две модели, по которым создается полипрецедентность в заголовке. Как результат, выделяются ментальные сферы-источники, которые задействованы при ее создании.

Ключевые слова: прецедентный феномен, полипрецедентность, сфера-источник, СМИ.

Теория прецедентности, опирающаяся на основные положения интертекстуальности, стала одной из актуальных и дискуссионных проблем в современной филологии. Выделенные отечественными исследователями (Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных) единицы системы прецедентных феноменов (ПФ) изучаются в качестве материализованных знаков интертекстуальности, тезаурусных форм ее существования. Активное развитие когнитивного и культурологического подхода к изучению языковых фактов позволяет рассматривать подобного рода вербальные единицы как один из способов хранения и передачи информации, особым образом структурированное знание, обладающее культурно специфическими коннотациями [2. С. 5].

Одним из способов классификации прецедентных феноменов является их разделение в соответствии с ментальными сферами-источниками, изначально предложенное Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [6]. Перспективность такого изучения отмечается многими исследователями в связи с определением той сферы фоновых знаний, в которую оказывается «погруженным» адресат соответствующих текстов (М.А. Алексеенко, Е.А. Земская, Ю.Н. Караулов, Г.Г. Слышкин, О.П. Боярских и др.). Однако данная классификация требует дополнений, необходимость которых продиктована наличием заголовков, отличающихся полипрецедентностью, то есть наличием в них несколько сфер-источников культурного знания. Данное явление является следствием того, что «текст не может неподвижно

застыть (скажем, на книжной полке), он по природе своей должен сквозь что-то двигаться - например, сквозь произведение, сквозь ряд произведений» [1. С. 415]. Использование такого рода заголовков позволяет активизировать несколько областей фоновых знаний читателя путем разгадывания нового текста. Количество полипрецедентных заголовков от общего количества проанализированного нами материала (1300 единиц) составляет 6,53%. В ходе исследования ПФ были выявлены следующие модели, по которым создается полипрецедентность:

Модель 1: отнесение одного и того же прецедентного феномена к двум и более ментальным сферам-источникам. Данное явление является следствием того, что некоторые прецедентные феномены являются «достоянием» произведений, представленных в разных видах искусства. Часто при знакомстве с реинтерпретацией носитель языка не воспринимает ее как таковую. Он разгадывает прецедентный феномен, но не определяет его первоисточник или не придает этому факту значения. В подобных случаях реинтерпретация воспринимается как оригинальный текст [4. С. 83].

С точки зрения Ю.Н. Караулова, данное явление обусловлено тем, что прецедентные тексты «перешагивают рамки искусства, где исконно возникли, воплощаются в других видах искусств..., становясь тем самым фактом культуры в широком смысле слова и получая интерпретацию у новых и новых поколений» [3. С. 106].

Модель 2: использование двух и более прецедентных феноменов, каждый из которых относится к разным ментальным сферам-источникам. В заголовках, созданных по данной модели, смысл построен на соединении подтекстов первоисточников, которые вместе порождают новый смысл.

Выявленные пограничные сферы-источники и их частотность представлены в таблице 1.

Таблица 1

Полипрецедентность в заголовках британской прессы

Пограничные сферы-источники культурного знания	Заголовки, %
литература – киноискусство	42,9
мюзиклы, пьесы – киноискусство	19,0
литература – мультфильмы	11,9

Язык СМИ

музыка – киноискусство	9,5
комиксы – киноискусство	9,5
история – религия	2,4
музыка – спорт	2,4
телевидение – история	2,4
Итого:	100,0

Проанализируем их согласно частоте их представленности.

Литература – киноискусство (42,9%)

В данную сферу-источник входят преимущественно художественные произведения (первоисточники ПФ) и их экранизации (реинтерпретации). Это происходит в связи с тем, что в настоящее время кино является более популярным видом искусства, чем литература, и именно оно является одним из главных источников пополнения знаний представителя британского лингво-культурного общества. Высокочастотными стали ПФ *James Bond* (литературный герой, главная фигура серии фильмов), *From Russia With Love* (роман Яна Флеминга 1957 г., экранизирован в 1963 г.), *Rich Man, Poor Man* (произведение Ирвин Шоу 1969 г., экранизированное в 1983 г.),

New York's cultural economy. Art and the city (the Economist, September 6, 2007). ПФ *Sex and the City* появляется в 1994 году в одноименной колонке в газете New York Observer. Как результат ее популярности, Кэндэс Бушнелл, ее автор, пишет книгу, на основе которой создается сериал, сделавший изначальный сюжет широко известным.

Заголовок *Build it, and they will come* (The Economist, January 15, 2009), построенный по модели 1, представлен высказыванием, которое стало известным благодаря кинофильму Field of Dreams (США, 1989 год). Данная фраза, в свою очередь, была взята из романа В.П. Кинселла «Shoeless Joe», чьей экранизацией является данная кинолента. Однако изначально данный ПФ был создан Ральфом Уолдо Эмерсоном (1803 – 1882 гг.), одним из выдающихся поэтов и писателей США, и звучит как «Build a better mousetrap, and the world will beat a path to your door».

Пьесы, мюзиклы – Киноискусство (19,0%)

В состав данной пограничной группы входят заголовки, построенные по модели 1. Наиболее частотными ПФ стали *the Odd Couple* (популярный бродвейский мюзикл Нейла Саймона 1965 года, на

основе которого был снят одноименный фильм), *the Iceman Cometh, Promises, Promises*.

Promises, promises (the Economist, June 21, 2007). В заголовке используется ПФ *Promises, Promises* – мюзикл, основанный на фильме 1960 года «The Apartment».

The Iceman cometh not (the Economist, May 31, 2007). Основу заголовка составляет название пьесы Ю. О'Нейла «The Iceman Cometh». Данное произведение было поставлено на Бродвее в 1946 году и, в связи с его популярностью, было экранизировано. Данный факт позволяет говорить о контаминации указанных сфер-источников в сознании среднего представителя британского лингвокультурного общества относительно этого ПФ.

Литература – Мультфильмы (11,9%)

В данную подгруппу включены ПФ, изначально возникшие как детские литературные произведения, которые впоследствии послужили основой для создания мультфильмов. Наиболее частыми ПФ являются *Beauty and the Beast, Winnie the Pooh, Alice in the Wonderland*.

В заголовке *Beauty in the beast* (the Guardian, July 14, 2007) обыгрывается название знаменитой сказки «Beauty and the Beast», первый письменный вариант которой датируется 1740 годом. Узнаваемую внешность данные герои получили в 1991 году, когда компания Уолт Дисней создала одноименный мультфильм.

Why Winnie the Pooh should shape US foreign policy (the Telegraph, June 17, 2008). Winnie the Pooh – сказочный герой, придуманный А. Мильне в 1926 году. Его визуальный образ, который закрепился в британском лингвокультурном обществе, создан компанией Уолт Дисней. Таким образом, в совокупности данные характеристики, относящиеся к различным сферам-источникам, составляют данное прецедентное имя.

Музыка – Киноискусство (9,5%)

В данную сферу-источник вошли заголовки, созданные по модели 1, представленные ПФ *Home, Sweet Home, Man of the Hour, Diamonds Are a Girl's Best Friend*.

Pakistan's political turmoil. Man of the hour (the Economist, August 28, 2008). Песня *Man of the Hour* была написана как саундтрек к фильму «Big Fish» и была выпущена впоследствии как самостоятельная композиция.

Sex and the City. A girl's best friend (the Telegraph, May 16, 2008). Песня *Diamonds Are a Girl's Best Friend*, ссылка на которую исполь-

зуется в заголовке, стала популярной после ее исполнения Мэрилин Монро в фильме «Gentlemen Prefer Blondes».

Комиксы – Киноискусство (9,5%)

Данная пограничная сфера-источник характерна только для заголовков британской прессы. ПФ, которые сюда включены, изначально созданы в сфере-источнике «Комиксы», откуда затем перешли в сферу-источник «Киноискусство».

Ghost rider myth and reality of a Tour tragedy (the Independent, 16 July 2007). ПФ *Ghost Rider* является героем комиксов, опубликованный компанией Marvel Comics, на основе которого в дальнейшем был создан широко известный одноименный фильм.

Jealousy brings down superwoman (the Times, December 22, 2006). Знаменитый герой комиксов *Superhero*, созданный в 1938 году, неоднократно являлся главным действующим лицом в детских сериалах и фильмах, что позволяет отнести данный ПФ в пограничную сферу-источник.

История – Религия (2,4%)

Необходимость выделения данной пограничной сферы-источника продиктована наличием заголовка, построенного по модели 2, где наблюдается слияние указанных сфер-источников для передачи замысла автора:

With Marx, Lenin and Jesus Christ (the Economist, January 11, 2007).

Музыка – Спорт (2,4%)

Данная группа представлена заголовком, построенным по модели 1: *A Scottish Vindaloo* (the Economist, October 1, 2005). *Vindaloo* – пародийная песня, ставшая неофициальным гимном чемпионата по футболу 1998 года.

История – Телевидение (2,4%)

Данная пограничная сфера-источник представлена заголовком, созданным по модели 2:

Russia's government: Comrade Who (the Economist, September 13, 2007). В заголовке наблюдается соединение ПФ *Comrade*, традиционное обращение в коммунистических странах, в частности в СССР, и *Doctor Who*, название британского научно-фантастического телесериала компании BBC.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что при классификации прецедентных феноменов по сферам-источникам целесообразно выделять пограничные ментальные сферы, в частно-

сти, по выделенным нами моделям. Самыми активными, способными к взаимодействию являются составляющие массовой культуры: сферы-источники «Художественная литература», «Киноискусство», «Мультфильмы», «Музыка», «Мюзиклы», «Комиксы».

Список литературы

1. Барт Р. Избранные труды: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
2. Боярских О. С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дис-курсе российских печатных СМИ (2004 – 2007 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Тагил, 2008.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987
4. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.
5. Черногрудова Е. П. Заголовки с прецедентными текстами в современной публицистике (на материале центральной, региональной и местной прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003.
6. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago, 1980.

List of literature

1. Bart R. *Izbrannyye trudy: Semiotika. Poetika*. M., 1994.
2. Boyarskih O. S. *Pretsedentnyye fenomeny so sferoy-istochnikom «Literatura» v dis-kurse rossiyskikh pechatnyh SMI (2004 – 2007 gg.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Nizhniy Tagil*, 2008.
3. Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'*. M., 1987
4. Slyshkin G. G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnyh tek-stov v soznanii i diskurse*. M., 2000.
5. Chernogradova E. P. *Zagolovki s pretsedentnymi tekstami v sovremennoy publitsistike (na materiale tsentral'noy, regional'noy i mestnoy pressy): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh*, 2003.
6. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago, 1980.

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ АДВЕРБИАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В СОСТАВЕ КОНСТРУКЦИИ “COME (GO) + PI”

М. А. Анохина

В статье рассматриваются особенности употребления адвербиальных глаголов в рамках конструкции “come (go) + PI”. Данная конструкция широко распространена в английском языке.

Ключевые слова: адвербиальные глаголы, конструкция, лексико-семантическая группа (ЛСГ).

В нашей работе под адвербиальными глаголами мы понимаем глаголы, у которых компоненты качественной характеристики действия ингерентно присутствуют в их семантической структуре. Это такие глаголы, как creep, dash, frisk, glide, stumble, clank, roar и др. Данные глаголы представляют собой пример «сжатия» смысла, поскольку значение глагола выражает не только действие, но и его качественную характеристику.

Адвербиальные глаголы могут употребляться в рамках конструкции «come (go) + PI», состоящей из глагола в личной форме (go, come) и причастия I. Адвербиальные глаголы, выраженные причастием I, относятся к различным ЛСГ: движения (**amble, stumble, tumble, sapep**), физических действий (**kilt, smack**), мимических действий (**wink**), поведения (**protest**), говорения (**call, whisper, halloo**). Например:

(1) *She came hallooing to the window, “How do you do, my dear?”* (J. Austen).

Общее значение данной конструкции может быть сформулировано как «действовать указанным в причастии способом».

(2) *Lower down the path they came dragging the other man out of the bushes* (J. Fowles).

В данном предложении адвербиальный глагол, относящийся к ЛСГ физических действий, указывает на манеру передвижения героев.

(3) *They came ambling and stumbling, tumbling and capering, kilting their gowns for leap frog, holding one another back, shaken with deep false laughter, smacking one another behind and laughing at their rude malice, calling to one another by familiar nicknames, protesting with sudden dignity at some rough usage, whispering two and two behind their hands (J. Joyce 1982b).*

В приведенном примере второй компонент сказуемого выражает его качественную характеристику. Профилируемые компоненты семантического состава адвербиальных глаголов указывают на характер движения. Морфологический повтор глаголов с созвучными элементами передает веселое настроение компании и придает определенный ритм повествованию.

Особый интерес представляют конструкции, в которых глагол в личной форме и причастие I относятся к одной лексико-семантической группе – ЛСГ движения. С одной стороны, подобное употребление глаголов выражает итеративность в номинации действия, с другой – раскрывает особенности его протекания. Приведем примеры:

(4) *At two Carrie came tripping along the walk toward him, rosy and clean (T. Dreiser).*

(5) *At the moment Aunt Kate came toddling out of the supper-room, almost wringing her hands in despair (J. Joyce 1982a).*

Адвербиальный глагол, как правило, занимает позицию причастия I, указывая на способ перемещения, цель, скорость, временной промежуток и т.д., а глаголы *go* и *come* указывают на направление перемещения в пространстве (приближение или удаление субъекта). Адвербиальный глагол в этом случае выступает в качестве «сателлита», описывающего Способ как глубинный элемент. Например:

(6) *In the process, Wittworth watched the van go zinging by (H. Coyle).*

(7) *They swooped along, squeezing the guests to the walls, and disappearing out into the front hall, where they reversed and came tangoing back again oblivious to the sobbing of Gomer's wife (L. Thomas).*

Интерес вызывают примеры, в которых адвербиальный глагол одновременно описывает движение и его звуковое сопровождение. Например:

(8) *He heard the carts go lumbering by upon the neighbouring streets, but they were far off, and only buzzed upon his ear (T. Dreiser).*

(9) *I entered the cool hall which smelt of furniture polish, flowers and*

herbs and Miz Magnolia came pitter-pattering down the parquet to greet me, like a thread of smoke clad in chiffon and scent ... (G. Durrell).

Адвербиальные глаголы, выражаемые причастием I, уточняют особенности протекания действия, профилируя компоненты Скорость и Звуковое сопровождение.

Используя терминологию М.В. Никитина [1], можно сказать, что один из импликациональных признаков значения глагола в личной форме (go, come) становится интенциональным признаком значения причастия I (limp, amble, stumble, toddle, toil и т.д.).

(10) *Hermes came toiling up the path in his methodical peasant way* (J. Fowles 1965).

(11) *He came zooming down the street on his motorbike* (MED).

В данных предложениях инкорпорированные компоненты Скорость и Способ в причастии I характеризуют перемещение героя как медленное и с усилием (toil), и как быстрое и энергичное (zoom).

Гораздо реже в художественной литературе можно встретить примеры, когда адвербиальный глагол в рамках подобной конструкции употребляется не только в форме причастия I, но и в личной форме. Например:

(12) *Ellie stole into the room walking on tiptoe, afraid to make even the slightest noise* (M. Hudson).

Подводя итог, подчеркнем, что данные конструкции придают многомерность описываемым действиям и широко используются в нарративном регистре. Подобные конструкции широко употребляются в английском языке благодаря разнообразию глаголов, указывающих не только на идею передвижения, но и раскрывающих тончайшие нюансы совершения действия.

Список литературы

1. Никитин, М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика): учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1983. 127 с.

List of literature

1. Nikitin, M. V. Leksicheskoe znachenie slova (struktura i kombinatorika): ucheb. posobie. M. : Vyssh. shk., 1983. 127 s.

Источники цитируемых примеров

1. Austen, J. Sense and Sensibility. New York : The New American Library, 1961. 314 p.

Sources of examples cited

1. Austen, J. Sense and Sensibility. New York : The New American Library, 1961. 314 p.

2. Coyle H. Trial by Fire. New York : Pocket Books, 1993. 528 p.
 3. Dreiser T. Sister Carrie. Moscow: Higher School Publishing House, 1968. 594 p.
 4. Durrell G. Marrying off Mother and Other Stories. London : Fontana, 1992. 197 p.
 5. Fowles J. The Magus. Moscow : Progress Publishers, 1965. 605 p.
 6. Hudson M. The Forever Promise. Toronto, New York : Harlequin Books, 1986. 302 p.
 7. Joyce J. Dubliners. Moscow : Progress Publishers, 1982a. 180 p.
 8. Joyce J. A Portrait of the Artist as a Young Man. Moscow : Progress Publishers, 1982b. 220 p.
 9. MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. Oxford : Macmillan Publishers Ltd, 2002. 1692 p.
 10. Thomas L. The Loves and Journeys of Revolving Jones. London : Mangarin Paper-backs, 1991. 438 p.
2. Coyle H. Trial by Fire. New York : Pocket Books, 1993. 528 p.
 3. Dreiser T. Sister Carrie. Moscow: Higher School Publishing House, 1968. 594 p.
 4. Durrell G. Marrying off Mother and Other Stories. London : Fontana, 1992. 197 p.
 5. Fowles J. The Magus. Moscow : Progress Publishers, 1965. 605 p.
 6. Hudson M. The Forever Promise. Toronto, New York : Harlequin Books, 1986. 302 p.
 7. Joyce J. Dubliners. Moscow : Progress Publishers, 1982a. 180 p.
 8. Joyce J. A Portrait of the Artist as a Young Man. Moscow : Progress Publishers, 1982b. 220 p.
 9. MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. Oxford : Macmillan Publishers Ltd, 2002. 1692 p.
 10. Thomas L. The Loves and Journeys of Revolving Jones. London : Mangarin Paperbacks, 1991. 438 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ В ПЕРЕВОДЕ

А. В. Кулаженко

В данной статье мы представили новизну восприятия ситуаций представителями различных национальных культур. Для истинного перевода требуется не только знание языка, но также и знание национальных и культурных особенностей страны. Предварительным условием для истинной передачи слов, выражающих факты материальной жизни на другом языке, является зпредварительное знание переводчика об описанном.

Ключевые слова: лингвольтурный аспект в переводе; культурный компонент значения слова; фоновое знание, национальный, коннотация.

Вопрос связи языка с культурой - это один из тех вопросов языкознания, изучение которого имеет действительно практическую пользу. Без знания соответствующих коннотаций, присутствующих в иностранном языке, невозможно полностью понять весь смысл, заложенный в том или ином высказывании.

Перевод - сложное многогранное понятие, требующее от специалиста не только безупречного знания языка, но и умения различать смысловые и стилевые оттенки письменной или устной речи; знания истории языка и знание самой истории и развития культуры общества [1. С. 54].

Как известно, слово - носитель не только актуальной информации, передаваемой в ходе повседневной речевой коммуникации; оно вместе с тем аккумулирует социально-историческую информацию, интеллектуальную и экспрессивно-эмоциональную, оценочную, общегуманистического и конкретно национального характера. Такая информация и составляет социально-исторический, национально обусловленный культурный компонент смысловой структуры слова.

Культурный компонент смысла слова для носителей конкретного языка непосредственно выявляется в текстах, в которых так или иначе, по тому или иному поводу сопоставляются социально-исторические срезы эпох, сложившиеся стереотипы мышления, речевого поведения представителей разных слоев общества, профес-

сий, политических групп и т.п. Культурный компонент значения слова становится очевидным при сопоставлении, столкновении автором художественного произведения социально-речевых характеристик персонажей [2. С. 94].

Приведем наблюдение над своеобразием восприятия одинаковых или аналогичных ситуаций представителями разных национальных культур (соответственно - разных языков) и социально-культурных ареалов. В свое время о человеке, склонном проявлять излишнее старание там, где это не нужно, говорили, что он «собирается в Тулу со своим самоваром». Французы со свойственным им легким юмором выражают эту мысль словами «зажечь факел, чтобы увидеть солнце». Но, пожалуй, эффектнее всех говорят об этом индонезийцы: «Греби вниз по течению, и над тобой будут смеяться крокодилы» [3. С. 235]. Кстати, обратите внимание, что на экваторе смеются крокодилы, в то время как в наших широтах это делают куры”.

Коннотативный культурный компонент смысла некоторых слов выступает в качестве переносно-метафорического значения данной лексической единицы. Например, шляпа наряду с прямым значением имеет переносно-метафорическое: о вялом, неэнергичном, ненаходчивом человеке. В немецком языке эквивалент слова шляпа в этом значении - *Slappschwanz* ‘вялый хвост’. Слово тряпка наряду с предметными значениями выступает в разговорной речи с переносно-метафорическим значением (с оттенком пренебрежительности): о бесхарактерном, слабовольном человеке. Ср. эквиваленты этого значения слова тряпка во французском языке: *roule mouillée* ‘мокрая курица’, в английском: *milksop* - буквально ‘хлеб, размокший в молоке’ [4. С. 83].

Наиболее явственно культурный компонент смысла слова проявляется при сопоставлении национальных культур, в частности при изучении неродного языка. Само собой разумеется, что возможность правильно передать обозначения вещей, о которых идет речь в подлиннике, и образов, связанных с ними, предполагает определенные знания о той действительности, которая изображена в переводимом произведении, независимо от того, приобретены ли такие знания путем прямого знакомства с ней или почерпнуты из книг либо иных источников [5. С. 105].

За этими знаниями, как в страноведении, так и в сопоставительном языкознании и теории перевода закрепилось в последнее время определение «фоновых»: как явствует из самого значения термина,

имеется в виду совокупность представлений о том, что составляет реальный фон, на котором разворачивается картина жизни другой страны, другого народа.

Одна из пьес Д. Голсуорси озаглавлена “The Silver Box” по названию вещи, которая в ее сюжете играет большую роль, это - небольшая серебряная коробка, какие в состоятельных английских домах ставятся на столе для сигарет. Переводить это заглавие как «Серебряный портсигар» или «папиросница» было бы ошибочно: портсигар носится в кармане и меньше по размерам, чем коробка, о которой идет речь. Поэтому правильно поступила переводчица Г.А.Островская, озаглавив перевод просто «Серебряная коробка», а назначение самой коробки, раскрыв в обстановочной ремарке как «серебряная коробка для сигарет»[б. С. 70].

Итак, предпосылкой для верной передачи слов, выражающих реалии материального быта, является знание самих вещей, стоящих за этими словами, верное представление о них. Если же сама вещь не названа прямо, а описана перифрастически или изображена метафорически, то задача еще более усложняется. Национально-специфические реалии многочисленны в рамках каждой определенной культуры и могут быть установлены различные их группы и подгруппы по признаку принадлежности к той или иной сфере материального быта, духовной жизни человека, общественной деятельности, к миру природы и т. д.

Делая выводы, стоит подчеркнуть, что лингвокультурный аспект перевода, пожалуй, один из самых сложных и многогранных переводческих аспектов. Однако не только самых сложных, но и самых интересных и познавательных. Как доказывают многочисленные примеры, национально-культурное содержание лексики играет важную роль в прикладном языкознании, переводоведении, в практике преподавания и изучения иностранного языка.

Список литературы

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение. М. : ИОСО РАО, 2001. 224 с.
2. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. М. : ЧеРо, 1999. 134 с.

List of literature

1. Vinogradov V. S. Vvedenie v perevodovedenie. M. : IOSO RAO, 2001. 224 s.
2. Komissarov V. N. Obschaya teoriya perevoda. M. : CheRo, 1999. 134 s.

3. Федоров А. В. Введение в теорию перевода. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1953. 336 с.
4. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М. : Высш. шк., 1983. 304 с.
5. Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова. М. : Рус. яз., 1980. 150 с.
6. Томахин И. В. Понятие лингвострановедения, его лингвистические и лингводидактические основы // ИЯШ. 1980. №3.77 с.
3. Fedorov A. V. Vvedenie v teoriyu perevoda. M. : Izd-vo literatury na inostran-nyh yazykah, 1953. 336 s.
4. Fedorov A. V. Osnovy obschey teorii perevoda. M. : Vyssh. shk., 1983. 304 s.
5. Vereschagin E. M. Lingvostranovedcheskaya teoriya slova. M. : Rus. yaz., 1980. 150 s.
6. Tomahin I. V. Ponyatie lingvostranovedeniya, ego lingvisticheskie i lingvodi-dakticheskie osnovy // IYaSh. 1980. №3.77 s.

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВНЕШНЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ
ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ УДИВЛЕНИЯ
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ¹**

Ю. Н. Куличенко

Данная статья посвящена рассмотрению языковых средств описания мимического выражения внутреннего состояния удивления в русском и английском языках в сопоставительном аспекте. Материалом для анализа послужили тексты художественной литературы.

Ключевые слова: сопоставительное исследование русского и английского языков, эмоция, мимика, семантическая и смысловая структура глаголов.

Внутреннее состояние человека, его мысли, чувства и эмоции можно понять по его мимике, т.е. выразительным движениям лица, которые могут осуществляться сознательно, стремясь выразить или подчеркнуть то или иное настроение, или непроизвольно, бессознательно, под влиянием внешних факторов. Удивление, впечатление от чего-то неожиданного и странного, непонятного, также проявляется внешне. «Представляя собой одну из фундаментальных эмоций, удивление выступает в качестве родовой характеристики homo sapiens, поскольку оно предворяет человеческое познание и стимулирует его развитие. Являясь неотъемлемым компонентом духовной культуры, эмоция удивления, при всей своей универсальности, проявляет в разных языках определенную специфику вербализации, обусловленную присущей говорящим субъективностью интерпретации окружающей действительности, что представляет несомненный интерес для лингвистики» [2. С. 3].

В психологии нет однозначного трактования удивления: считать ли его эмоцией или нет, признать его позитивным или негативным переживанием и т.д.

Большинство ученых признает удивление эмоцией и относит к разряду интеллектуальных. Под интеллектуальными эмоциями

¹ Статья написана при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009 – 2013» (Госконтракт № 02.740.11.0367)

(чувствами) понимают специфические переживания, возникающие у человека в процессе мыслительной деятельности [4. С. 210]. Об удивлении как побудителе познания писал еще Аристотель. Согласно его представлениям, оно служит как бы переходом от познания простых вещей к все более сложным. При этом эмоция удивления развивается в ходе познания. Р. Декарт развил мысль Аристотеля о том, что познание начинается с удивления. В ряду шести основных «чувств» на первое место он ставил «чувство» удивления. Он считал удивление первой из всех страстей, потому что мы удивляемся до того, как определяем ценность предмета. Удивление не имеет противоположной себе эмоции. И. Кант определял удивление как чувство замешательства при встрече с чем-то неожиданным. Глубокий анализ эмоции удивления дал К.Д. Ушинский. Он полагал, что в удивлении к чувству неожиданности присоединяется сознание трудности примирить новое для нас явление с теми представлениями, которые уже имеются у человека [4. С. 211 – 212]. К. Изард считает, что удивление нельзя назвать эмоцией в собственном смысле этого слова, ибо оно не обладает тем набором характеристик, которые присущи таким базовым эмоциям, как радость или печаль [3. С. 190]. Как отмечает данный исследователь, большинство людей расценивают чувство удивления как позитивное переживание, однако он также приводит точку зрения С.Томкинса, согласно которому удивление занимает промежуточное положение между позитивными и негативными эмоциями, и некоторые эксперименты подтверждают данное предположение [3. С. 191 – 192].

Внешними признаками удивления, по данным психологов, являются широко открытые глаза, высоко поднятые брови, в результате чего на лбу появляются продольные морщины, опущенные вниз кончики губ, приоткрытый рот принимает овальную форму [3. С. 190]. В повседневной жизни наиболее характерными признаками являются высоко поднятые брови, вопросительный взгляд, широко открытые глаза и приоткрытый рот. Подтверждение этому можно найти в текстах русской и английской классической литературы.

Сигналы глаз служат ярким показателем эмоций, охватывающих человека. Удивление, прежде всего, проявляется во взгляде, поэтому одним из наиболее распространенных способов репрезентации данного чувства можно считать глаголы зрительного восприятия (*глядеть, смотреть, взглянуть, поглядывать, поглядывать, уставиться, look, stare, gaze* и др.) Анализ практического материала

ла показал, что в русском языке для описания состояния удивления преимущественно используется доминанта данного синонимического ряда *смотреть*, обладающая нейтральными характеристиками, в то время как в английском языке в той же функции используются глаголы *stare* (“to look at sb/sth for a long time” (букв.: «смотреть на кого-, что-л. в течение долгого времени»)), *gaze* (“to look steadily at sb/sth for a long time, either because you are very interested or surprised, or because you are thinking of sth else” (букв.: «долго, пристально глядеть на кого-, что-л., т.к. очень заинтересованы, удивлены или думаете о чем-то другом»)) и *glance* (“to look quickly at sth/sb (букв.: «бросить быстрый взгляд на кого-, что-л.»)), отличающиеся большей интенсивностью действия. В отличие от русского языка, в котором глаголы, выражающие долгий, пристальный взгляд (*уставиться, таращиться, пялиться*), принадлежат разговорному стилю, данные лексические единицы нейтральные. При переводе данные глаголы могут быть представлены одним эквивалентом *смотреть* (или глаголом *посмотреть* с тем же значением):

1. *He gazed at her in some surprise* [11. С. 302]. – Эндрию *посмотрел* на нее с некоторым изумлением [6. С. 283].

2. *Andrew glanced at him in some surprise* [11. С. 112]. – Эндрию *посмотрел* на него с некоторым удивлением [6. С. 107].

3. *He stared after her in blank surprise* [11. С. 289]. – Эндрию *смотрел* ей вслед с тупым удивлением [6. С. 272].

Данные лексические единицы нейтральные, в отличие от русского языка, в котором глаголы, выражающие долгий, пристальный взгляд (*уставиться, таращиться, пялиться*), принадлежат разговорному стилю:

– *Я решился драться с вами.*

Базаров вытаращил глаза.

– *Со мной?* [9. С. 144].

Глагол *таращиться* означает «смотреть широко раскрытыми глазами», в своем первом значении включает в себя семантику удивления «О глазах: широко раскрываться от удивления, страха» [8. С. 789 – 790]. Это подчеркивает еще одну особенность внешнего проявления состояния удивления: человек, испытывая это чувство, широко раскрывает глаза. Например, *He saw Christine’s eyes widen in surprise* [11. С. 113]. – *Он видел, что Кристин от удивления широко раскрыла глаза* [6. С. 108].

Когда человек удивляется чему-либо, его глаза широко открываются (причем, чем больше удивляется человек, тем шире раскрывает

глаза). Связь этих внешних изменений человека с его внутренним состоянием выражают некоторые фразеологические единицы как в русском, так и в английском языке: *делать/ сделать большие/ круглые глаза; смотреть широко раскрытыми глазами; выкатить/ вылупить/ выпучить/ вытаращить/ пялить глаза; глаза на лоб лезут/ полезли; make big eyes, open one's eyes, one's eyes stand out of the head; не верить своим глазам, cannot believe their eyes*. Единицы, характеризующие удивление, недоумение субъекта, разнородны по своему составу. Их глагольные компоненты представлены лексемами разных лексико-семантических групп: созидательной деятельности (*делать, make*), субъектного перемещения (*лезть, stand out of*), объектного перемещения (*выкатить*), восприятия (*смотреть*).

Интегральная сема 'характер субъекта' в семантической структуре данных глаголов реализована в виде дифференциальных признаков 'одушевленный', 'конкретный', 'активный'. В смысловой структуре данная сема не меняется, так как субъектом действия выступает человек. Например:

– *Мне теперь не до гостей. - Я сделал большие глаза. Что значило это хозяйское. Повелительное «мне»? – 'I have no wish for guests.' I opened my eyes. What was the meaning of that masterful, authoritative 'I'? [5, 110].*

Исключением являются фразеологизм *глаза на лоб лезут / полезли, one's eyes stand out of the head* (букв.: «глаза выходят из головы»). В данных выражениях в роли субъекта выступают глаза, таким образом, интегральная сема 'характер субъекта' реализуется в виде дифференциальных признаков 'неодушевленный', 'абстрактный', 'активный' в следующих примерах:

- *На какую сумму желаете застраховать?*
- *На десять тысяч.*

У девушки глаза полезли на лоб. Это был редкий, прямо-таки невероятный случай, чтобы клиентка сама добровольно обратилась в бюро, обычно приходилось ходить по домам, разъяснять, агитировать, да еще на такую сумму [1, 60];

На бюро Козырин все грехи, и общие, и свои личные, свалил на Кижеватова. У того глаза лезли на лоб, и от растерянности он не мог сказать ничего толкового в свое оправдание [1, 60 – 61].

Фразеологические единицы данной группы различаются степенью интенсивности действия и проявлений эмоций. Нейтральными являются фразеологизмы *делать / сделать большие / круглые гла-*

за; смотреть широко раскрытыми глазами; *make big eyes* (букв.: «делать большие глаза»), *open one's eyes* (букв.: «открыть глаза»). Наиболее распространенным выражением из вышеперечисленных является фразеологизм *делать большие глаза*: *Подали шампанское. Когда пробка выскочила и вино брызнуло вон, они сделали большие глаза* [10. С. 130]; *Когда старые знакомые встречали Николая Яковлевича где-нибудь на улице, то делали большие глаза и качали головами* [10. С. 130]. Высокой степенью интенсивности обладают выражения *выкатить / выдунуть / выпучить / вытаращить / пялить глаза; глаза на лоб лезут / полезли; one's eyes stand out of the head*. Например: *Как глянул он, что делается на улице, глаза у него на лоб полезли: визг, хохот, крики* [10. С. 104]; *На одной из повозок преспокойно сидел интендант и что-то жевал. Когда я сказал ему, что он находится в тылу у немцев, у него глаза полезли на лоб* [10. С. 104]. Данное выражение передает состояние крайнего удивления, недоумения субъекта.

Высокой степенью интенсивности обладает и фразеологизм *one's eyes stand out of the head* (букв.: «глаза выходят из головы»): *'Give him two double whiskies.'* *My eyes stood out of my head: I had never tasted whisky before –*

– *Дайте ему двойную порцию!*

У меня глаза полезли на лоб: я ведь никогда не пробовал виски [7. С. 255].

Кроме глаз, весьма выразительны брови человека, которые от удивления приподнимаются, как видно в следующем примере:

"You were right. It was nothing. I don't feel as if you'd done anything at all."

"No?" He lifted an eyebrow; then laughed: "That's how it should be – no fuss, no sense of anything terrible happening to you – I wish every operation could do that way!" [11. С. 381] –

– *Вы были правы. Это пустяк. Как будто мне ничего не делали.*

– *Ничего? – Эндрию поднял одну бровь, потом засмеялся. – Вот как надо делать операции – без суеты, чтобы у человека не было ощущения, что с ним происходит что-то страшное* [6. С. 354].

Удивляясь, человек иногда приоткрывает рот, что выражает высокую степень изумления:

She gaped at him, her little button eyes nearly bursting from her head [11. С. 92] – *Она смотрела на него, открыв рот, ее круглые, как пуговицы, глазки чуть не выскакивали из орбит* [6. С. 90];

“I’m going to examine you.”

Ben Chenkin’s jaw dropped. He had not been examined, so far as he could remember, in the whole of Doctor Leslie’s seven years of office [11. С. 126].

– Я должен вас осмотреть.

У Ченкина **отвисла губа**. Он не помнил, чтобы за все семь лет, которые здесь прослужил доктор Лесли, тот хоть раз его осмотрел [6. С. 121].

Первый пример особенно показателен. Глагол *gape* не имеет эквивалента в русском языке. Он означает “to stare at sb/sth with your mouth open because you are shocked or surprised” [12. С.638] (букв.: «смотреть на кого-л. с открытым ртом, будучи потрясенным, возмущенным или удивленным»). Таким образом, данный глагол объединяет в себе два компонента мимики, глаза и рот, и включает в семантику значение удивления.

Человек часто испытывает удивление в сочетании с другими эмоциями, такими как недоумение, страх, ужас, возмущение, недоверие, смущение и восхищение. Так, в следующем примере человека охватывает смешанное чувство удивления и недоверия: *The salesman almost collapsed. This, his expression said, simply cannot be true* [11. С. 118]. – Продавец чуть не упал в обморок. Выражение его лица говорило, что он не верит своим ушам [6. С. 113].

Удивление является одной из универсальных эмоций, поэтому его мимическое выражение у русских и англичан обладает схожим набором признаков: особый взгляд и выражение лица, широко открытые глаза (и рот), поднятые брови и т.д., однако репрезентация подобных внешних проявлений внутреннего состояния в сопоставляемых языках различна. Разнообразны средства выражения данной эмоции. Прежде всего, это глаголы разных лексико-семантических групп с преобладанием глаголов зрительного восприятия, различающиеся своей семантической структурой и стилистической окраской. Наряду со свободными словосочетаниями, для описания состояния удивления в русском и английском языках используются фразеологические единицы, различающиеся семантической нагрузкой и, прежде всего, интенсивностью действия и проявления эмоций.

Список литературы

1. Арсентьева Е. Ф. Русско-английский фразеологический

List of literature

1. Arsent'eva E. F. Russko-angliyskiy frazeologicheskiy slovar'. Ка-

- словарь. Казань : Хэтер, 1999. 320 с.
2. Дорофеева Н. В. Удивление как эмоциональный компонент (на материале русского и английского языков): автореф. дис... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 19 с.
 3. Изард К. Психология эмоций. СПб. : Питер, 2009. 464 с.
 4. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. 2-е изд. СПб. : Питер, 2008. 783 с
 5. Квеселевич Д. И. Русско-английский фразеологический словарь. М. : Рус. яз., 2000. 705 с.
 6. Кронин А. Цитадель. Вычеркнутый из жизни. М., Правда, 1991. С. 7–386.
 7. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 1984. 944 с.
 8. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1997. 944 с.
 9. Тургенев И. С. Отцы и дети. М. : Издательство АСТ, 2001. 272 с.
 10. Фразеологический словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1986. 543 с.
 11. Cronin A. J. The Citadel / A.J. Cronin. Moscow, Foreign Languages Publishing House, 1957. 452 p.
 12. Oxford Advanced Learners's Dictionary. 7th edition. Oxford University Press, 2005.
- zan' : Heter, 1999. 320 s.
2. Dorofeeva N. V. Udivlenie kak emotsional'nyj komponent (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov): avtoref. dis... kand. filol. nauk. Volgograd, 2002. 19 s.
 3. Izard K. Psihologiya emotsiy. SPb. : Piter, 2009. 464 s.
 4. Il'in E. P. Emotsii i chuvstva. 2-e izd. SPb. : Piter, 2008. 783 s
 5. Kveselevich D. I. Russko-angliyskiy frazeologicheskiy slovar'. M. : Rus. yaz., 2000. 705 s.
 6. Kronin A. Tsitadel'. Vycherknytyj iz zhizni. M., Pravda, 1991. S. 7–386.
 7. Kunin A. V. Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar'. M.: Rus. yaz., 1984. 944 s.
 8. Ozhegov S. I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. M. : Azbukovnik, 1997. 944 s.
 9. Turgenev I. S. Ottsy i deti. M. : Izdatel'stvo AST, 2001. 272 s.
 10. Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka. M. : Rus. yaz., 1986. 543 s.
 11. Cronin A. J. The Citadel / A.J. Cronin. Moscow, Foreign Languages Publishing House, 1957. 452 p.
 12. Oxford Advanced Learners's Dictionary. 7th edition. Oxford University Press, 2005.

**СОМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ
КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ**

Г. Г. Новрузова

Названия частей тела – древнейший пласт лексики, непосредственно связанный с функционально-чувственными сторонами человеческого бытия и отражающий культурно-антропологические особенности индивидов, принадлежащих к тем или иным языковым сообществам. Такая лексика называется соматической, то есть обозначает части тела человека и проявления его организма, и является одной из интересных лексико-семантических групп как русского, так и английского языков.

Ключевые слова: наименования частей тела, соматическая лексика, индивид.

Лексико-семантическое поле “части тела” относится к категории эгоцентрической направленности и включает в себя множество концептов, которые синтезируются посредством ментально-когнитивных операций носителей языка. В работе А.М. Кочеваткина, посвященной анализу соматической лексики в диалектах эрзянского языка, вся соматическая лексика в зависимости от характера объекта номинации делится на следующие группы:

1. Сомонимическая лексика. Сомонимия является самым крупным разделом соматической лексики сопоставляемых языков. Она служит для обозначения частей и областей человеческого тела: названия, являющиеся общесистемными обозначениями: лексемы, обозначающие тело человека; названия головы и ее частей; названия шеи и туловища человека; названия верхних конечностей; названия нижних конечностей.

2. Остеонимическая лексика. Данная лексика служит для номинации костей человеческого тела и их соединений: названия костной системы человеческого организма в целом; названия костей головы; названия костей туловища; названия костей верхних конечностей; названия костей нижних конечностей.

3. Спланхнонимическая лексика. Данная лексика служит для наименования внутренних органов человеческого организма: названия

внутренних органов в целом; названия пищеварительных органов; названия дыхательных органов; названия мочеполовых органов.

4. Ангионимическая лексика. Данная лексика служит для наименования кровеносной системы человеческого организма и составляет самую малочисленную часть в системе соматической лексики русского и английского языков.

5. Сенсонимическая лексика. Данная лексика служит для обозначения органов чувств человеческого организма. Наряду с ангионимической сенсонимическая лексика составляет одну из малочисленных групп. Сюда можно отнести: названия органов зрения; названия органов слуха; названия органов обоняния и органов вкуса; названия органов осязания.

6. Лексика, обозначающая болезни, недуги и проявления человеческого организма [Кочеваткин 2001].

Остановимся на исследовании трёх сомонимических соматизмов – *head, arm/hand, leg/foot* и трёх сенсонимических – *eye, ear, nose*), не рассматривая при этом образованные от них уменьшительные формы (диминутивы). В английском языке для лексем *рука* и *нога* используются их следующие эквиваленты: *arm* (вся рука), *hand* (кисть руки); *leg* (вся нога), *foot* (стопа ноги).

Лексема *голова* (*head*) – один из самых многозначных сомонимических соматизмов как русского, так и английского языков. В основе многозначности лексем *голова* и *head* лежит достаточно разнообразный план их содержания. Это прослеживается при семном анализе их семемы. Семема, являющаяся планом содержания лексемы *голова* (*head*), включает в свою смысловую структуру следующие семы: 1) ‘думать, размышлять’; 2) ‘главный, жизненно необходимый (орган)’; 3) ‘круглая (форма)’; 4) ‘верхняя, расположенная наверху (часть)’.

Наиболее употребительные значения лексем *голова* и *head* по рассмотренным толковым и переводным лексикографическим изданиям показаны в следующей таблице [Ожегов 1999] и [Мюллер 2002]:

№	Лексема <i>голова</i>	Лексема <i>head</i>
1.	Ум, сознание, рассудок	
2.	Руководитель, начальник, голова	
3.	О человеке большого ума	
4.	Первые ряды, передняя часть (колонны)	

5.	Верхняя часть, вершина	
6.	Единица счета скота	
7.	Председатель и руководитель некоторых выборных органов в дореволюционной России	Мыс
8.	Черепная коробка	Головка (булавки, гвоздя)
9.	Пищевой продукт в виде шара, конуса	Носовая часть (самолета, лодки)
10.		Изголовье (постели)
11.		Исток реки
12.		Перелом, кризис болезни
13.		Рубрика, отдел, заголовок

С головой ассоциативно связывается представление о головном мозге – органе, одной из основных функций которого является функция мышления. В обоих языках наличие либо отсутствие ума ассоциируется, прежде всего, с головой и мозгом как органом интеллектуальной деятельности. Таким образом, самую обширную группу в обоих языках образуют ФЕ, описывающие умственные способности человека: англ. *have (got) a good head on one's shoulder's* – *имеет голову на плечах*, быть умным и характеризующие процессы, связанные с памятью: *head like a sieve* – *мякинная голова*

План содержания сомонимической лексемы *рука (arm/hand)* включает следующие, наиболее необходимые для образования полисемантизма семы: 1) 'форма в виде рычага'; 2) 'выполняющая механические движения (часть тела)'; 3) 'расположенная справа или слева (конечность)'.
 Следующая таблица демонстрирует наиболее употребительные значения лексем *рука* и *arm/hand* [Ожегов 1999] и [Мюллер 2002]:

№	Лексема <i>рука</i>	Лексема <i>arm/ hand</i>
1.	Сторона, направление	
2.	Почерк, рука	
3.	Близкий и значимый сотрудник (правая рука)	

Лингвистика и перевод

4.	Человек, способный оказать помощь, протекцию, в том числе владеющий чем-либо (властью)	Власть, распоряжение, сила
5.	Символ орудия труда человека, а также самого труда	Ловкость, умение
6.	<i>Мн. ч.</i> Работники	Стрелка часов
7.		Исполнитель, работник
8.		Рукав
9.		Ручка, подлокотник
10.		Ветвь (большая)
11.		Рукоятка

Лексема “рука” играет универсальную роль: этот символ употребляется в различных значениях, наиболее частые из которых – мастерство “золотые руки”, *crack hand* – мастер своего дела; деятельность *bear a hand* – помогать, принимать участие в работе; обмен “из рук в руки”, *at first hand* – из первых рук.

Сомонимическая лексема нога и *leg/foot* включает следующие основные семы: 1) ‘форма в виде рычага’; 2) ‘нижняя (часть тела)’; 3) ‘являющаяся опорой (часть тела)’; 4) ‘выполняющая функцию передвижения (часть тела)’. Наиболее употребительные значения лексем нога и *leg/foot* показаны ниже [Ожегов 1999] и [Мюллер 2002]:

№	Лексема нога	Лексема <i>leg/foot</i>
1.	Опора, нижняя часть, основание	
2.		Ножка (мебели)
3.		Пьедестал, подножие
4.		Пехота
5.		Мера длины, фут
6.		Осадок
7.		Штанина

Ноги, прежде всего, воспринимаются как крайняя нижняя точка в вертикальном положении человеческого тела. Эти представления о ногах находят отображение в образе фразеологизмов: *ставить с*

ног на голову – *stand smth on its head*. Ноги символически связываются с моральным унижением, психологическим подавлением, и как следствием этого – покорностью, зависимостью и подчинением, что обуславливает определенные коннотации и оценки, “привносимые” данным компонентом в образ той или иной идиомы: *падать в ноги, валяться в ногах, вытирать ноги – fall on one’s knees before smb, entreat smb to do smth, beg with humiliation, on one’s <bended> knees, lie at smb’s feet*.

Вторая группа культурных смыслов, носителем которых являются ноги, связана с представлением о том, что они выступают в роли символа “крепости”, опоры и устойчивости в окружающем человека мире: *прочно, крепко, твердо стоять на ногах – be healthy and hard-working, be /get/ on one’s feet, stand on one’s own feet, not to be dependent on another’s help*. Поскольку психологическое ощущение человеком устойчивости, стабильности и надежности своего положения в мире связывается с наличием крепкой и твердой “физической” опоры, то ее потеря может привести к стихийному повороту событий, когда ими становится трудно управлять, что отображено в образе фразеологизма *вверх ногами*, или вообще к прекращению физического существования человека: *протянуть ноги – kick the bucket, kick up one’s heels, turn up one’s toes, push up <the> daisies* [Телия 1996]. Третий культурный смысл, воплощаемый компонентом ноги, связан с символическим восприятием ног как основного “средства” передвижения в пространстве. Однако интересно отметить, что в “чистом” виде как “орудие” перемещения ноги выступают в составе фразеологизмов достаточно редко. Скорее можно говорить о том, что важнейшая символическая “двигательная” функция ног “работает” на окультуривание мира и на расширение границ освоенного человеком пространства. Культурный смысл ног как средства передвижения, необходимого в освоения мира человеком, связан также с древнейшим эталонным представлением о ногах как о мере расстояния в пространстве, что отображено в образах фразеологизмов *на широкую ногу* в двух значениях и *на короткой / дружеской ноге* [Телия 1996].

Следующий соматизм *глаз / eye* принадлежит к сенсонимической лексике. План содержания данной лексемы включает в себя следующие значимые семы, лежащие в основе ее полисемантизма: 1) ‘видеть, смотреть, наблюдать’; 2) ‘маленькая, круглая (форма)’.

Наиболее употребительные значения лексем *глаз* и *eye* показывает таблица [Ожегов 1999] и [Мюллер 2002]:

Лингвистика и перевод

№	Лексема <i>глаз</i>	Лексема <i>eye</i>
1.	Способность видеть, зрение	
2.	Ушко, проем, петля	
3.	Глазок для наблюдения	
4.	Дурной глаз	Место появления побега или почки
5.	Присмотр, надзор	
6.	Взгляд, взор	

Вера в таинственную магическую силу глаза формирует в языковом сознании противоборство добра и зла, светлого и темного: с одной стороны, *хороший глаз, добрый глаз* – *<a straight> eye of a hunter /sniper/, a trusting eye, have <got> an eye in one's head, have eyes like a hawk, a quick /keen/ eye*, олицетворяющий добрые силы. А с другой – *худой, черный, нехороший, недобрый, дурной, лихой, вредящий глаз* – *an evil eye*.

Символическое значение глаза как обереги прочно утвердилось в русском языковом сознании. Свидетельством этому являются фразеологизмы современного русского языка, в которых подчеркивается необходимость тщательно оберегать глаз, чтобы не остаться без его защиты. А сохранять что-либо как глаз или больше него представляется апогеем важности: *<Он мне> дороже глаза; беречь как глаз* [Бирих 1998].

Естественно, что магическое действие глаз усиливается, если глаза открыты и чисты, поэтому распространены выражения: *открывать кому-то глаза* ‘указать правду’; *глаза открываются; пелена с глаз упала* – ‘прозревать’; *протереть кому-то глаза* ‘дать понять, указать кому-либо на что-либо’; *открой (разуй) глаза* – *as if a veil falls /had fallen /from one's /smb's /eyes, as if scales fall /fell /from one's /smb's /eyes*. С закрытием глаз ассоциируется физическая смерть человека: *закрывать глаза; закатились глаза* – *roll /turn/ <up> one's eyes*, ущербное действие в отношении глаз порождает неодобрительное порицание: *тыкать в глаза* ‘попрекать чем-либо’; *колоть глаза кому* ‘упрекать, укорять’; а попытка навредить чьим-либо глазам знаменует ложь, обман: *отуманить глаза* ‘обморочить кого-либо’ – ‘put on a false front, draw /pull /the wool over smb's eyes’. Глаз является не только олицетворением божественного начала, но и выступает символом

самого человека, характеристикой его физической или духовной сторон, критерием человеческих способностей и умений. Духовная сторона человека включает в себя данные свыше качества и приобретенные навыки: *глаз наметан* (об опытном человеке) – *smb has a trained eye /for smth, smb /; smb is very experienced in smth* [Бирих 1998].

ФЕ с компонентом глаз транслируют определенные стереотипы поведения: *глаз не отвести; с глазу на глаз, смотреть (глядеть) (прямо) в глаза (в лицо)* – повествуют о существующей традиции в разговоре обязательно смотреть в глаза собеседнику, демонстрируя тем самым открытость намерений, правдивость говоримого. Если же человек отводит, прячет глаза, то это свидетельствует об определенной лжи, попытке ввести собеседника в заблуждение: *отвести глаза* ‘отвлекать внимание, обманывать кого-либо’; *для отвода глаз* ‘чтобы отвлечь внимание, ввести в заблуждение’ – *draw /pull/ the wool over smb’s eyes, throw dust in /into/ smb’s eyes /into the eyes of smb/* [Бирих 1998].

План содержания сенсонимической лексемы *ухо / ear* включает в свою смысловую структуру такие семы, влияющие на развитие полисемантизма данной лексемы: 1) ‘слышать, воспринимать’; 2) ‘форма раковины’; 3) ‘примыкающий к голове, выступающий (орган)’. Наиболее употребительные значения лексем *ухо* и *ear* продемонстрированы ниже [Ожегов 1999] и [Мюллер 2002]:

№	Лексема <i>ухо</i>	Лексема <i>ear</i>
1	Способность воспринимать звуки, слух	
2	Ушко, глазок, проушина	
3	Выступающая боковая часть предмета	Отверстие, скважина

Ухо, как и глаз, орган, воспринимающий информацию извне. Поэтому в основном фразеологизмы, связанные с этим органом, употребляются, чтобы обозначить способность узнавать: *туг на ухо* – ‘плохо слышит’; *во все уши слушать* – ‘очень внимательно’ – *be all ears*. Хотя уши расположены на голове и их просто достать рукой, это объект вне поля видимости собственных глаз: *как своих ушей не видеть*. Уши чаще, чем глаза, участвуют в раскрытии каких-либо тайн: *и у стен есть уши* – ‘здесь могут подслушивать’; *наострить уши* – *to prick up somebody’s ears*. Уши – символ чего-то крайнего (видимо, это связано с их маркированным расположением как на голове, так и в вертикальном отношении:

эта часть тела расположена выше почти всех других): *влюбиться по уши* – *to be over head and ears in love*; *быть по уши в работе, до ушей покраснеть, улыбка до ушей* [Бауер 1995].

Следующие основные семы сенсонимической лексемы *нос / nose*, предвосхищающие появление вторичных значений, входят в ее план содержания: 1) ‘дышать, вдыхать’; 2) ‘обонять’; 3) ‘выступающая, сужающаяся к концу (форма)’.

Наиболее употребительные значения лексем *нос* и *nose* [Ожегов 1999] и [Мюллер 2002]:

№	Лексема <i>нос</i>	Лексема <i>nose</i>
1.	Выступающая передняя часть предмета (скалы или здания)	
2.	Мыс	
3.	Передняя часть судна	
4.	Клюв птицы	Чувство обоняния
5.	Носок (обуви)	Чутье, нюх
6.	Носик (чайника)	Выговор, головомойка

Нос, сравнительно малый орган, в ФЕ выступает как предмет, находящийся максимально близко к туловищу. Часто фразеологизмы со словом *нос* носят юмористический характер. *Говорить себе под нос, дальше собственного носа не видеть* – о том, что было совсем рядом. Нос представляется в значении предмета, легко доступного и элементарного (*as plain as the nose on your face*), видимого владельцем при любых условиях; увидеть все остальное может стать проблемой, а нос – никогда: *дальше собственного носа не видеть*. Таким образом, если что-то *зарубить себе на носу*, то на всю жизнь запомнится. Многие английские ФЕ аналогичны русским, но, например, водить за нос соответствует *to pull the wool over somebody's eyes*, то есть вешать пелену на глаза [Тресиддер 1999].

Таким образом, соматическая лексика представляет собой целостную систему, которая имеет постоянное количество объектов номинаций и предназначенный для их обозначения конкретный состав лексических единиц. Первый показатель не зависит от своей языковой принадлежности и может полностью совпадать в разных языках, а второй находится в прямой зависимости от индивидуальных особенностей конкретного языка и различается и в количественном, и в качественном отношении.

Список литературы

1. Бауер В. Энциклопедия символов. М. : Крон-Пресс, 1995. 459с.
2. Бирих А. К. Словарь русской фразеологии. – СПб.: Изд-во “Фолио-пресс”, 1998. 704с.
3. Кочеваткин А. М. Соматическая лексика эрзянского языка: учеб. Пособие. Саранск : Красный Октябрь, 2001. 208с.
4. Мюллер В. К. Новый Англо-русский словарь / Под ред. М.М. Маковского. 2-е изд., доп. М. : Издательский дом «Диалог», 2002. 895с.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М. : Азбуковник, 1999. 944с.
6. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Наука, 1996. 286с.
7. Тресиддер Дж. Словарь символов. М. : ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448с.

List of literature

1. Bauer V. Entsiklopediya simbolov. M. : Kron-Press, 1995. 459с.
2. Birihi A. K. Slovar' russkoy frazeologii. – SPb.: Izd-vo “Folio-press”, 1998. 704s.
3. Kochevatkin A. M. Somaticheskaya leksika erzyanskogo yazyka: ucheb. Posobie. Saransk : Krasnyj Oktyabr', 2001. 208s.
4. Myuller V. K. Novyj Anglorusskiy slovar' / Pod red. M.M. Makovskogo. 2-e izd., dop. M. : Izdatel'skiy dom «Dialog», 2002. 895s.
5. Ozhegov S. I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vy-razheniy. M. : Azbukovnik, 1999. 944s.
6. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekti. M. : Nauka, 1996. 286s.
7. Tresidder Dzh. Slovar' simbolov. M. : FAIR-PRESS, 1999. 448s.

**К ВОПРОСУ О СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАРТИН МИРА НАРОДОВ (НА МАТЕ-
РИАЛЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ФЕ С ЧИСЛОВЫМ КОМ-
ПОНЕНТОМ)**

Т. Б. Пасечник

В настоящей статье устанавливаются типы межъязыковой эквивалентности русских и английских фразеологических единиц с числовым компонентом, определяются причины сходств и расхождений во фразеологических картинах мира русского и английского народов.

Ключевые слова: фразеологическая единица (ФЕ), фразеологический образ, межъязыковые эквиваленты, фразеологическая картина мира.

Важное место в лингвокультурологии отводится изучению языковой картины мира - фундаментального понятия, описывающего человеческое бытие. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, в различных концепциях называется то «языковым промежуточным миром», то «языковой репрезентацией мира», то «языковой моделью мира», то «языковой картиной мира».

Именно языковая картина мира способна представить глобальный образ мира, так как естественный язык является универсальной семиотической системой, опосредствующей действие других семиотических систем. Субъект деятельности при этом – человечество. Но задача выявления языковой картины мира в ее всеобщности в настоящее время не ставится вследствие ее глобальности. Путь к ее разрешению – исследование национальных языковых картин мира: русской, английской, французской и т.д., путь контрастивных исследований, выявляющих моменты не только своеобразия, но и общности разных языковых моделей мира. «Каждый этнический язык, в силу своей способности обеспечить интеллектуальные и коммуникативные потребности этноса, также воплощает в своих структурах глобальный образ мира в его одновременной целостности и дискрет-

ности, в сложнейшем соотношении всех его элементов» [2. С. 40].

Под фразеологической картиной мира (ФКМ) понимается выраженная в национальной фразеологии образная передача мировосприятия народа. ФЕ, составляющие ФКМ, можно назвать штрихами к этническому портрету, помогающими понять национальное сознание и менталитет народа. Проводимое нами комплексное описание фразеологизмов русского и английского языков с числовым компонентом, а также структурно-типологический анализ фразеологической образности в рамках этих сегментов позволяют нам сопоставить фразеологические картины мира данных народов.

При сопоставлении с английскими ФЕ обнаруживается, что русская фразеология включает в свой состав целый ряд фразеологизмов, имеющих очень близкие образные параллели – полные фразеологические эквиваленты (ПФЭ). Это значит, что «фразеологические картины мира этих народов могут совпадать в каких-то своих «участках», в каких-то своих семантических сферах» [2. С. 216]. Этот факт объясняется двояко. Во-первых, способностью носителей разных языков к одинаковому образному видению мира (русская ФЕ *знать кого-либо (что-либо) как свои пять пальцев* имеет ПФЭ в английском языке *know smb (smth) as one knows his ten fingers*). Во-вторых фактом восхождения фразеологизмов к какому-либо общему древнему образно-семантическому прототипу (русская ФЕ *пятая спица в колеснице* имеет ПФЭ в английском языке *a fifth wheel*, при этом обе имеют общие этимологические корни).

Близость ФКМ изучаемых языков проявляется также и в наличии большого числа частичных фразеологических эквивалентов (ЧФЭ), характеризующих общностью фразеологической модели при отсутствии тождества или даже близости фразеологических образов (русская ФЕ *убить двух зайцев (одним выстрелом)* имеет ЧФЭ в английском языке *kill two birds with one stone*). Наличие в языках подобных соответствий подтверждает универсальность характера законов образного мышления человека. Все национально-специфические нюансы мироосмысления, мироощущения и мирооценки накладываются на универсальную логико-понятийную основу человеческого сознания.

Наше исследование, указывая на близость изучаемых ФКМ, подтверждает их национально-специфичный характер. В языках существует целый ряд фразеологизмов, не подлежащих смысловому выравниванию при попытках найти межъязыковые фразеологиче-

ские эквиваленты и фразеосемантические соответствия. Это группа безэквивалентных ФЕ. Так, реалии среды обитания русского и английского народов в силу своей специфичности получили особое словесное выражение в исследуемых нами пластах фразеологии. Необъятные российские земли рождают в душе русского человека ощущение бескрайнего простора: *за семь верст киселя хлебать; за семь верст обходить; семь верст до небес; Для милого дружка семь верст не околица; В (чистом) поле четыре воли, хоть туда, хоть сюда, хоть инаково*. Островное географическое положение Британии и близость морей отражены в английских фразеологизмах: *the four seas* – четыре моря, омывающие Великобританию (имеются в виду Северное и Ирландское моря, Атлантический океан и пролив Ла-манш); *within the four seas* – в Великобритании.

Специфичность среды бытования народов становится очевидной при рассмотрении фразеологизмов, которые содержат в своем составе компоненты, имеющие культурные семы в своем значении: *Первый блин комом* – о неудачном начале какого-либо дела, о неуспешном первом опыте; *седьмая вода на киселе* – о дальних родственниках; *as right as ninepence* – совершенно здоров, в добром здравии, цел и невредим; *not to have two halfpennies to rub together* – едва сводить концы с концами.

Безэквивалентные фразеологизмы сообщают нам об особенностях принятого у этих народов этикетного поведения, о традициях и обычаях, что непременно требует расшифровки фразеологических образов: *Ласковое теля (телятко, теленок) двух маток (две матки) сосет* – ласковый, обходительный или всем угождающий человек пользуется благосклонностью, покровительством, помощью всех; *Сладок мед, да не по две ложки в рот* – говорится, когда кого-либо угощают чем-либо насильно, вопреки желанию; *come back again like a bad halfpenny* – опять свалиться к кому-либо на голову, снова появиться вопреки желанию кого-либо (о людях); *a four-letter word* – нецензурное слово, непристойное слово, крепкое словечко (многие непристойные слова в английском языке состоят из четырех букв); *Свату первая чарка и первая палка; До солнца пройти три покоса, ходить будешь не босо* (т.е. в сапогах); *crooked sixpence* – счастливая монета, талисман. По словам Корнилова О.А., «чем толще «культурологическая подкладка» под именами реалий, тем настоятельнее потребность в их полной экспликации для носителей других языков, поставивших задачу проникнуть в иноязычную языковую картину

мира» [1. С. 155]. Это абсолютно справедливо и при решении задач сопоставительного характера, которые ставятся в нашем исследовании.

Таким образом, мы рассматриваем ФКМ, являющуюся подсистемой языковой картины мира, как «национально-специфическое видение всего сущего, где в слово *видение* вкладываются понятия и *логическое осмысление*, и *чувствование*, и *оценивание*, а в понятие *сущего* – не только реальный материальный мир, но и все привносимое в него человеческим сознанием» [1. С.143].

Список литературы

1. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М. : МАЛП, 1999. 341 с.
2. Резанова З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Ч. 1. Воронеж: РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. 209 с.
3. Солодуб Ю. П. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект). М. : Флинта. Наука, 2002. 264 с.
4. Lubensky S. Russian – English Dictionary of Idioms. New York, Random House, 1995.
5. Кунин А. В. Англо- русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз. Медиа, 2006.

List of literature

1. Kornilov O. A. Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nyh mentalite-tov. M. : MALP, 1999. 341 s.
2. Rezanova Z. I. Metaforicheskij fragment russkoj yazykovoy kartiny mira: klyuchevye kontsepty. Ch. 1. Voronezh: RITs EF VGU, 2003. 209 s.
3. Solodub Yu. P. Sovremennyj russkiy yazyk. Leksika i frazeologiya (sopostavitel'nyj aspekt). M. : Flinta. Nauka, 2002. 264 s.
4. Lubensky S. Russian – English Dictionary of Idioms. New York, Random House, 1995.
5. Kunin A. V. Anglo- russkiy frazeologicheskij slovar'. M.: Rus. yaz. Media, 2006.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОГО ГРАММАТИЧЕСКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ

Н. Л. Суворова

В статье предлагается классификация отклонений от литературной нормы в области местоимения с целью выявления морфологических особенностей грамматического просторечия в английском языке. Для определения степени нормативности исследуемых явлений используются теоретические и практические грамматики английского языка. Анализ количественных данных позволяет выявить основные тенденции в структуре рассматриваемых грамматических отклонений на материале художественной литературы.

Ключевые слова: нормативность, грамматическое просторечие, морфологические особенности, отклонение от нормы, аналитизм.

Чтобы прогнозировать какие-либо явления в языке необходимо знать его типологические особенности, так как данная синхроническая система определяет степень вероятности тех или иных языковых изменений [5; 13].

Английский язык относится к разряду аналитических. Исходя из этого, представляется возможным предположить, что развитие грамматического строя данного языка будет происходить в сторону еще большего увеличения его аналитичности. Тенденции развития разговорного английского языка в области грамматики, в свою очередь, подтверждают тот факт, что аналитические формы в наше время расширяют свои позиции.

По мнению С.С. Беркнера, тенденция к сближению литературно-книжных норм с живыми нормами разговорного языка достигла к середине XX века небывалых масштабов. В грамматике она проявилась в уменьшении строгости употребления тех или иных конструкций.

Так, отмечается распространение в литературно-разговорном языке конструкций с местоимением в объектном падеже вместо номинативного, сокращение средней длины предложения, увеличение количества и видов эллиптических конструкций. Дальнейшее разрушение падежной системы местоимений и расширение области

употребления аналитических форм образования степеней сравнения прилагательных указывает на углубление аналитической тенденции развития английского языка. Однако нельзя не согласиться с С.С. Беркнером в том, что аналитические тенденции развития современного разговорного языка находятся в сложном взаимодействии с тенденциями синтетическими. Так, наряду с перечисленными процессами, происходит возрождение таких синтетических форм как существительное в притяжательном падеже, синтетический способ образования сослагательного наклонения (*I insist that he see me*). В то же время, подобная форма, как полагает С.С. Беркнер, может привести к дальнейшему ослаблению синтетического строя в системе глагола, что предположительно выразится в потере флексии *-(e)s* в настоящем времени [1. С. 207].

Некоторые из этих тенденций, наблюдаются и в англоязычном грамматическом просторечии. В данном исследовании мы придерживаемся позиции, в соответствии с которой английское просторечие вырабатывает свою особую грамматическую систему, а не заимствует ее из диалектных систем. Однако при этом грамматическое просторечие не подвергается нормированию и кодификации.

Мы исследовали 20 художественных произведений, написанных британскими и американскими авторами за последние 70 лет. Целью данного исследования является выявление структурных особенностей английского грамматического просторечия. В ходе исследования мы рассмотрели две основные группы грамматических отклонений от нормы: **морфологические** и **синтаксические**. В морфологическую группу вошли отклонения в области глагола и местоимения, к которым относятся ненормативное употребление и ненормативное образование возвратных местоимений. Мы остановимся на второй группе ввиду ее большой представленности как в британской, так и в американской прозе.

Анализируя структурные особенности грамматических отклонений от нормы, мы руководствовались правилами, изложенными в теоретических и практических грамматиках английского языка зарубежных и отечественных авторов.

1. Ненормативное употребление местоимений

- *Употребление личного местоимения вместо указательного:*

Согласно общепринятым правилам, зафиксированным в грамматиках английского языка, указательные местоимения *this / these* употребляются при указании на предмет(ы), находящиеся вблизи

говорящего, а также при указании на что-либо близкое по времени. Местоимения *that / those* употребляются для указания на предмет, отдаленный от говорящего, а также для указания на отдаленные по времени факты [21; 17]

В ходе нашего исследования встретилось 47 случаев (15 – BrE, 32 – AmE) употребления личного местоимения в объектном падеже *them* вместо указательного *these*.

Например: **BrE:** *Nobody does them things now out of date* [18. С. 23].

AmE: *Them snakes has bit lots a folks...* [23. С. 105].

● *Употребление личного местоимения в объектном падеже вместо личного местоимения в именительном падеже:*

Местоимение, следующее за глаголом *to be*, должно стоять в именительном падеже.

Объектный падеж употребляется вместо именительного: а) в диалектах; б) в речи необразованных людей и в просторечии; г) в разговорном стиле в конструкциях с эмфатическим *it*; д) в номинативных абсолютных оборотах и полугерундиальных комплексах [2].

Распространенное выражение *It is me* – строго говоря, ошибка, хотя эта форма приемлема в разговорной речи. *It is I* – остается правильной формой для письменной речи [4. С. 29; 9. С. 80].

Некоторые исследователи считают, что формы объектного падежа личных местоимений в позиции после глагола *to be* в настоящее время завоевали себе «право гражданства» в литературно-разговорном языке [7. С. 131]. Согласно этому мнению, *It's me* становится общепринятой формой, в то время как *It is I* звучит уже педантично. Формы типа *It's me* встречаются в публицистическом стиле, поэзии, прозе, не говоря уже о драме [1. С. 142-149].

Личные местоимения в форме объектного падежа вместо именительного употребляются не только после глагола *to be*, но также в изолированной позиции для усиления. Например: *And them standing there watchin' me...* [8]. Следует отметить, что, хотя в настоящее время употребление данной формы местоимения не считается грубым отклонением от нормы, для начала XX века оно было нехарактерным.

С другой стороны, именительный падеж все чаще употребляется там, где раньше использовался объектный. Это, в первую очередь, касается диалектов и разговорного стиля [2].

Однако мы придерживаемся позиции, в соответствии с которой подобное употребление местоимений оценивается грамматикой ан-

глийского литературного языка как неправильное [6. С. 241] и способное привести к исчезновению категории падежа у местоимений как таковой.

В ходе нашего исследования был выявлен 91 случай (55 – BrE, 36 – AmE) использования объектного падежа личных местоимений вместо именительного, что составляет 8 % от общего числа морфологических отклонений от нормы.

Например: **BrE:** *Them an' their flamin' machines!* [19. С. 178].

AmE: *You think you're better than us hill folk...* [14. С. 20].

В 6 случаях (5 – BrE, 1 – AmE) именительный падеж применялся вместо объектного.

Например: **BrE:** *I woke he and his wife up* [12. С. 100].

AmE: *I used to play tennis with he and Mrs. Antolini* [20. С. 99].

● *Употребление личного местоимения в объектном падеже вместо притяжательного местоимения:*

Притяжательные местоимения указывают на то, что нечто принадлежит кому-либо или ассоциируется с кем-то. Притяжательные местоимения могут использоваться, когда речь идет о предметах, идентичных только что упомянутым, но принадлежащих другому лицу или для противопоставления двух одинаковых предметов, принадлежащих разным лицам [9. С. 82].

В диалектах британского варианта английского языка личное местоимение (в именительном или в объектном падеже) часто используется вместо притяжательного [2. С. 34]. Подобное употребление, однако, противоречит грамматическим нормам литературного разговорного языка и оценивается большинством грамматистов как неправильное [3].

В произведениях встретился 21 пример (16 – BrE, 5 – AmE) отклонений, относящихся к указанной категории.

Например: **BrE:** *... with me old mates...* [16. С. 66].

AmE: *I got to me name* [23. С. 305].

● *Употребление личного местоимения 1-го лица мн.ч. в объектном падеже вместо личного местоимения 1-го лица ед.ч. в объектном падеже:*

В разговорном стиле британского варианта английского языка и в его диалектах нередко используется личное местоимение первого лица множественного числа *us* вместо личного местоимения первого лица единственного числа *me* в функции косвенного дополнения. Та-

кое употребление, особенно характерное для разговоров с детьми и подростками, является, однако, отклонением от нормы английского литературного языка [2].

Всего было выявлено 4 подобных случая (BrE).

Например: **BrE:** *I thought you'd let us 'ave it* [10. С. 243].

BrE: *Let us in, will ye?* [10. С. 244].

BrE: *You can't play the bloody fool on us* [10. С. 245].

BrE: *Fifteen years us got 'stagmus!* [10. С. 246].

• Замена в речи возвратного местоимения притяжательным или личным местоимением в объектном падеже:

Если прямое или косвенное дополнение совпадают с подлежащим, то следует употреблять возвратное местоимение: *She got herself a drink* [15. С. 249].

В речи персонажей исследуемых произведений было обнаружено 2 случая (1 – BrE, 1 – AmE) замены возвратного местоимения притяжательным и личным местоимением в объектном падеже.

Например: **BrE:** *I like to 'ave my say the same as the next man* [19. С. 125].

AmE: *I got me a tuna-fish sandwich...* [11. С. 199].

2. Ненормативное образование форм местоимений

• Ненормативное образование возвратных местоимений:

Возвратные местоимения образуются от личных и притяжательных местоимений и подобно им изменяются по лицам и числам [21. С. 62].

В речи персонажей двух романов было обнаружено 5 случаев (2 – BrE, 3 – AmE) ненормативного образования возвратных местоимений *myself*, *himself* и *themselves*. Для образования возвратного местоимения 1 л. ед.ч. за основу необходимо было взять притяжательное местоимение *my*, а для образования возвратных местоимений 3 л. ед.ч. м.р. и 3 л. мн.ч. – личные местоимения в объектном падеже *him* и *them*.

Например: **BrE:** *I'll keep my comments to meself...* [18. С. 377].

AmE: *Joe hisself drove Jerry to the hospital* [22. С. 176].

AmE: *An' have theirselves a good time* [14. С. 173].

Интересно, что, судя по приведенным примерам, в британском и американском вариантах грамматического просторечия ненормативные способы образования возвратных местоимений не совпадают: в BrE вместо притяжательного местоимения за основу взято личное местоимение в объектном падеже, а в AmE, наоборот, вместо лично-

го местоимения в объектном падеже взято притяжательное. Однако для того, чтобы проследить закономерности отклонений от нормы на этом участке грамматики, необходимо изучить более репрезентативный материал.

Общее количество примеров, входящих в группу ненормативного употребления местоимений, – 171 (15,4% от общего числа морфологических отклонений), а в группу ненормативного образования форм местоимений – 5 (0,5%). Это свидетельствует о том, что писатели нередко наблюдают подобные отклонения в коммуникации и отражают их как типичные речевые явления в речи персонажей своих произведений. Ненормативное употребление местоимений в равной степени характерно для британской и американской прозы.

Вероятное объяснение распространенности данного явления заключается в том, что из-за определенной сложности, которую может собой представлять система склонения местоимений, предпочтительными считаются те формы, которые более просты в употреблении. Однако здесь также возможно влияние диалектов или закона аналогии в языке, т.к. в анализируемых примерах нередко встречаются случаи субституции местоимений одного разряда местоимениями других разрядов.

В целом, большинство рассмотренных морфологических отклонений связано с упрощением существующих форм и сокращением их количества, что свидетельствует о том, что в английском грамматическом просторечии наблюдается определенная тенденция к усилению аналитизма.

Список литературы

1. Беркнер С. С. Проблемы развития разговорного английского языка в XVI – XX вв. Воронеж, 1978.
2. Вейхман Г. А. Новое в грамматике современного английского языка: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., дополн. и испр. М., 2002.
3. Воронцова Г. Н. Очерки по грамматике английского языка. М., 1960
4. Типичные ошибки в английском языке. М., 1995.

List of literature

1. Berkner S. S. Problemy razvitiya razgovornogo angliyskogo yazyka v XVI – XX vv. Voronezh, 1978.
2. Veyhman G. A. Novoe v grammatike sovremennogo angliyskogo yazyka: ucheb. posobie dlya vuzov. 2-e izd., dopoln. i ispr. M., 2002.
3. Vorontsova G. N. Ocherki po grammatike angliyskogo yazyka. M., 1960
4. Tipichnye oshibki v angliyskom yazyke. M., 1995.

5. Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 95–105.
6. Ярцева В. Н. Развитие национального литературного английского языка. 2-е изд., исправленное. М., 2004.
7. Barber Ch. L. Changes in Present-day English. Edinburgh and London, 1964.
8. Behre F. Studies in Agatha Christie's Writings. The Behaviour of a good (great) deal, a lot, lots, much, plenty, many, a good (great) many // Gothenburg Studies in English. Stockholm, 1967. P. 117.
9. Collins COBUILD English Grammar / Ed. by J. Sinclair. London, 1987.
10. Cronin, A. J. The Citadel. Moscow, 1963. 477 p.
11. Greene B. Summer of my German Soldier. Berlin, 1994. 226 p.
12. Greene G. Brighton Rock. London, 1970. 256 p.
13. Greenberg J. H. (a) Methods and perspective in anthropology // Papers in honour of W. D. Wallis / Ed. by R. F. Spencer 1954. P. 192–196.
14. Grisham J. A Painted House / J. Grisham. New York, 2002. 467 p.
15. Heaton J. B. Longman Dictionary of Common Errors. M., 1991.
16. Henderson L. My Lurid Past. New York, 2003. 370 p.
5. Jakobson R. Tipologicheskie issledovaniya i ih vklad v sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie // Novoe v lingvistike. Vyp. 3. M., 1963. S. 95–105.
6. Yartseva V. N. Razvitie natsional'nogo literaturnogo angliyskogo yazyka. 2-e izd., ispravlennoe. M., 2004.
7. Barber Ch. L. Changes in Present-day English. Edinburgh and London, 1964.
8. Behre F. Studies in Agatha Christie's Writings. The Behaviour of a good (great) deal, a lot, lots, much, plenty, many, a good (great) many // Gothenburg Studies in English. Stockholm, 1967. P. 117.
9. Collins COBUILD English Grammar / Ed. by J. Sinclair. London, 1987.
10. Cronin, A. J. The Citadel. Moscow, 1963. 477 p.
11. Greene B. Summer of my German Soldier. Berlin, 1994. 226 p.
12. Greene G. Brighton Rock. London, 1970. 256 p.
13. Greenberg J. H. (a) Methods and perspective in anthropology // Papers in honour of W. D. Wallis / Ed. by R. F. Spencer 1954. P. 192–196.
14. Grisham J. A Painted House / J. Grisham. New York, 2002. 467 p.
15. Heaton J. B. Longman Dictionary of Common Errors. M., 1991.
16. Henderson L. My Lurid Past. New York, 2003. 370 p.

17. The Oxford Dictionary of English Grammar. Oxford, 1994.	17. The Oxford Dictionary of English Grammar. Oxford, 1994.
18. Priestley J. B. Angel Pavement. Moscow, 1974. 504 p.	18. Priestley J. B. Angel Pavement. Moscow, 1974. 504 p.
19. Priestly J. B. Daylight on Saturday. London, 1943. 268 p.	19. Priestly J. B. Daylight on Saturday. London, 1943. 268 p.
20. Salinger J. D. The Catcher in the Rye. New York, 1968. 248 p.	20. Salinger J. D. The Catcher in the Rye. New York, 1968. 248 p.
21. Shubin E. English Grammar. M., 1975.	21. Shubin E. English Grammar. M., 1975.
22. Smith Z. White Teeth. London, 2000. 548 p.	22. Smith Z. White Teeth. London, 2000. 548 p.
23. Wild J. Love's Tender Fury. New York, 1976. 550 p.	23. Wild J. Love's Tender Fury. New York, 1976. 550 p.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Е. А. Ларина

В статье рассматривается практическое значение этики, говорится о том, что этические принципы в преподавании иностранных языков выражаются через знание традиций страны изучаемого языка, дается пример традиции дарить цветы.

Ключевые слова: этика, этические принципы, традиции, иностранные языки.

В связи с политическими и экономическими изменениями, происходящими в жизни нашего общества, уже сейчас ясно, что в условиях рынка найдут себя люди способные, талантливые, предприимчивые, деловые, трудолюбивые, способные к риску, самостоятельному выбору, смене сфер деятельности, принятию ответственных решений и саморегуляции поведения. Можно утверждать, что современная ситуация выдвигает задачи, связанные с воспитанием делового человека, в котором духовная составляющая становится все более востребованной. Следует отметить, что этика помогает сформировать личность, умеющую налаживать отношения с другими людьми. Эта категория пронизывает все сферы человеческих взаимоотношений. Она зарождается в глубокой древности в IV тысячелетии до н.э. Все составители словарей понимают под «этикой» - философскую дисциплину, изучающую нравственность, мораль [2. С. 910-911; 3. С. 889; 4. С. 633; 5. С. 572; 6. С. 573].

Аристотеля считают основателем этики как науки, именно он вводит в научный оборот этот термин. Известно, что в этике можно выделить два рода проблем: вопросы о том, как должен поступать человек, и собственно теоретические вопросы о происхождении и сущности морали. Исходя из первого рода проблем, становится очевидной практическая направленность этики, ее включенность во все сферы бытия, за что она и получила название «практической философии». Практическое значение этики проявляется во взаимоотношениях между людьми через общение и поведение.

Мы попытаемся раскрыть понятие «этические принципы», лежащее в основе преподавания иностранных языков. Под «принципами» мы понимаем абстрагированные, обобщенные представления, которые дают возможность тем, кто на них опирается, правильно формировать свое поведение, свои действия, свое отношение к чему-либо [1. С.4].

Следовательно, в этических принципах, касающихся преподавания иностранных языков, должны отражаться универсальные формулы поведения с представителями других культур. Необходимо отметить, что основой формирования внешних проявлений поведения человека являются традиции, которые отражаются в значительной мере на взаимоотношениях людей. Традиции требуют от человека таких черт, как тактичность, доброжелательность, пунктуальность, вежливость, умение слушать и слышать собеседника, умение владеть собой в конфликтных ситуациях. Придерживаясь существующих традиций другой страны, мы можем избежать взаимного непонимания, излишних противоречий и даже неприязненного к себе отношения. Следования традициям позволяет проявить уважение к другим людям, к обычаям страны изучаемого языка, ее культуры. Мы можем выделить следующие этические принципы:

1. Свобода – предполагает терпимое отношение к проявлению национальных особенностей, культурных национальных традиций, лояльность к различным точкам зрения.

2. Непринужденность – соблюдение традиций не должно превращаться в нечто навязываемое, отторгаемое психологически.

3. Эффективность – уменьшение разногласий, конфликтных ситуаций и т.д.

4. Консерватизм – приверженность к тем или иным традициям невольно вызывает ассоциации чего-то незыблемого, надежного.

5. Целесообразность – традиции должны служить определенным целям.

Традиции весьма разнообразны – в разных странах, регионах, у разных национальностей. Например, традиция дарить цветы. Во Франции физалис обыкновенный дарится в особых случаях – женщина, таким образом, сообщает мужчине, что беременна, а мужчина, даря физалис, говорит женщине, что хочет от нее ребенка. В Венгрии цветком скорби считается хризантема, тогда как в Японии ее очень ценят. Она – символ императорского дома Японии, символ солнца и возрождения. В Латинской Америке красный цвет символизирует

цвет смерти и крови, поэтому на различные торжества дарят белые цветы. В России на похороны дарят четные букеты, а в Европе и в Америке можно дарить четное количество цветов по самым разным поводам. Например, в США – когда заказывается доставка роз, то всегда именно четное количество. А на Востоке четное количество цветов считается счастливым. Греки очень ценят фиалку, которая первоначально обозначала печаль, и ее сажали на могилах. В то же время фиалка обозначает у греков скромность и целомудрие, она – весенний символ. В Италии принято дарить цветы, но не хризантемы, если вас приглашают на ужин. В Испании также принято, если идешь в гости, дарить букет цветов, но также исключаются хризантемы и георгины.

Традиции не остаются неизменными на них влияют изменения в государственном устройстве, культуре, характере взаимоотношений народов, также технологический, технический, научный прогресс, развитие средств коммуникации. Но знание традиций страны изучаемого языка поможет сделать контакты мягкими, проявить уважение к представителям другой культуры и не оказаться в неловкой ситуации. Мы можем заключить, что этические принципы в преподавании иностранных языков выражаются через знание традиций страны изучаемого языка.

Список литературы

1. Ботавина Р. Н. Этика деловых отношений: учеб. пособие. М. : Финансы и статистика, 2003. 208 с.
2. Культура и Культурология: Словарь / Сост. и ред. А. И. Кравченко. М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. 928 с.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 53000 слов / С.И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. М. : ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век» : ООО «Издательство «Мир и Образование», 2003. 896 с.

List of literature

1. Botavina R. N. Etika delovyyh otnosheniy: ucheb. posobie. M. : Finansy i statistika, 2003. 208 s.
2. Kul'tura i Kul'turologiya: Slovar' / Sost. i red. A. I. Kravchenko. M. : Akademicheskiy proekt; Ekaterinburg : Delovaya kniga, 2003. 928 s.
3. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka: Ok. 53000 slov / S.I. Ozhegov; pod obsch. red. prof. L. I. Skvortsova. – 24-e izd., ispr. M. : ООО «Izdatel'skiy dom «ONIKS 21 vek» : ООО «Izdatel'stvo «Mir i Obrazovanie», 2003. 896 s.

4. Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. / гл. ред. В. В. Давыдов. М. : Большая Российская Энциклопедия, 1998 672 с.
5. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд. М. : Политиздат, 1987. 590 с.
6. Этика. Энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. М. : Гардарики, 2001. 671 с.
4. Rossiyskaya pedagogicheskaya entsiklopediya: V 2 t. / gl. red. V. V. Davydov. M. : Bol'-shaya Rossiyskaya Entsiklopediya, 1998 672 s.
5. Filosofskiy slovar' / Pod red. I. T. Frolova. 5-e izd. M. : Politizdat, 1987. 590 s.
6. Etika. Entsiklopedicheskiy slovar' / pod red. R. G. Apresyana i A. A. Guseynova. M. : Gardariki, 2001. 671 s.

**НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ
УЧЕБНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ
РКИ В МУЗЫКАЛЬНОМ ВУЗЕ:
М. БОГДАНОВИЧ – В. КОРОТКЕВИЧ**

Е. В. Михайлова, Е. В. Назарко

Важное место в процессе преподавания русского языка как иностранного занимают учебные материалы, многие из которых имеют национальную ориентацию. Яркой национальной спецификой выделяются художественные тексты. М. Богданович и В. Короткевич – выдающиеся представители белорусской культуры. Для занятий в музыкальном вузе нужны такие их произведения, которые имеют связь со специальностью обучаемых или объективируют национально-культурную парадигму. Поэзия М. Богдановича и В. Короткевича демонстрирует неразрывность художественных традиций белорусской культуры.

Ключевые слова: национально ориентированные учебные материалы, белорусская культура, музыкальный вуз.

Процесс преподавания РКИ основывается на большом количестве составляющих, важное место среди которых занимают учебные материалы: тексты с различными заданиями, грамматические упражнения, тесты и т.д. Многие тексты имеют национальную ориентацию как на русскую, так и на белорусскую культурную парадигму. При обучении иностранцев должны приниматься во внимание положения национально ориентированной методики, учитывающей «...особенности языка и культуры носителей изучаемого языка» [1. С.173]. Работа с иностранцами в Республике Беларусь имеет следующую особенность: «...решается проблема гармонического сочетания между культурой изучаемого языка (русского), культурой страны пребывания (Белоруссия) и национальной культурой учащегося» [2. С.6]. Поскольку всякий язык «...живет прежде всего в форме текстов...» [3. С. 27], в учебном процессе необходимо использовать тексты, включающиеся в белорусскую культурную парадигму, чтобы знакомить иностранных учащихся с национально-культурными особенностями Республики Беларусь.

Среди текстов, используемых на занятиях по РКИ, яркой национально-культурной спецификой выделяются художественные тексты. Л.Ф. Кашевская пишет о таких текстах: «Художественный текст представляет собой контекст не только литературного, но и общекультурного характера. Большое значение имеет многоплановость художественного текста, в самой природе которого заложена возможность его многостороннего прочтения. Задача преподавателя состоит в том, чтобы приблизить носителя другой культуры к наиболее адекватному прочтению художественного текста на русском языке» [4. С. 17]. Любое художественное произведение воплощает особенности той культуры, которую оно представляет: «Ценность художественной литературы состоит в том, что она помогает донести до иностранного читателя национальное своеобразие языкового видения мира или языковую картину мира» [5. С. 52].

Среди художественных текстов для работы с иностранными учащимися нефилологического профиля (студентами старших курсов, студентами магистратуры, аспирантами) необходимо отбирать прежде всего те, имена авторов которых можно назвать ключевыми именами национальных культур. Такими авторами являются М. Богданович и В. Короткевич. Для занятий по РКИ в музыкальном вузе нужны такие их произведения, которые имеют связь со специальностью обучаемых или объективируют национально-культурную парадигму.

Максим Адамович Богданович (1891 – 1917) – белорусский поэт, прозаик, публицист, критик, переводчик. Н. Гилевич писал о нем: «Таланта ему было дано от природы столько, что он мог бы высекать им волшебный огонь поэзии долгие десятилетия» [6. С. 3]. М. Богдановичу была суждена очень короткая творческая жизнь: «...первое его печатное произведение (аллегорический рассказ «Музыкант») появилось в газете «Наша нива» в 1907 г., первый и единственный прижизненный сборник стихов поэта «Венок» вышел в Вильне в 1913 г.» [7. С. 9]. Однако за это время он успел создать произведения такого уровня и масштаба, что стал «...рядом с Янкой Купалой и Якубом Коласом первой звездой на небосклоне национальной поэзии...» [7. С. 9]. Исключительно эрудированный и начитанный человек, М. Богданович оставил произведения различных жанров, поражающие своим глубоким концептуальным содержанием и красотой формы. Владимир Семенович Короткевич (1930 – 1984) – белорусский прозаик, поэт, публицист. Он считал М. Богдановича сво-

им творческим учителем. Известны его поэтические сборники «Моя Илиада», «Был. Есть. Буду» и др., повести «Дикая охота короля Стаха», «Седая легенда» и др., романы «Нельзя забыть», «Колосья под серпом твоим», «Черный замок Ольшанский» и др., очерки «Земля под белыми крыльями» и др. А. Мальдис считал, что он «...возвысился, стал эпохальным явлением (не побоимся этих слов) не только в процессе развития белорусской литературы или белорусской культуры, но и формирования (точнее, возрождения) национально-исторического сознания нашего народа» [8. С. 226]. Предметом рассмотрения на занятиях по РКИ могут стать следующие поэтические произведения этих авторов патриотической направленности: стихи М. Богдановича «Не погаснешь ты, моя заряночка...» [9. С. 134], «Беларусь, твой народ повстречается...» [9. С. 134], «Беларусь» [9. С. 135] и В. Короткевича «Надпись на колодезном камне» [10. С. 26], «Романс Марии» [10. С. 64]. Данные произведения, как никакие другие, имеют четко выраженную ориентацию на белорусскую культурную парадигму, они объективируют особенности национального менталитета. Рассмотрим процесс работы над данными произведениями.

Во вступительном слове преподаватель должен рассказать иностранным учащимся о М. Богдановиче: о том, что поэт родился в Минске, о его учебе, о поэтическом сборнике «Венок» и других творческих достижениях. Педагог может спросить у них, знают ли они, где находится улица М. Богдановича и памятник этому известному поэту в Минске. Необходимо интерпретировать слово *поляночка*. Затем следует чтение стихотворений «Не погаснешь ты, моя заряночка...» [9. С. 134] и «Беларусь, твой народ повстречается...» [9. С. 134] (объем каждого из них – одна строфа). Цель этапа притекстовой работы – раскрытие содержания данных поэтических произведений на основе лингвистического анализа текста. Преподаватель задает учащимся следующие вопросы и просит выполнить следующие задания:

1. О чем рассказывается в прочитанных вами стихотворениях?
2. Какой образ поэт воплощает в этих стихотворениях?
3. При помощи каких имен существительных поэт создает образ Родины?
4. Как вы понимаете слово *заряночка*? Подберите к нему однокоренные слова при помощи словаря. Найдите в первом стихотворении контекстуальный синоним к этому слову.

5. Как вы думаете, почему в обоих стихотворениях есть обращение *Беларусь*?

6. Найдите в первом и втором стихотворениях глаголы в форме повелительного наклонения. С какой целью их использует М. Богданович?

7. В обоих стихотворениях есть слова с семантическим компонентом 'свет'. Выпишите их. Попробуйте объяснить, почему автор употребляет их в данных произведениях.

8. Какое настроение преобладает в стихотворениях? Обоснуйте свой ответ.

9. Если бы вы были композитором, какое музыкальное произведение вы написали бы на эти стихи?

В качестве послетекстового задания можно предложить иностранным учащимся выучить любое из стихотворений наизусть и вспомнить, какие стихотворения патриотической направленности есть в литературе их родной страны, кто написал их.

Приступая к работе над стихотворением М. Богдановича «Беларусь» [9. С. 135], преподаватель уточняет, с какими произведениями поэта иностранные учащиеся уже знакомы, и просит охарактеризовать некоторые из них. Он спрашивает, что, по их мнению, дает изучение поэтических произведений белорусских авторов. Затем педагог сообщает название стихотворения, которое будет рассмотрено, и выясняет у учащихся, могут ли они по названию определить его содержание. Далее преподаватель в краткой форме рассказывает о том, какие исторические события, традиции связывают Беларусь и братские республики (Россию, Украину и др.). После этого следует объяснение некоторых слов и словосочетаний, встречающихся в стихотворении (*надчерица, пламенем страшным стоит, на выданье*), и чтение произведения преподавателем. После самостоятельного прочтения стихотворения учащиеся приступают к лингвистическому анализу на основе следующих вопросов и заданий, предложенных педагогом:

1. Какие трудности встретились вам при чтении?
2. Какой образ воплощен М. Богдановичем в этом стихотворении?
3. С кем ассоциируется Беларусь у поэта? Какие эмоции, чувства испытывает поэт по отношению к родной стране, к ее судьбе?
4. Как вы понимаете выражение «Имя твое мне огнем горит...» [9. С. 135]? Подберите к нему смысловой синоним.

5. О чем говорится в строке «Матери ласковой песней поется...» [9. С. 135]? Замените ее синонимической конструкцией.

6. Прочитайте строки, в которых говорится об истории Беларуси. Расскажите, какая судьба выпала на долю белорусского народа. Какие эпитеты и сравнения употребляет поэт?

7. Сравните количественное соотношение имен существительных и глаголов в произведении. Выпишите глаголы, составив видовые пары. Что дает преобладание имен существительных?

8. Сколько в стихотворении предложений? Найдите среди них назывные и осложненные однородными членами.

9. Прочтите строки, в которых говорится об отношении Беларуси к другим странам. Как вы их понимаете?

10. Прочитайте стихотворение еще раз и скажите, какой образ Беларуси создал М. Богданович в этом произведении.

11. Вспомните, какие известные вам белорусские музыканты, композиторы выразили свои патриотические чувства в своих произведениях.

В рамках послетекстового этапа работы учащимся предлагается выучить это или другое стихотворение о Беларуси наизусть, сопроводив его презентацию соответствующим музыкальным фоном, аргументировав во вступительном слове выбор поэтического и музыкального произведений.

Начиная работу над стихотворениями В. Короткевича, преподаватель должен изложить иностранным учащимся сведения об основных этапах его жизни и творчества, назвать наиболее известные произведения этого автора, особо выделив те, по которым были созданы кинофильмы и театральные постановки. Во время экскурсии по городу можно показать учащимся дом на улице К. Маркса в Минске, в котором жил поэт и на котором есть мемориальная доска.

Первое стихотворение В. Короткевича, которое предлагается в рамках рассматриваемой темы, называется «Надпись на колодезном камне» [10. С. 26]. На предтекстовом этапе работы преподаватель уточняет у учащихся, что они уже знают об истории Беларуси, а затем подробнее сообщает о наиболее трагических событиях и тяжелых испытаниях, выпавших на долю белорусского народа. Работа данного этапа позволит расширить межкультурную компетенцию иностранных учащихся, поскольку, по мнению А.И. Басовой, «... становление человека как социального существа, как носителя определенного этнического сознания и субъекта определенной культуры

невозможно без овладения языком этой культуры во всей ее этно-гео-исторической обусловленности...» [11. С. 311]. Так как постижение «...образов другой культуры происходит либо через поиск «эквивалентного» образа своей культуры, либо через поиск различий в образах своей и чужой культур...» [11. С. 310], уместно будет задать учащимся вопросы о том, что происходило в этот же исторический момент в их родной стране.

Работу на притекстовом этапе лучше начинать с объяснения слов *колодезный, вороги*, а также с семантизации значения следующих словосочетаний: *тучей смертной, изнемогших сынов, отходили храмы и города, мириады врагов, с ложью и сталью*, что позволит учащимся правильное перевести стихотворение и понять его патриотическую направленность. Преподаватель читает стихотворение вслух, после чего оно читается учащимися самостоятельно. Затем иностранным учащимся предлагаются следующие задания и вопросы:

1. Как вы думаете, что поэт хотел сказать своим произведением?
2. Прочитайте первую строфу. Как вы ее понимаете? Объясните выражение «...земля заслонила своих изнемогших сынов.» [10. С.26]. Найдите причастие в первой строфе, назовите инфинитив, от которого оно образовано.
3. Скажите, какое настроение угадывается в прочитанной части.
4. Подберите синонимы к следующим словам: *заслонила, изнемогших, отходили*, а также антонимы к словам *вороги, своих, слышался*. Назовите имена существительные, которые употреблены во множественном числе.
5. Прочитайте строки, в которых говорится об опасности, грозящей белорусской земле.
6. Просмотрите вторую строфу. Какое настроение доминирует в ней? Подтвердите свое мнение текстом. Объясните значение первого предложения.
7. Прочитайте второе предложение. Какой символ употребляет поэт, говоря о душах убитых? Проведите аналогию с культурой вашей страны.
8. В каких строках автор возвеличивает Беларусь? С каким образом сравнивает Беларусь В. Короткевич?
9. Напишите синоним словосочетания *мириады врагов*. Выпишите из второй строфы глаголы и назовите их инфинитивы, определите их вид и время. Найдите деепричастие, укажите инфинитив.

10. Прочитайте третью строфу стихотворения. Каким видит поэт будущее своей Родины? Назовите основную идею этой части.

11. Как вы понимаете слово *веки*? Подберите к нему синоним. Прочтите строки, в которых поэт дает характеристику белорусскому народу. Какие имена прилагательные употребляет В. Короткевич?

12. Какие строки стихотворения характеризуют В. Короткевича как поэта-патриота?

13. В первом и втором предложениях назовите подлежащее и сказуемое. Перечислите однородные члены предложения, которые есть в произведении.

14. Прочитайте стихотворение целиком. Какие чувства оно вызвало у вас? Подумайте, на какие смысловые части можно его разделить. Почему? Озаглавьте каждую из них, подобрав соответствующее имя существительное для наименования временного периода.

В качестве послетекстовой работы учащимся предлагается подготовить дома сообщение о художниках, музыкантах, писателях и поэтах родной страны, воплотивших патриотическую тему в своих произведениях.

Перед чтением стихотворения «Романс Марии» [10. С. 64] преподавателю необходимо спросить у учащихся, знают ли они, где в Минске находится фонтан «Мальчик и лебедь» и что они могут рассказать о нем. Затем проводится интерпретация некоторых слов и словосочетаний из стихотворения (*Страшный суд, хлопчик, Мицкевич, лебединая песнь*). Поскольку в названии стихотворения употреблена музыкальная лексическая единица – слово *романс*, иностранным учащимся предлагается объяснить ее значение. Затем стихотворение читается преподавателем вслух, а после этого обучаемые читают его про себя самостоятельно.

На притекстовом этапе работы преподаватель дает иностранным учащимся следующие вопросы и задания:

1. Как вы думаете, почему стихотворение называется «Романс Марии»?

2. Где и когда происходит действие в стихотворении?

3. Разделите стихотворение на строфы. Сколько у вас получилось?

4. Прочитайте первую строфу стихотворения. Почему в ней много сравнений?

5. Прочитайте вторую строфу стихотворения. Какие имена при-

лагательные, обозначающие цвет, использованы в ней и почему? Что поэт воплощает в образах розы и нарцисса?

6. Как В. Короткевич выражает сомнение в реальности происходящего в третьей строфе стихотворения? Почему он сравнивает женский образ с цветком?

7. Прочитайте четвертую строфу стихотворения. С чем в ней сопоставляется женский образ? Как вы понимаете словосочетание *музыка ясная*?

8. Прочитайте пятую строфу стихотворения, представьте себе фонтан «Мальчик и лебедь» и попробуйте объяснить словосочетания *радуг холодный звон* и *бронзовая сила*. Найдите в данной строфе деэпричастие и назовите глагол, от которого оно образовано.

9. Из следующей строфы стихотворения узнайте, что понимает лебедь, интерпретируйте, что такое *радужные слезы*. Переведите слово *рок*, подберите к нему синонимы и предложите ваше объяснение следующего предложения: «Хлопчик лебедю шею сжимает, // Как извечный жестокий рок» [10. С. 64].

10. Прочитайте последнюю строфу стихотворения. Почему в ней упоминается фамилия известного польского поэта А. Мицкевича? Для чего поэт трансформирует образы: вместо фонтана – *шумные воды*, вместо мальчика с лебедем – «Тень Мицкевича надо мною // Лебединую песнь ведет» [10. С. 64]?

11. Прочитайте все стихотворение еще раз. Какие чувства послужили основой для его написания?

В рамках послетекстовой работы иностранным учащимся может быть предложено выучить стихотворение наизусть и описать музыку, которая могла бы быть создана на это поэтическое произведение.

Поэзия М. Богдановича и В. Короткевича демонстрирует неразрывность художественных традиций белорусской культуры: в ней воплощается по-философски глубокое постижение вечных жизненных ценностей, прослеживаются исторические пути Родины, показывается, какой древней и самобытной является Беларусь, ее язык, ее культура. Иностранные учащиеся музыкального вуза, работая с такими учебными материалами, получают много информации о культуре той страны, где они живут и учатся, и по своей специальности, расширяют свой кругозор, повышают интеллектуальный потенциал, развивают ассоциативное мышление.

Список литературы

1. Щукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2000 еди-ниц. М. : Астрель : АСТ: Хранитель, 2007. 746 с.
2. Чумак Л. Н. Сопоставительное лингвокультуроведение: принципы, методы, сло-вари. Минск : РИВШ БГУ, 2003. 18 с.
3. Чумак Л. Н. Текстоцентрическая концепция обучения языку на пороге XXI века // Вестник БООПРЯИ. 2003. № 1. С. 16–28.
4. Кашевская Л. Ф. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции на занятиях по русскому языку как иностранному // Вестник БООПРЯИ. 2003. № 2. С. 14–18.
5. Яковлева С. И. Подготовка иностранцев к межкультурной коммуникации в процессе изучения русского языка в условиях белорусской национально-культурной среды // Вестник БООПРЯИ. 2003. № 2. С. 45–53.
6. Гилевич Н. Любовь непреходящая // Богданович, М. Узор василька: избр. лирика. Минск : Маст. лит., 1985. С. 3–12.
7. Лойка А. Паэт нараджаецца не аднойчы // Багдановіч, М. Поўны збор твораў. У 3 т. Мінск : навука і тэхніка, 1992. Т.1. С. 7–49.
8. Мальдзіс А. Жыцце і ўзнясенне Уладзіміра Караткевіча: Партр. пісьменніка і чалавека. Мінск : Маст. лит., 1990. 229 с.

List of literature

1. Schukin A. N. Lingvodidakticheskiy entsiklopedicheskiy slovar': bolee 2000 edi-nits. M. : Astrel' : AST: Hranitel', 2007. 746 s.
2. Chumak L. N. Sopostavitel'noe lingvokul'turovedenie: printsipy, metody, slo-vari. Minsk : RIVSh BGU, 2003. 18 s.
3. Chumak L. N. Tekstotsentricheskaya kontseptsiya obucheniya yazyku na poroge XXI veka // Vestnik BOOPRYAI. 2003. № 1. S. 16–28.
4. Kashevskaya L. F. Formirovanie mezhkul'turnoy kommunikativnoy kompetentsii na zanyatiyah po russkomu yazyku kak inostrannomu // Vestnik BOOPRYAI. 2003. № 2. S. 14–18.
5. Yakovleva S. I. Podgotovka inostrantsev k mezhkul'turnoy komunikatsii v pro-tsesse izucheniya russkogo yazyka v usloviyah belorusskoy natsional'no-kul'turnoy sredy // Vestnik BOOPRYAI. 2003. № 2. S. 45–53.
6. Gilevich N. Lyubov' neprehodyaschaya // Bogdanovich, M. Uzor vasil'ka: izbr. lirika. Minsk : Mast. lit., 1985. S. 3–12.
7. Lойка А. Паэт нараджаецца не аднойчы // Багдановіч, М. Поўны збор твораў. У 3 т. Мінск : навука і тэхніка, 1992. Т.1. С. 7–49.
8. Мальдзіс А. Жыцце і ўзнясенне Уладзіміра Караткевіча: Партр. пісьменніка і чалавека. Мінск : Маст. лит., 1990. 229 с.

9. Богданович М. Узор василька: Избр. лирика. Минск : Маст. літ., 1985. 142 с.
10. Короткевич В. С. Новая Атлантида: Стихи. Баллады. Поэмы / Пер. с белорус. В. Артемов. М. : Сов. писатель, 1989. 126 с.
11. Басова А. И. Межкультурная коммуникация и проблемы лингводидактики // Язык и межкультурные коммуникации : сб. науч. ст. / редкол.: В.Д. Стариченок [и др.]; отв. ред. В. Д. Стариченок. Минск : БГПУ, 2007. С. 310–312.
9. Bogdanovich M. Uzor vasil'ka: Izbr. lirika. Minsk : Mast. lit., 1985. 142 s.
10. Korotkevich V. S. Novaya Atlantida: Stihi. Ballady. Poemy / Per. s belorus. V. Artemov. M. : Sov. pisatel', 1989. 126 s.
11. Basova A. I. Mezhhkul'turnaya kommunikatsiya i problemy lingvodidaktiki // Yazyk i mezhkul'turnye kommunikatsii : sb. nauch. st. / redkol.: V.D. Starichenok [i dr.]; отв. red. V. D. Starichenok. Minsk : BGPU, 2007. S. 310–312.

**МЕТОД ПРОЕКТОВ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО
ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
УЧАЩИХСЯ ПРОФИЛЬНЫХ КЛАССОВ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ**

Е. В. Зиятдинова

Модернизация российской системы образования и связанные с ней радикальные изменения привнесли ряд проблем и актуализировали поиск эффективных путей повышения качества образования. Изменения коснулись и системы школьного образования. Становится все более актуальным применение инновационных технологий. В статье автор раскрывает возможности метода проектов как эффективно-го средства формирования коммуникативной компетенции учащихся профильных классов общеобразовательных учреждений.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, структурные компоненты, социологизации личности, метод проектов.

Вхождение России в единое европейское пространство предполагает ее конкурентоспособное участие в глобальном рынке труда, возможность профессиональной самореализации интеллектуальной элиты российской молодежи и за пределами нашей страны, что предъявляет определенные требования к качеству и характеру подготовки специалистов. Соответственно этой задаче назрела необходимость модернизации российской системы образования. Изменения коснулись и системы школьного образования. Переход на новую форму итоговой аттестации, достижение прозрачности и демократичности функционирования российских образовательных структур открыли перед учащимися новые возможности и перспективы. Однако следует признать, что модернизация и связанные с ней радикальные изменения в российской системе образования привнесли ряд проблем и актуализировали поиск эффективных путей повышения качества образования.

Основная задача современной системы образования на современном этапе ее развития состоит в том, чтобы не только вооружать обучающегося знаниями, но и формировать у него потребность в непрерывном самостоятельном и творческом подходе к овладению

новыми знаниями, создавать возможности для отработки умений и навыков самообразования. Главным результатом модернизации образования является осознание важности формирования у молодых людей, оканчивающих школу, готовности и способности нести личную ответственность за собственное благополучие и за процветание общества. Новая парадигма российского образования наряду с общепедагогическими и научными предъявляет к результатам работы школы и социокультурные требования. Общеизвестно, что факт наличия знаний не задает пространства жизненного пути, перспектив молодежи: «Человек не ценится теперь только как носитель знаний, а важно, чтобы он был деятель» [1]. К современному образованию стало предъявляться основное требование: оно должно быть компетентностно-ориентированным, направленным на формирование у учащихся школ ключевых компетенций: лингвистической, дискурсивной, профессиональной, социальной, стратегической, общеучебной, коммуникативной.

Закономерен вопрос: какие качества или компетенции прежде всего необходимо развивать у учащихся в процессе их обучения в школе, чтобы будущая профессиональная жизнь выпускника соответствовала требованиям рынка труда. Среди перечисленных компетенций наиболее значимой для формирования креативно мыслящей личности, на наш взгляд, является коммуникативная компетенция, которая является фундаментом для формирований других видов компетенций. Это подтверждается результатами анкетирования родителей учащихся лицея №83 г. Уфы (2008г.), в которых были определены параметры, способные обеспечить молодым членам общества овладение профессией и содействовать творческой и профессиональной самореализации: самостоятельность, высокий уровень владения речью и речевой культурой, способность адекватно ситуации общения организовывать свою речевую деятельность, умение общаться в любой ситуации, владение компьютерными технологиями, знание нескольких языков и др. Результаты анкетирования являются косвенным подтверждением того, что формирование навыков коммуникативной компетенции является необходимым условием дальнейшей профессиональной реализации учащихся. Это дает основания считать коммуникативную компетенцию одной из наиболее востребованных.

В современных условиях обучения значительное место отводится гуманитарным наукам. В «Концепции модернизации российского

образования на период до 2010 года» особое внимание уделяется необходимости углубления школьного образования за счет гуманитаризации его содержания. Среди условий, призванных повысить качество образования, в документе выделяется:

1. Использование эффективных методов обучения.
2. Усиление роли дисциплин, обеспечивающих успешную социализацию учащихся.
3. Обеспечение дифференцированного и индивидуализированного образования при выполнении государственных стандартов – на основе многообразия образовательных учреждений и вариативности образовательных программ [2].

В концепции особая роль отводится филологической составляющей в подготовке школьников. Это связано с тем, что уровень владения различными видами речевой деятельности становится индикатором не только общей языковой подготовки, но и средством приобщения к общечеловеческим ценностям, культуре, а также выступает важным фактором социологизации личности. На современном этапе развития общества коммуникативная культура и высокий уровень владения языком и речью гарантируют успешную коммуникацию в общественной и в деловой сферах.

Более того, реализация большинства жизненных потребностей человека вне коммуникативного контекста в значительной степени теряет смысл. По мнению ряда исследователей (А.М. Коротков, Д.И. Фельдштейн и др.), самореализация учащегося как социально ориентированной личности возможна при наличии следующих умений: соотноситься, соорганизовываться, сотрудничать, сосуществовать с другими индивидуумами социума [3], [4].

Таким образом, формирование коммуникативной компетенции определяется как наиболее приоритетное и востребованное направление современного российского среднего, средне-технического и высшего образования.

Вслед за М.К. Кабардовым и Е.В. Арцишевской, мы определяем коммуникативную компетенцию как демонстрируемую область (области) успешной коммуникативной деятельности на основе усвоенных средств и стратегий речевого общения, подкрепляемых языковыми навыками и речевыми умениями [5].

Коммуникативная компетенция предполагает формирование:

- компетенций, касающихся владения устным и письменным общением, которые важны в работе и общественной жизни; меж-

культурных коммуникаций, таких, как толерантность, умение выстроить диалог с человеком другой культуры;

- компетенций, связанных с возникновением общества информации; владение новыми технологиями, осознанное их применение, способность критического восприятия распространяемой по каналам СМИ информации и рекламе;

- социальных компетенций, под которыми мы понимаем способность брать на себя ответственность, участвовать в совместном принятии решений, регулировать конфликты ненасильственным путем, готовность к сотрудничеству, искать и находить содержательные компромиссы как основу непрерывной подготовки в профессиональном плане, а также в личной и общественной жизни;

- компетенций, связанных с формированием управленческих умений (если раньше эти компетенции формировались в пионерской дружине, комсомольской организации, то в настоящее время это открытый в педагогике вопрос).

При всем разнообразии существующих в современной педагогике подходов к изучению структуры коммуникативной компетенции, можно выделить наиболее общие компоненты:

- лингвистический (лексика, грамматика, фонетика, орфография);

- дискурсивный (построение устных и письменных текстов);

- прагматический (успешное достижение коммуникативной цели);

- стратегический (преодоление трудностей коммуникации);

- социокультурный (соответствие социокультурным нормам).

Все перечисленные компоненты коммуникативной компетенции легко поддаются измерению с помощью тестовых методик [6], [7] и могут быть объективно оценены (следует отметить, что наименее разработанным до сих пор остается тестирование социокультурной компетенции учащихся) [8].

Отсутствие коммуникативной компетенции в социальной практике приводит к отсутствию у индивида необходимых для адаптации к жизни коммуникативных качеств. Не случайно зарубежные консультанты и представители, работающие с российскими политиками, управленцами, специалистами в области образования и предпринимателями, отмечают отсутствие проектного мышления у российской молодежи. На первый план выступает задача включения учащихся в процесс употребления знаний в социальной практике через исполь-

зование проектного подхода, который крайне актуален в современных условиях огромного дефицита современных управленческих подходов и технологий.

Наиболее эффективным способом формирования коммуникативной компетенции является проектная деятельность. Под методом проектов в дидактике понимается совокупность учебно-познавательных приемов, позволяющих учащимся приобретать знания и умения в процессе планирования и самостоятельного выполнения определенных практических заданий с обязательным представлением результатов [9]. Исследователи единодушны в том, что проектная деятельность является существенным компонентом системы продуктивного образования и представляет собой творческий способ организации образовательных процессов через активные способы действий (планирование, прогнозирование, анализ, синтез), ориентированных на реализацию личностного, субъектного, подхода (М.Ю. Бухаркина, В.В. Копылова, А.П. Кузнецова, О.М. Моисеева, Е.С. Полат, Т.Е. Сахарова, С. Хайнс, Д. Фрайд-Бут и др.). Проектная деятельность оценивается как наиболее эффективный способ формирования коммуникативной компетенции, поскольку метод проектов «позволяет наименее ресурсозатратным способом создать условия деятельности, максимально приближенные к реальным, для формирования компетенций учащихся» и «предполагает определенную совокупность учебно-познавательных приемов, которые позволяют решить ту или иную проблему в результате самостоятельных действий учащихся с обязательной презентацией этих результатов» [10]. Если говорить о методе проектов как о педагогической технологии, то «эта технология предполагает совокупность исследовательских, поисковых, проблемных методов, творческих по самой своей сути» [11]. Учебное и социальное проектирование позволит учащимся приобрести опыт системного подхода к решению межпредметных, надпредметных и личностных проблем.

Потребность в разработке мер, необходимых для формирования коммуникативных компетенций личности учащихся, необходимость обеспечения скоординированного взаимодействия преподавателей русского языка и литературы с преподавателями профильных предметов с целью более успешного социального и профессионального самоопределения и раскрытия творческого потенциала школьников обусловили разработку целого ряда проектов, разнообразных с точки зрения форм реализации.

Исследование проводилось на базе технического лицея №83 г. Уфы. Данное образовательное учреждение является частью образовательного пространства «Школа-вуз» и тесно сотрудничает с Уфимским государственным нефтяным техническим университетом. Цель исследования заключалась в теоретическом обосновании и практической апробации возможностей формирования коммуникативной компетенции учащихся образовательных учреждений технического профиля при создании проектов различных форм.

Образовательный процесс, ориентированный на формирование коммуникативной компетенции учащихся технического лицея, может быть эффективным, если:

- создать мотивацию через деятельность, имеющую практическую значимость (востребованную в социальной практике учащихся технического лицея);
- обосновать содержание и функциональные связи гуманитарного образования учащихся технического лицея с системой мероприятий, субъектами которых они являются;
- выявить потенциал содержания филологического образования учащихся технического лицея как источника формирования коммуникативной компетенции;
- определить и реализовать, согласно содержательно-методической модели, педагогические условия формирования коммуникативной компетенции учащихся технического лицея на основе интеграции предметной области филология с предметами технического и естественнонаучного циклов с использованием метода проектов.
- создать необходимые условия для проявления личного «Я» у подростков и комфортных условий адаптации в социуме.

Все эти условия мы реализовали в эксперименте, который проводился в период с 2006 по 2009г.г. в профильных классах лицея №83 г.Уфы и включал следующие этапы.

Первый этап (2006 - 2007 уч. г.) – подготовительно-поисковый. Изучение философской, психолого-педагогической, социологической, исторической литературы, анализ различных аспектов проблемы исследования, определение исходных параметров исследования, констатирующий эксперимент, по результатам которого были разработаны педагогические условия формирования коммуникативной компетенции учащихся технического лицея средствами проектной методики.

Второй этап (2007 - 2008 уч. г.) – опытно-экспериментальный. Определение педагогических условий формирования коммуника-

тивной компетенции учащихся технического лица. Осуществление формирующего эксперимента, в ходе которого были проверены основные положения гипотезы.

Третий этап (2008 - 2009 уч. г.) – обобщающий, связанный с завершением экспериментальной работы (контрольный эксперимент), анализом и уточнением теоретических и практических выводов, обобщением и систематизацией полученных результатов.

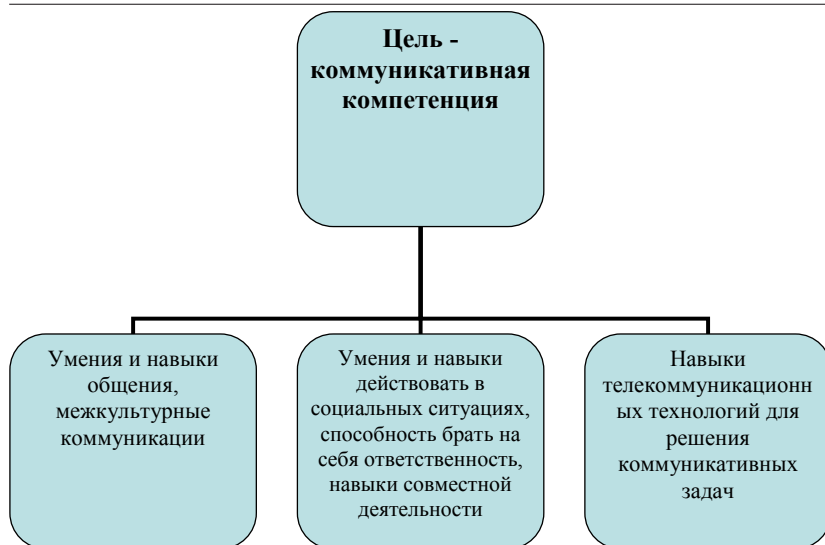
Критерии оценки ожидаемых результатов были сгруппированы по следующим направлениям:

- констатирующие наличие мотивации в процессе формирования гуманитарной компетенции: рост творческой активности (определяется по количеству учащихся, принявших участие в олимпиадах, конференциях, конкурсах, чтениях и других такого же рода мероприятиях).

- диагностирующие уровень сформированности коммуникативной компетенции у учащихся технического лица: владение всеми видами речевой деятельности (говорение, аудирование, чтение, письмо), умение работать с текстами разных стилей и типов речи на уровне информационно-смысловой обработки, умение создавать тексты разных жанров, уровень самостоятельности, интеллектуально-рефлексивные способности, уровень развития коммуникации (также учитывались такие показатели как качество знаний, подготовка в вуз по данному предмету, связь между количеством учащихся, занимающихся проектной деятельностью, и количеством поступивших в те или иные вузы).

- выявляющие наличие положительной психологической динамики (в плане личностного роста, социальной адаптации и психологической устойчивости): приспособленность детей к реалиям современной жизни, общая развитость, владение языком и стилем поведения, принятом в научном (да и любом интеллектуальном) сообществе, навык и потребность в содержательном информативном общении, изменения, происходящие в мировоззрении учащихся, в их субъективном мире, адаптивность вхождения в различные культурные контексты, рефлексия (личностная, психологическая, социальная), наличие позиции по отношению к самому себе, способность к саморазвитию и эвристическому решению поставленных проблем и др.

В рамках работы по реализации проектов различных форм была разработана следующая модель формирования коммуникативной компетенции (*рис. 1* Модель формирования коммуникативной компетенции).

По результатам проведенного исследования нами были выявлены основные принципы эффективного формирования коммуникативной компетенции учащихся образовательного учреждения с техническим профилем средствами проектной методики:

- **изменение образовательной среды:** достижение реальной эффективности при формировании коммуникативной компетенции и использовании полученных знаний на практике мы видим в привлечении к работе над созданием проектов преподавателей профильных предметов;

- **использование проблемного подхода:** переход от предметного формирования групп-участников проекта к проблемному или предметно-проблемному, объединение участников проекта по направлению деятельности.

- **лично-ориентированная направленность:** организация образовательного процесса с использованием лично-ориентированного подхода, деятельностных методов с выходом на конкретный практический результат обучения: создание продукта, разработку проекта;

- **создание инновационной среды:** включение учащихся в проектную деятельность, создание условий для успешной разработки проектов;

• **учет специфики профиля образовательного учреждения:** при выборе тем, при разработке форм проектов следует учитывать техническую направленность образовательного учреждения, поскольку каждая специальность имеет «свой образ»;

• **сопровождение практической деятельности учащегося:** здесь мы имеем в виду информационную и организационную помощь преподавателя при создании проектов различных форм.

В эксперименте принимал участие 91 учащийся лица. Были сформированы группы: экспериментальная и контрольная. Целью обучающего эксперимента являлась проверка эффективности реализации педагогических условий формирования коммуникативной компетенции учащихся средствами проектной методики. Организация проектной деятельности в экспериментальной группе осуществлялась во внеурочное время. Для достижения цели процесс обучения строился с учетом обозначенных выше педагогических условий. В контрольных группах формирование коммуникативной компетенции осуществлялось в рамках традиционного обучения с выделением дополнительных часов на факультативные занятия.

В ходе эксперимента были опробованы различные формы реализации метода проектов:

- пресс-конференция;
- экспериментальная лаборатория;
- экономическая игра;
- аналитико-статистическое бюро;
- виртуальная экскурсия;
- методическая мастерская;
- издательское дело;
- студия анимационных проектов.

Наиболее эффективными в плане формирования коммуникативной компетенции оказались проекты, идеи которых были предложены учащимися и отражали их потребности. Таким, например, оказался исследовательский проект «Лингвистический анализ текстов математических задач», выполненный учащимися 5 класса лица №83 г. Уфы в 2008г. Интересным продолжением проекта «Издательское дело» стал целый цикл исследовательских проектов, связанных с публицистикой: «Жаргонная лексика в языке современных газет», «Слова-универбанты на газетной полосе», «Компьютерная лексика в СМИ и на страницах Интернет-сайтов», «Особенности функционирования знаков препинания в электронных высказываниях (смайли-

ки)», «Тенденции изменения словоупотребительных и словосочетательных норм русского языка на примере средств массовой информации», «Лингвистическая и социально-психологическая мотивация речевых ошибок на примере СМИ».

Эффективными в плане раскрытия творческого потенциала учащихся оказались телекоммуникационные проекты (телемосты, видеоролики, документальные фильмы, видеоинтервью, пресс-конференции, лабораторные исследования с использованием средств телекоммуникации), спецификой которых являлось использование при их реализации межотраслевой и межрегиональной информации из различных сфер жизни общества, наблюдения за природным, химическим, языковым, социальным явлением, его анализ, требующий сбора данных в разных регионах для решения поставленной проблемы; сравнительное изучение эффективности использования альтернативных способов решения проблемы.

Следует отметить, что расширение состава участников проектной деятельности также оказало положительное влияние на результат эксперимента. Первоначально к работе над созданием проектов привлекались только учащиеся, вошедшие в состав экспериментальной группы (на первом этапе – 9 класс, на завершающем – 11 класс), однако с ростом популярности и престижности участия в проектах появилась возможность задействовать в работе и желающих из числа учащихся 5-8 классов. Более широкая аудитория при защите проекта, возможность трансляции, передачи приобретенных знаний и навыков «новичкам» способствовали более прочному их усвоению и закреплению учащимися, входящими в состав экспериментальной группы.

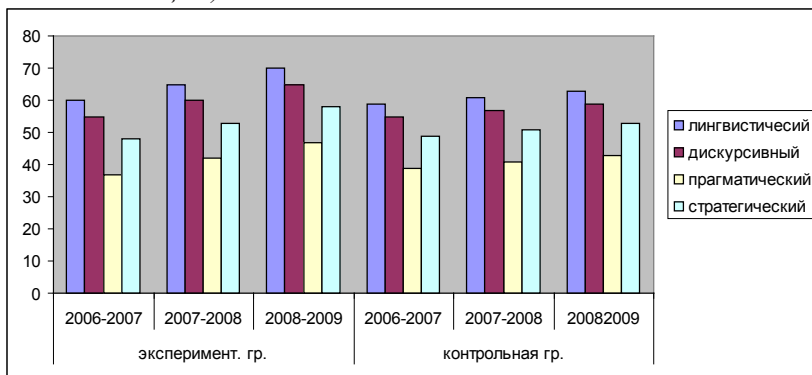
На протяжении всего периода опытно-экспериментальной работы нами проводились нулевой, промежуточные и контрольные срезы, контрольные работы, включающие в том числе и задания творческого характера, тесты, социометрические исследования, которые должны были показать, какими знаниями и умениями овладели участники эксперимента за время обучения.

С целью определения уровня развития коммуникативной компетенции было проведено исследование на основе теста В.Ф. Ряховского, тестовых карт коммуникативной деятельности А.А. Леонтьева, Бойко В.В., учитывались рекомендации, разработанные С.Р. Балуюя для проведения тестирования устной речи, использовались тесты из исследования М.К. Кабардова и Е.В. Арцишевской «Типы и уровни

сформированности коммуникативной компетенции» [12], [13], [14], [15], [5]. Методики контроля коммуникативной компетенции и лингводидактического тестирования, представленные в работах методистов Н.В. Соколовой, Л.И. Пучковой, Т.Ю. Угроватовой, Н.А. Сениной были эффективны при определении уровня сформированности лингвистического компонента коммуникативной компетенции. [16], [17], [18].

Результаты каждого этапа убедительно свидетельствуют о безусловном росте уровня сформированности коммуникативной компетенции по всем направлениям: в экспериментальной группе – примерно 10%, в контрольной – в среднем 3-5%.

В ходе эксперимента мы наблюдали, что осознанность процесса усвоения знаний характеризуется, в первую очередь, позитивным отношением к учебно-познавательной деятельности и выработкой положительной самооценки учащимися своей учебной деятельности. В экспериментальной группе наблюдался значительный рост процента учащихся, которые высказывали позитивное отношение к предмету (с 36% до 93%) и положительно оценивали свою учебную деятельность (с 62% до 96%) (табл. 2 *Диагностика коммуникативной компетенции.*)

Активность как качество деятельности личности является неотъемлемым условием и показателем реализации любого принципа обучения. Для экспериментального исследования познавательной активности использовались методы, предложенные Краевой О.Л. [19].

Познавательная активность как педагогическое явление - это двусторонний взаимосвязанный процесс: с одной стороны, это форма самореализации учащегося, с другой - результат особых, усилий педагога в организации познавательной деятельности учащихся.

Результаты диагностики уровня познавательной активности свидетельствует о том, что в контрольной группе до уровня творческой активности никто из учащихся так и не смог подняться. В экспериментальной группе познавательную активность творческого уровня проявили 25% учащихся. Данный уровень характеризуется интересом и стремлением не только проникнуть глубоко в сущность явлений и их взаимосвязей, но и найти для этой цели новый способ. Характерная особенность познавательной активности творческого уровня – проявление высоких волевых качеств учащегося, упорство и настойчивость в достижении цели, широкие и стойкие познавательные интересы. Данный уровень активности обеспечивается возбуждением высокой степени рассогласования между тем, что учащийся знал, что уже встречалось в его опыте и новой информацией, новым явлением (*табл. 3. Уровни познавательной активности*).

Рост уровня познавательной активности оценивался по числу участников олимпиад и конкурсов различного уровня. В экспериментальной группе он составил:

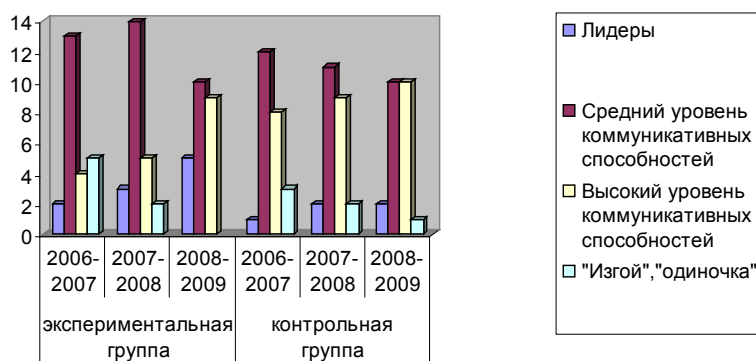
- олимпиада «Русский медвежонок» – возрос до 100%;
- конкурс эссе – от 0% до 10%;
- конкурс сочинений «Лучший урок письма» – от 0% до 17%;
- конкурс сочинений, приуроченный к году социальной поддержки семьи – до 15%;
- выпуск сборников (страшилки, лингвистические кроссворды, сказки) – от 10% до 65%;
- участие в НПК по литературе и информатике – от 10% до 50%;

Методика преподавания языка

- предметные олимпиады – развитие от городского уровня до Федерального;
- конкурс работ по информационным технологиям – от 5% до 17%;
- дистанционные конкурсы творческих работ (оба предмета) от 5% до 25%.

Социометрические исследования показали, что 12% учащихся смогли развить в себе лидерские качества. Особенно значимо, с точки зрения коммуникативной компетенции, что коммуникативные качества среднего уровня смогли дети, ранее входившие в группы малоконтактных или «одиночек» (табл. 4 Социометрические исследования).

СОЦИОМЕТРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Таким образом, анализ полученных результатов убедительно свидетельствует об эффективности применения проектной методики при формировании коммуникативной компетенции учащихся технического лица. Такое влияние можно проследить и в сфере личностных, интеллектуальных и социальных проявлений.

Проведенные исследования зафиксировали рост уровня сформированности коммуникативной компетенции учащихся, участвовавших в проектной деятельности, что подтверждает правильность выдвинутой рабочей гипотезы.

Разработанные нами формы проектной деятельности позволят воспитать креативную личность, способную повысить интеллектуальный потенциал страны. Современное российское общество

нуждается в высокообразованных, инициативных предприимчивых молодых людях. Выпускники школ должны быть готовы к новым общественным отношениям; социально защищены; должны быть нравственно стойкими и подготовленными к встрече с трудностями в условиях жесткой конкуренции на рынке труда. И главное, выпускники должны быть способны к саморазвитию, к непрерывному совершенствованию себя.

Предлагаемые подходы к организации проектной деятельности могут быть использованы в качестве методических рекомендаций для учителей русского языка и литературы по формированию коммуникативной компетенции учащихся технических лицеев, в высшей школе и средних специальных учебных заведениях в процессе профессиональной подготовки студентов, а также в системе повышения профессиональной квалификации учителей русского языка и литературы.

Список литературы

1. Выступление Президента Российской Федерации на заседании Государственного Совета Российской Федерации. 29 августа 2001 г., Москва, Кремль // Официальный веб-сайт Президента Российской Федерации: Речи и выступления. М.: 2001. С. 1–5.
2. «Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года». Российское образование. Федеральный образовательный портал: нормативные документы. 5 апреля 2002 года, Москва, Кремль.
3. Коротков А. М. Теоретико-методическая система подготовки учащихся к обучению в компьютерной среде: автореф. дис. д-ра пед. наук. Волгоград, 2004. 18 с.
4. Фельдштейн Д. И. Личностное развитие растущих людей в усло-

List of literature

1. Vystuplenie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii na zasedanii Gosudarstvennogo So-veta Rossiyskoy Federatsii. 29 avgusta 2001 g., Moskva, Krem' // Ofitsial'nyj veb-sayt Prezidenta Rossiyskoy Federatsii: Rechi i vystupleniya. M.: 2001. S. 1–5.
2. «Kontseptsiya modernizatsii rossiyskogo obrazovaniya na period do 2010 goda». Rossiyskoe obrazovanie. Federal'nyj obrazovatel'nyj portal: normativnye dokumenty. 5 aprelya 2002 goda, Moskva, Krem'.
3. Korotkov A. M. Teoretiko-metodicheskaya sistema podgotovki uchashihsya k obucheniyu v komp'yuternoy srede: avtoref. dis. d-ra ped. nauk. Volgograd, 2004. 18 s.
4. Fel'dshteyn D. I. Lichnostnoe razvitie rastuschih lyudey v uslovi-

- виях социально-экономического кризиса. М., 1994, С. 112.
5. Кабардов М. К. Типы языковых и коммуникативных способностей и компетенции // Вопросы психологии. М., 1996. С.103.
6. Фишман И. С. Тесты внешней оценки уровня сформированности ключевых компетентностей учащихся, М., 2005. С.105.
7. Загребина М. Г. Тесты внешней оценки уровня сформированности ключевых компетенций учащихся // Внешняя оценка уровня сформированности ключевых компетенций. Тесты. М., 2006. С. 250.
8. Бойко В. В. Диагностика коммуникативной и социальной компетенции. URL : testology.psychology.ru.
9. Азимов Э. Г. Словарь методических терминов, СПб. : Златоуст, 1999. С. 150.
10. Голуб Г. Б. Метод проектов как технология формирования ключевых компетентностей учащихся. Самара : Профи. ЦПО. 2003. С. 5.
11. Полат Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования, 2000. С. 67.
12. Ряховский В. Ф. Тест оценки уровня общительности и коммуникативности. URL : www.navetke.com/First/7 .
13. Леонтьев А. А. Тестовая карта коммуникативной деятельности
- yah sotsial'no-ekonomicheskogo krizisa. M., 1994, S. 112.
5. Kabardov M. K. Tipy yazykovykh i kommunikativnykh sposobnostey i kompetentsii // Voprosy psihologii. M., 1996. S.103.
6. Fishman I. S. Testy vneshney otsenki urovnya sformirovannosti klyuchevykh kompetentnostey uchashihsya, M., 2005. S.105.
7. Zagrebina M. G. Testy vneshney otsenki urovnya sformirovannosti klyuchevykh kompetentsiy uchashihsya // Vneshnyaya otsenka urovnya sformirovannosti klyuchevykh kompetentsiy. Testy. M., 2006. S. 250.
8. Boyko V. V. Diagnostika kommunikativnoy i sotsial'noy kompetentsii. URL : testology.psychology.ru.
9. Azimov E. G. Slovar' metodicheskikh terminov, SPb. : Zlatoust, 1999. S. 150.
10. Golub G. B. Metod proektov kak tehnologiya formirovaniya klyuchevykh kompetentnostey uchashihsya. Samara : Profi. TsPO. 2003. S. 5.
11. Polat E. S. Novye pedagogicheskie i informatsionnye tehnologii v sisteme obrazovaniya, 2000. S. 67.
12. Ryahovskiy V. F. Test otsenki urovnya obschitel'nosti i kommunikativnosti. URL : www.navetke.com/First/7 .
13. Leont'ev A. A. Testovaya karta kommunikativnoy deyatel'nosti.

- сти. URL : vch.narod.ru.
14. Бойко В. В. Тестовая карта коммуникативной деятельности. URL : www.pedlib.ru.
15. Балуйан С. Р. Тестирование устной коммуникации. М. : Высш. шк., 2004. С. 208.
16. Пучкова Л. И. Русский язык: Типовые тестовые задания. М., 2008. С. 144.
17. Угроватова Т. Ю. Учебно-тренировочные тесты. М., 2006. С. 144.
18. Сенина Н. А.. Учебно-методическое пособие. Справочные и дидактические материалы, тесты. Р-н/Д. : Легион,2007. С. 493.
19. Краева О. Л. Диалектика потенциала человека. Н.-Новгород ; М. : НГСХА, 1999. 192 с.
- URL : vch.narod.ru.
14. Boyko V. V. Testovaya karta kommunikativnoy deyatel'nosti. URL : www.pedlib.ru.
15. Baluyan S. R. Testirovanie ustnoy kommunikatsii. M. : Vyssh. shk., 2004. S. 208.
16. Puchkova L. I. Russkiy yazyk: Tipovye testovye zadaniya. M., 2008. S. 144.
17. Ugrovatova T. Yu. Uchebno-trenirovochnye testy. M., 2006. S. 144.
18. Senina N. A.. Uchebno-metodicheskoe posobie. Spravochnye i didakticheskie materialy, testy. R-n/D. : Legion,2007. S. 493.
19. Kraeva O. L. Dialektika potentsiala cheloveka. N.-Novgorod ; M. : NGSXA, 1999. 192 s.

ABSTRACTS

Alimuradov O.A., Guseva M. A. Regional Model of the Concept BEAUTY Verbalized by Women-communicators

The article is devoted to the investigation of the systemic structure of the concept BEAUTY, represented in the female discourse. The aim of the article is to single out its conceptual domains, to characterize the nature of their bonds, to represent its hierarchy, to single out the conceptual spheres most frequently activated in women's discourse. The analysis lets us confirm that the concept BEAUTY is represented by the unity of its macro-spheres "physical beauty", "spiritual beauty", "natural beauty", "artificial beauty", which in their turn fall into several micro-spheres, represented by the information of each referent object of evaluation, singled out according to the principle of frequency of its verbalization in emotional communication.

Keywords: concept, discourse, language personality, evaluative communication

Anokhina M.. About some Peculiarities of Usage of Adverbial Verbs in Construction "come (go) + PI"

The article deals with peculiarities of adverbial verbs and their use in construction "come (go) + PI". This construction is considered to be widely spread in the English language.

Keywords: adverbial verbs, construction, lexico-semantic group (LSG).

Antipova E.N. The Conception "metel" in the Russian Language World View

In clause the description of a language embodiment of one of key cultural conception's Russian national picture of the world – of the conception «Metel (blizzard)» – on the basis of lexicographic data and texts of the Russian classical literature with use of techniques of the conceptual analysis of contexts, commenting of texts of the classical literature and the semantic analysis of words, the free and connected word-combinations is presented.

Keywords: cultural conception, Russian national world view, linguistic cultural commentary

Ballod I.V. About the Status of Full Stop within the Common Geographic Means of Written Speech Execution

The article gives a brief analysis of modern home and foreign reference books and research papers devoted to the study of the status of full-stop in the system of general typography. The research of dubious character and specific usage of this symbol enables us to put forward a hypothesis about its special status as a means of punctuation and that of spelling.

Keywords: graphics, punctuation marks, orthographic means, written speech, full stop mark

Beylinson L.S. Implicit Speech Actions in the Professional Discourse

The article is devoted to implicit speech acts in professional discourse. These acts are predetermined by cultural norms, status balance and situational peculiarities and tend to occur in non-categorical utterances.

Keywords: implicitness, speech act, professional discourse, non-categorical utterance.

Galichkina E.N. Self-presentation of Language Personality in Web Communication (based on materials of nicks of “Chat” participants)

New information technologies provide wide opportunities for self-presentation of language personality in the web: variety of forms of interaction (chat, forum, blog etc.), opportunity of multiple masquerade activity of participants of web computer communication, carnival character of fellowship, choice of “web name” etc.

Keywords: language personality, self-presentation, web communication

Gallyamova M.S. Bourgeois Tragedy of George Lillo – its Place in the English Drama of Enlightenment

The play of George Lillo “London Merchant, or the History of George Barnwell” became an event, opening a new epoch in the history of English drama. His domestic tragedy distinguishes itself as harmonious correlation of parts, its scenes are sequential and logically motivated, a starting point, a climax and an outcome are clearly outlined and easily determined. George Lillo was among the first to use artistic facilities for solution of moral problems: simplicity, lightness, availability and expressiveness of the language.

Keywords: domestic tragedy, Enlightenment, blank verse, pedestrianism of style.

Guseva O.A. Conditions for Realization of Strategies of Emotional Resonance in Political Manipulative Discourse

All manipulative techniques are predominantly based on creating the recipient's emotional response so as to overcome the resistance of reason. By means of evoking emotional response it is possible to stimulate the necessary reactions and inculcate stable attitudes towards the advocated idea in the minds of the target audience. Emotional response technique is a scheme of exciting certain sentiments in broad masses together with communicating the propaganda message. Universal as it may seem, this technique doesn't admit of arbitrary application, otherwise the targeted perception mechanisms will be stirred up, but directed diametrically opposite what was being sought.

Keywords: influence, manipulation, attitude, emotional resonance.

Denisenko N.V. The Methods of Advertising Copies Production

The article gives the information about the principles of copies production. The content of this work represents the system of the main aspects of the correct advertising copy production that influences the importance of the product at the consumer goods market.

Keywords: consumer, product, advantage, disadvantage, competitor.

Kanalash O.P. Double Aspect of Zoonym in Linguistic Culturology

In the article the questions of denomination of phrases with designation of animal that deserve attention are considered, because being complied to the laws of the language they form specific subsystem with its regularity that demands special description.

Keywords: linguaculturology, zoonym, zoomorphism, lexeme, semantics.

Kremenetskaya I.V. Ways of Expression of Modal Meanings with Units of Different Language Levels.

The article deals with the problems of modality. In the focus of the paper there are ways referring to different levels of language of expressing modal meanings. The author underlines that it's very important to research modal meanings to build up paradigmatic types of linguistic units having both external forms and internal contents. Mastering these types will allow us to express our thoughts, feelings and attitude to the reality in the process of exchanging information more fully.

Keywords: paradigm, modality, linguistic unit, linguistic level

Kulazhenko A.V. Linguistic Cultural Aspect in Translation

The originality of perception of situations by representatives of different national cultures is considered in the article «Lingo-cultural aspect in the translation». For true translation it is required not only knowledge of language, but also knowledge of national and cultural features of the country. The precondition for the true transfer of the words expressing realities of material life in the other language are previous knowledge of the translator about described.

Keywords: lingo-cultural aspect; cultural component of the sense of a word; background knowledge; national - specific realities; connotation.

Kulichenko Y.N. Representation of External Manifestation of Internal State of Surprise in the Russian and English Languages

This article is devoted to the description of facial expressions of the emotion of surprise in the Russian and English languages and their linguistic analysis. The examples are given from the classics.

Keywords: comparative research of the Russian and English languages, emotions, mimic, semantic and notional structure of verbs

Lavrova N.A. Contaminated Word and Complex Contamination

The article analyses the key differences and common features of contamination and complex clippings. For this purpose 6 criteria are foregrounded that enable to demonstrate that contamination is an independent word-building pattern. Both representing variants of the curtailing of 2 or more words up to one language or speech unit, contamination and complex clippings at the same time reveal considerable differences.

Keywords: contamination, complex clipping, quasi-morph.

Larina E.A. Principles of Ethics

The article regards the practical importance of ethic, analyses principles of ethics in the teaching of foreign languages and knowledge of foreign traditions manifests in these principles. The example of tradition to present flowers is also given in this article.

Keywords: ethics, principles of ethics, traditions, foreign languages.

Marinin M.A. Peculiarities of Usage of Verbal Idioms in the Specialized Texts

Described is mutual impact for general purpose and terminological lexicon of English language in the area of information technology. The multiple

and widespread localizations, however, are remained for linguists to find possible socio-cultural solutions in translating original English sources.

Keywords: verbal idioms, terminology, computing techniques, social linguistics

Mekheda M.I. Pragmatic Stylistic Functions of Reduplicates in Literary Functional Style (based on materials of works of contemporary Russian and English authors)

The aim of this article has been to explore Reduplication as one of the ancient types of word formation. Taking into account cooperation of reduplicative form and its polysemantic structure is essential for the analysis. Reduplication is being researched here in terms of its functional applications in the literary texts by modern Russian and English writers.

Keywords: Reduplication, intensification, expressiveness, extra-information encoding.

Mikhailova E.V., Nazarko E.V. Nationally Oriented Educational Materials in the Process of Teaching Russian as a Foreign Language in a Musical University: M.Bogdanovich – V.Korotkevich

The educational materials many of which have national orientation occupy important place in the process of teaching of the Russian language as a foreign one. Artistic texts are marked out with bright national specificity. M. Bogdanovich and V. Korotkevich are outstanding representatives of the Belarusian culture. Their works which have connection with the speciality of those who are trained or realize a national cultural paradigm are necessary for the lessons in the musical higher educational establishment. The poetry by M. Bogdanovich and V. Korotkevich demonstrates the indissolubility of the artistic traditions of the Belarusian culture.

Keywords: nationally oriented educational materials, Belorussian culture, musical university

Mogilevskaya O.A. Ways of Expression of Implicity in the Texts of Mass Media with Marked Ideological Tonality (based on materials of the Russian and American articles of 20-30s and contemporary works)

The article envisages the stylistic devices expressing implicity of mass media discourse with marked ideological tone.

Keywords: mass informational discourse, tonality, ideology, implicity

Novruzova G.G. Somatic Vocabulary of Anthropocentric Focus in the Russian and English Languages as an Object of Study

Names of body parts is the most ancient part of vocabulary directly connected with functional sense sides of human existence and reflecting cultural anthropological peculiarities of personalities, belonging to different language communities. Such vocabulary is called somatic, i.e. it defines the human body parts and manifestation of its organism, and is one of the most interesting lexical semantic groups both in the Russian and English languages.

Keywords: names of body parts, somatic vocabulary, personality

Pasechnik T. B. On Comparative Studies of the Phraseological Models of the World of Peoples (on the material of Russian and English idioms with number components)

The article under consideration demonstrates types of interlanguage equivalents of Russian and English idioms with number components, so the author attempts to show the reasons that cause similarities and peculiarities in the phraseological models of the world of the Russian and English peoples.

Keywords: phraseological unit, phraseological image, interlanguage equivalents, phraseological model of the world.

Prima A.M. Female Characters in the Light of Men's Perception in the Novel "Mrs Dalloway" by V.Wolf: Gender Component

The article deals with the representation of female characters in Virginia Woolf novel "Mrs Dalloway". Special emphasis is paid to the gender approach in linguistics applied to a literary text.

Keywords: gender, V.Wolf, female characters

Puchkova A.V. Speech Genre "Bureaucratic Formal Reply" as a Discourse Phenomenon

The article is devoted to the investigation of the speech genre the "bureaucratic formal reply". The author tells about three approaches to studying of speech genres and describes the model of the speech genre the "bureaucratic formal reply" according to one of them.

Keywords: discourse, speech genre, "bureaucratic formal reply"

Shevchenko O.P. Gender Differences in Communicative Behaviour of Politicians

The article is aimed at analyzing the phenomenon of gender when used in political context. The author looks at characteristic features of

masculine and feminine types in political communication and defines the aspects considered by a political leader when giving priority to the usage of a definite gender role.

Keywords: gender, sex, masculine communication, feminine communication.

Shesterkina N.V. The Macrostructure of the Concept “Fire”: Based on Folklore Texts

The paper deals with the macrocomponents which form the macrostructure of the concept «ОГОНЬ» (fire). They comprise the image component, encyclopaedic and interpreting segments. The macrostructure is permeated by cognitive areas. (Based on folklore texts)

Keywords: conception, macro structure, macro component, micro component, cognitive layer, image component, encyclopedic field, interpretation field, folklore texts

Suvorova N. L. Morphological Peculiarities of the English Low-colloquial Speech in the Aspect of Grammar

The article deals with the classification of grammatical deviations from the literary norm in the category of pronoun in order to find out morphological peculiarities of the English low-colloquial speech. Theoretical and practical English grammar books are used to define the degree of correctness of examined patterns. Quantitative analysis helps to distinguish the main tendencies in the structure of grammatical deviations in modern fiction.

Keywords: norm, grammatic colloquialism, morphological peculiarities, norm deviation, analytism

Ziyatdinova E.V. The Project Method as an Effective Means of Forming of the Communicative Competence of the Students from the Profile Classes in the Schools Providing General Education

The modernization of Russian system of education and radical changes, connected with it, have introduced some problems and made urgent the search of effective ways of the improvement of educational quality. These changes have applied to school educational system too. Nowadays the using of innovative technologies are becoming more and more topical. In this article the author shows different possibilities of the project method as an effective means of forming of the communicative competence of the students from the profile classes in the schools providing general education.

Keywords: communicative competence, structural components, sociologization of a personality, project method.

Zyryanova I. Polyprecedency in Headlines of British Mass Media

The article deals with the studying of precedent phenomena in headlines of British newspapers and magazines from the viewpoint of their polyprecedency. The research is based on two models according to which polyprecedency in headlines is created. As a result, the author points out the source domains which are referred to in its creation.

Keywords: precedent phenomenon, polyprecedency, source-domain, Mass Media.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алимурадов Олег Алимурадович – доктор филологических наук, профессор кафедры западно-европейских языков и культур, начальник управления научной работы Пятигорского государственного лингвистического университета.

3357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9.
alimuole@mail.ru

Анохина Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Алтайской государственной педагогической академии.

656031, Барнаул, ул. Молодежная, 55.
marisha1980@mail.ru

Антипова Елена Николаевна – Стерлитамакская государственная педагогическая академия имени Зайнаб Биишевой (Р. Башкортостан), филологический факультет, отделение «Русский язык и литература», 3-ий курс.

450076, РБ, Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
Antipova21@mail.ru

Баллод Ирина Всеволодовна – зав.кафедрой иностранных языков № 3 Института иностранных языков Российского Университета дружбы народов, доцент, кандидат филологических наук

117198, ул. Миклухо-Макляя, д.б.
irina_ballod@mail.ru

Бейлинсон Любовь Семеновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры специальной педагогики и психологии Волгоградского государственного педагогического университета.

400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.
lbeilin@yandex.ru

Галичкина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Астраханского государственного университета.

414056, Астрахань, ул. Татищева, 20-а.
elenagalich@yandex.ru

Галлямова Мария Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения Магнитогорского государственного университета

Магнитогорск, пр. Ленина, 114.

maria_gallyamova@mail.ru

Гусева Мария Александровна – преподаватель кафедры романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков Армавирского государственного педагогического университета.

352901, Армавир, ул. Р. Люксембург, 159.

Maria_Guseva@mail.ru

Гусева Ольга А. – кандидат филологических наук, доцент Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского.

248023, Калуга, ул. Ст. Разина, 26.

goal_post@mail.ru

Денисенко Наталья Валентиновна – преподаватель Челябинского государственного университета, Костанайский филиал

110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.

Natawenka.87@mail.ru

Зиятдинова Евгения Вячеславовна – учитель русского языка и литературы Лицея №83.

evg-zi@mail.ru

Зырянова Ирина Петровна – преподаватель кафедры английского и французского языков Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

622031, Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57.

zyryanovairena@gmail.com

Каналаш Оксана Петровна – преподаватель Челябинского государственного университета, Костанайский филиал.

110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.

Oksana_kanalash@mail.ru

Кременецкая Ирина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Калужского филиала Академии бюджета и казначейства МФ РФ.

kremments@mail.ru

Кулаженко Алеся Владимировна – преподаватель кафедры филологии Костанайского филиала Челябинского государственного университета.

110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.

alessia_kykla@mail.ru

Куличенко Юлия Николаевна – ассистент кафедры английского языка факультета филологии и межкультурной коммуникации Волгоградского государственного университета.

400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.

yuliakulichenko@mail.ru

Лаврова Наталия Александровна – старший преподаватель кафедры лексики английского языка, кандидат филологических наук Московского педагогического государственного университета

119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д.1, стр. 1.

lavruscha@gmail.com

Ларина Екатерина Алексеевна – ассистент преподавателя французского языка Магнитогорского государственного университета.

119991, Москва, Ленинские горы.

leakatia@rambler.ru

Маринин Максим Александрович – Старший преподаватель кафедры иностранных языков Владимирского государственного гуманитарного университета.

600024, гор. Владимир, просп. Строителей, 11, каб. 135.

m_marinin@yahoo.co.uk

Мехеда Марина Ивановна – старший преподаватель кафедры английского языка факультета романо-германской филологии Тюменского государственного университета, соискатель ученой степени кандидата филологических наук.

625003, Тюмень, ул. Семакова, 10.

mmekheda@mail.ru

Михайлова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языков Белорусской государственной академии музыки.

220030, Респ. Беларусь, Минск, ул. Интернациональная, 30.
mikhailovarv@mail.ru

Могилевская Ольга Александровна – ст. преподаватель, соискатель степени кандидата филологических наук Волгоградского государственного педагогического университета.

4400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.
om84@rocketmail.com, olya3mog@yahoo.com.

Назаренко Елена Викторовна – старший преподаватель кафедры языков Белорусской государственной академии музыки.

220030, Респ. Беларусь, Минск, ул. Интернациональная, 30.
EN77@tut.by

Новрузова Гульнара Гафизовна – преподаватель кафедры иностранных языков в филиале Казанского государственного университета.

420008, Казань, ул. Кремлевская 18.
gulnara_n_86@mail.ru

Пасечник Татьяна Борисовна – Кандидат филологических наук старший преподаватель кафедры английского языка Коломенского государственного педагогического института.

РТВ.65@mail.ru

Прима Анастасия Михайловна – преподаватель кафедры английской филологии, Кубанского государственного университета.

350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
abarminsk@mail.ru

Пучкова Анна Владимировна – преподаватель кафедры французского языка Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского.

248023, Калуга, ул. Ст. Разина, 26.
rav1608@mail.ru

Суворова Наталья Леонидовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Череповецкого государственного университета.

162600, Череповец, пр-т Луначарского, д. 5, г.
nla82n@yandex.ru

Шевченко Ольга Петровна – преподаватель Новороссийского филиала Пятигорского государственного лингвистического университета.

357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9.
malisheva_83@mail.ru

Шестеркина Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

430005, Респ.Мордовия, Саранск, ул. Большевикская, д. 68.
nvshest@mail.ru

